

АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:

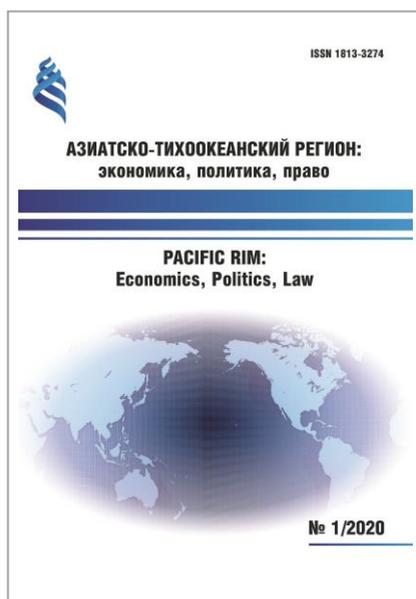
экономика, политика, право

**Научный
журнал**

Основан в 1999 году

2020
№ 1

Учредитель:

- Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
- ISSN 1813-3274 (печатная версия)
- ISSN 2499-9474(онлайн)
- Индекс 83612
- DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274
- Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.
- Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ
корп. А(24), к. А920–923

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

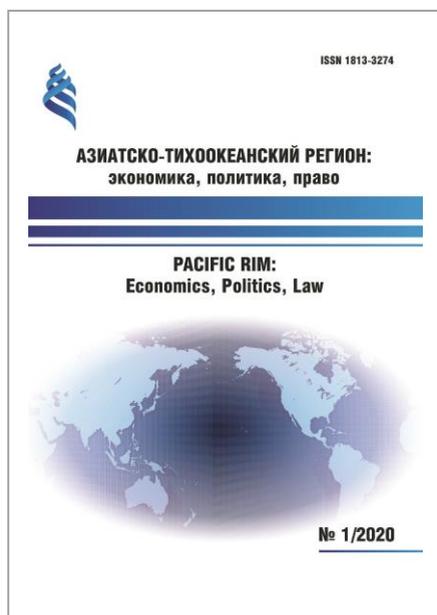
PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

The Journal was established in 1999

2020
No 1

Founder:

- Registration certificate ПИ № ФС 77-65746 of May 20, 2016
- ISSN 1813-3274 (Print)
- ISSN 2499-9474 (Online)
- Index 83612
- DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- Materials of the Journal are included into the Russian Science Citation Index.

Address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay, FEFU Campus
Building A (24), office A920–923
Far Eastern Federal University
Phone: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

Председатель редакционного совета журнала

**КНЯЗЕВ
Сергей
Дмитриевич** судья Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

**КОРОБЕЕВ
Александр
Иванович** заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

**ГАВРИЛОВ
Вячеслав
Вячеславович** доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

**КУЗНЕЦОВА
Наталья
Викторовна** профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

**МАМЫЧЕВ
Алексей
Юрьевич** профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

**КОРОЧЕНЦЕВ
Владимир
Владимирович** заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

- БАКЛАНОВ**
Пётр
Яковлевич академик Российской академии наук, директор Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
- БЕЛКИН**
Виктор
Григорьевич советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ВАНДЕРХЗВААГ**
Дэвид директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
- КАПУСТИН**
Анатолий
Яковлевич научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
- КОШЕЛЬ**
Алексей
Сергеевич проректор по общим вопросам Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук, доцент, Владивосток, Россия
- КУРИЛОВ**
Владимир
Иванович член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ЛИ**
Ик Хён вице-президент Университет Моквон, Республика Корея
- ПАК**
Ноенг профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
- РОГОВ**
Игорь
Иванович заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан
- ТРЕТЬЯК**
Ольга
Анатольевна заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия

- ФУ**
Куенчен профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
- ХУАН**
Даосю председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика
- ПАНОВА**
Инна
Викторовна профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия

Редакционная коллегия журнала

- АРАНОВСКИЙ**
Константин
Викторович судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
- ВОТИНЦЕВА**
Людмила
Ивановна член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор кафедры современного банковского дела Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Владивосток, Россия
- ЖАРИКОВ**
Евгений
Прокофьевич профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
- КОРОТКИХ**
Наталья
Николаевна профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, Владивосток, Россия
- НОМОКОНОВ**
Виталий
Анатольевич профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
- ПЕСЦОВ**
Сергей
Дмитриевич профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Chair of Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Koroquentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, Director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Anatoly Ya. Kapustin	Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Russia
Alexey S. Koshel	Vice-President for General Affairs, Far Eastern Federal University, Candidate in Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia
Vladimir I. Kurilov	Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
Ik Hyeon Rhee	Vice President, Mokwon University, the Republic of Korea
Park Nohyoung	Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center fo International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
Igor I. Rogov	Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, the Republic of Kazakhstan
Olga A. Tretyak	Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia
Fu Kuen-chen	Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
Huang Daoxiu	Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China
Inna V. Panova	Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia

Members of Editorial board

- Konstantin V. Aranovsky** Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
- Lyudmila I. Votintseva** Professor of Department of Modern Banking, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia
- Evgeny P. Zharikov** Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Vladivostok, Russia
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Sergey D. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала	11
--------------------------------------	----

ЭКОНОМИКА

<i>Филимонова И. В., Немов В. Ю., Проворная И. В., Чеботарева А. В.</i> Восточный вектор сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в энергетической сфере	15
<i>Батунаев Э. В., Григорьева Ю. Г.</i> Приграничное сотрудничество России и Монголии (на примере Республики Бурятия)	30
<i>Нагапетян А.Р., Гришин Д. В., Кедровская А. В.</i> Пространственно- авторегрессионный анализ межрегиональной взаимосвязанности заработных плат в отраслевом разрезе	46
<i>Третьяк В. П., Лякина М. А.</i> Цифровая платформа – продукт квазиинтегрированных систем	61

ПОЛИТИКА

<i>Хабибулина О. В., Прокопчук А. В.</i> Государственное управление и информационное общество: грани взаимодействия	74
<i>Цалиев А. М.</i> Актуальные проблемы региональной правовой системы (на примере Республики Северная Осетия – Алания)	90

ПРАВО

<i>Дремлюга Р. И., Яковенко А. А.</i> Регулирование тестирования беспилотного автотранспорта: опыт Европы	103
<i>Лобач Д. В., Смирнова Е. А.</i> Политико-правовые меры обеспечения кибербезопасности в Китайской Народной Республике на современном этапе	118
<i>Нгуен Шон Нам.</i> Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений во Вьетнаме с 1945 г. по 1975 г.	131
<i>Надточий Ю. В.</i> Основные тенденции уголовно-правовой политики России в сфере экологической безопасности: проблемы пенализации и депенализации	142
<i>Голубев С. И.</i> Последствия экологических преступлений и их отражение в российском уголовном законе	154

Contents

To the Readers	11
-----------------------------	----

ECONOMICS

<i>Filimonova Irina V., Nemov Vasily Yu., Provornaya Irina V., Chebotareva Anastasia V.</i> Eastern vector of cooperation between Russia and countries of the Asia-Pacific region in the energy sector	15
<i>Batunaev Eduard B., Grigorieva Yulia G.</i> Cross-border cooperation between Russia and Mongolia (on the example of the Republic of Buryatia)	30
<i>Nagapetyan Artur R., Grishin Danil V., Kedrovskaya Anna V.</i> Spatial-autoregressive analysis of inter-regional interconnectedness of wages in the context of industry	46
<i>Tretyak Vladimir P., Lyakina Maria A.</i> Digital platform – quasi-integrated systems product	61

POLITICS

<i>Khabibulina Olga V., Prokopchuk Alexandra V.</i> Public Administration and Information Society: Points of Interaction	74
<i>Tsaliev Alexander M.</i> Actual problems of the regional legal system (case study of the Republic of North Ossetia – Alania)	90

LAW

<i>Dremluga Roman I., Yakovenko Andrey A.</i> Regulation of autonomous vehicle testing and use: experience of Europe	103
<i>Lobach Dmitry V., Smirnova Evgenia A.</i> Legal policy measures for cyber security in People's Republic of China at the present stage	118
<i>Nguyen Son Nam.</i> Legal regulation of state-confessional relations in Vietnam from 1945 to 1975	131
<i>Nadtochiy Julia V.</i> Main trends in the criminal law policy of the Russian Federation in environmental safety: problems of penalization and depenalization	142
<i>Golubev Stanislav I.</i> Consequences of environmental crimes and their reflection in the Russian criminal law	154

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреваты замедлением интеграционных процессов. Поэтому выпуск журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуален в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики содержат:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- социологические исследования по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальную информацию по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, оформленные по образцу журнала, объёмом не более 20 страниц машинописного текста, включая список литературы;

- Ф.И.О. (полностью), учёную степень и учёное звание, должность, место работы – на русском и английском языках;
- название статьи, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20) – всё на русском и английском языках;
- e-mail для связи с читателями, УДК;
- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]»;
- список литературы (на русском яз.) и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) – в конце статьи; обязательно указывать общее количество страниц в печатном источнике.

Рукопись необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14. Образец оформления статьи можно посмотреть на сайте журнала.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690091, Владивосток, ул. Суханова, 8, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: dvfu.ru/apr-magazine/

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2716).

To the Readers

The Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the emergence of "PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law" Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University, the journal includes the coverage of the following topics:

- Articles on the economy, foreign economic activity, policy, international law cooperation of the countries of Asia-Pacific region, the Far East, Primorsky Krai;
- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;
- Materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;
- Legislative reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Comparative-legal study features of the legislation of Russia and the Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- Reviews of the activities of regional organizations;
- Messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFU and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, formatted in accordance with the journal's standards, with a volume of no more than 20 pages of text, including references;

- Full name (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages;

- The manuscript's title, a brief abstract (250–300 words), keywords (at least 20) – in Russian and English languages;

- Access to e-mail for communication means with readers, UDC;

- Links placed in square brackets, for example, "According to [5], or the cited reference [5, p. 18]";

- List of Literatours (in Russian) and References (BSI transliteration, translated into English) should be placed at the end of the article; Be sure to specify the total number of pages in the printed source.

The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14. A sample design can be viewed on the website.

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 8, Sukhanova St., Vladivostok, 690091, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: apr-magazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2716).

УДК 339.564:620.91(5:265)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/15-29

И. В. Филимонова¹, ИНГГ СО РАН, г. Новосибирск, Россия

E-mail: FilimonovaIV@list.ru

В. Ю. Немов², ИНГГ СО РАН, г. Новосибирск, Россия

E-mail: Void-pilgrim@mail.ru

И. В. Проворная³, ИНГГ СО РАН, г. Новосибирск, Россия

E-mail: ProvornayaIV@gmail.com

А. В. Чеботарева⁴, ИНГГ СО РАН, г. Новосибирск, Россия

E-mail: anstasiya0310@gmail.com

**ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ
СО СТРАНАМИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА
В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ***

¹ Ирина Викторовна Филимонова, доктор экономических наук, профессор, заведующая Центром экономики недропользования нефти и газа Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А. А. Трофимука СО РАН, заведующая кафедрой политической экономии экономического факультета Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия.

² Василий Юрьевич Немов, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра экономики недропользования нефти и газа Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А. А. Трофимука СО РАН, доцент кафедры политической экономии экономического факультета Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия.

³ Ирина Викторовна Проворная, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра экономики недропользования нефти и газа Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А. А. Трофимука СО РАН, доцент кафедры политической экономии экономического факультета Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия.

⁴ Анастасия Владимировна Чеботарева, младший научный сотрудник Центра экономики недропользования нефти и газа Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А. А. Трофимука СО РАН, г. Новосибирск, Россия.

Для цитирования: Филимонова И. В., Немов В. Ю., Проворная И. В., Чеботарева А. В. Восточный вектор сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в энергетической сфере // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 1. С. 15–29.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-1459.2019.6 и гранта РФФИ в рамках научного проекта № 18-310-20010.

Аннотация. В статье проанализирована роль Азиатско-Тихоокеанского региона в экспорте нефти и газа из России. Оценен экспортный потенциал восточных регионов России. Уделено внимание транспортной инфраструктуре экспортного назначения, охарактеризован трубопроводный транспорт на востоке России, проанализирована доля объёма транспортировки углеводородов в совокупном производстве энергоносителей в России. Изучена динамика изменения стоимостной структуры экспортируемых энергоносителей из России. Авторами исследована также структура потребления и производства энергоносителей в странах АТР, Северной Америки и Европы. Отдельно рассмотрены мировые рынки нефти и газа, а также перспективы сотрудничества со странами АТР в энергетической сфере.

Ключевые слова: энергетическое сотрудничество, трубопровод, транспортировка нефти на экспорт, Азиатско-Тихоокеанский регион, топливно-энергетический баланс, потребление энергоносителей, производство нефти и газа, Восточная Сибирь, Дальний Восток.

Irina V. Filimonova¹

IPGG SB RAS, Novosibirsk, Russia

E-mail: FilimonovaIV@list.ru

Vasiliy Yu. Nemov²

IPGG SB RAS, Novosibirsk, Russia

E-mail: Void-pilgrim@mail.ru

Irina V. Provornaya³

IPGG SB RAS, Novosibirsk, Russia

E-mail: ProvornayaIV@gmail.com

Anastasia V. Chebotareva⁴

IPGG SB RAS, Novosibirsk, Russia

E-mail: anstasiya0310@gmail.com

EASTERN VECTOR OF COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION IN THE ENERGY SECTOR*

Abstract. The article analyzes the role of the Asia-Pacific region in the export of oil and gas from Russia. The export potential of the eastern regions of Russia was evaluated, attention was also paid to transport infrastructure for export, pipeline transport in the east of Russia was characterized, the share of hydrocarbon transportation in the total energy production in Russia was analyzed. The dynamics of changes in the cost structure of ex-

¹ Irina V. Filimonova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Economics of Subsoil Use of Oil and Gas, Institute of Petroleum Geology and Geophysics, named after A. A. Trofimuk, SB RAS, Head of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

² Vasiliy Yu. Nemov, Ph.D. (econ.), senior researcher at the Center for Economics of Subsoil Use of Oil and Gas, Institute of Petroleum Geology and Geophysics, named after A. A. Trofimuk, SB RAS, Head of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

³ Irina V. Provornaya, PhD in Economics, Associate professor, senior researcher, Center for Economics of Subsoil Use of Oil and Gas, Institute of Petroleum Geology and Geophysics, named after A. A. Trofimuk, SB RAS, Head of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

⁴ Anastasia V. Chebotareva, junior researcher, Center for Economics of Subsoil Use of Oil and Gas, Institute of Petroleum Geology and Geophysics, named after A. A. Trofimuk, SB RAS, Head of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

For citing: Filimonova I. V., Nemov V. Yu., Provornaya I. V., Chebotareva A. V. Eastern vector of cooperation between Russia and countries of the Asia-Pacific region in the energy sector // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No 1. P. 15–29.

* The study was supported by a grant from the President of the Russian Federation MK-1459.2019.6 and a grant from the Russian Federal Property Fund in the framework of scientific project No. 18-310-20010.

ported energy from Russia was studied. The authors also investigated the structure of energy consumption and production in the Asia-Pacific countries, North America and Europe. The world oil and gas markets, as well as the prospects for cooperation with the Asia-Pacific countries in the energy sector were separately considered.

Key words: energy cooperation, pipeline, oil transportation for export, Asia-Pacific region, fuel and energy balance, energy consumption, production of oil and gas, East Siberia, the Far East.

Введение

В соответствии с Доктриной энергетической безопасности РФ, утверждённой Указом Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216, одним из главных внешне-экономических вызовов для энергетической безопасности страны и отечественного нефтегазового комплекса названо перемещение центра мирового экономического роста в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР).

В последние годы происходит расширение торговых и экономических связей России со странами АТР, прежде всего обусловленное изменением отношений с европейскими и североамериканскими странами вследствие введения ими в 2014 г. финансовых и секторальных санкций. Однако предпосылки расширения кооперации с Азиатско-Тихоокеанским регионом сложились значительно раньше [4, 4]. Долгие годы основной позицией в товарообороте выступали металлы, но с момента запуска в 2008 г. магистрального нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» и строительства спецморнефтепорта Козьмино таковой стало нефтяное сырьё. Новую эру сотрудничества в конце 2019 г. открыло начало поставок природного газа по газопроводу «Сила Сибири».

Рост сотрудничества в энергетической сфере обуславливает необходимость комплексного исследования динамики развития Азиатско-Тихоокеанского рынка углеводородов и изменения его роли в структуре мирового топливно-энергетического баланса. Рост поставок сырья на азиатские рынки позволит решить не менее важную стратегическую задачу, обозначенную в Доктрине энергетической безопасности РФ, – диверсификацию поставок и противодействие дискриминации российских организаций, экспортирующих нефть и продукты её переработки на европейском рынке.

Роль АТР в экспорте из России

Россия располагает самым крупным в мире энергетическим потенциалом. Доля экспорта в общем объёме добычи нефти в России составляет 47 %, экспорт произведенных нефтепродуктов составляет 50 %, благодаря поэтапному вводу в эксплуатацию завода «Ямал СПГ» доля экспортируемого газа выросла с 34 % в 2018 г. до 37 % в 2019 г. (рис. 1).

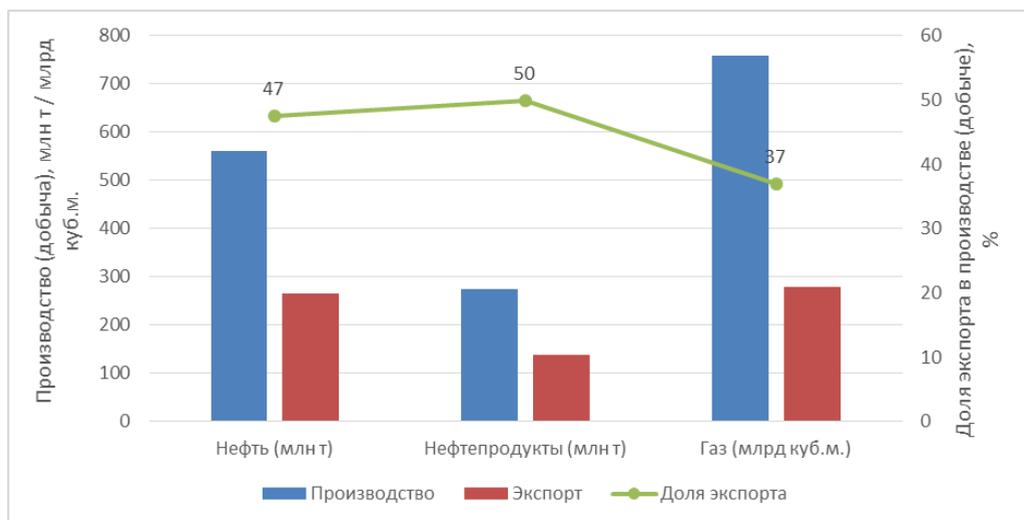

Рис. 1. Доля экспорта в производстве (добыче) энергоносителей в России в 2019 г.

Источник: рассчитано авторами

Несмотря на влияние экономических кризисов и мер по диверсификации экономики России, сохраняется высокая зависимость от экспорта энергетических ресурсов [1, 7]. В стоимостной структуре экспорта товаров из России на нефтегазовые ресурсы (нефть, нефтепродукты, газ) приходится 58 %. Поступления от экспортной пошлины долгие годы составляли 30 % доходов федерального бюджета. С началом «налогового манёвра» в 2015 г. и одновременном ухудшении ценовой конъюнктуры на мировых энергетических рынках доля поступлений от экспорта нефти и газа в бюджет сократилась до 20% (рис. 2).

В дальневосточных регионах России сосредоточена значительная часть энергетических ресурсов, а страны АТР представляют крупнейший мировой центр потребления нефти, нефтепродуктов, а также самый динамично развивающийся рынок природного и сжиженного газа. В последнее десятилетие в России высокими темпами идёт развитие транспортной инфраструктуры на востоке страны, способствующей росту поставок энергетических товаров на рынок стран АТР [6]. Так, закончено формирование магистральной нефтепроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан», развивается газопроводная инфраструктура (2 декабря 2019 г. начаты поставки по газопроводу «Сила Сибири»), расширяются мощности по перевалке грузов в портах, реализуются новые проекты СПГ [2]. В настоящее время на рынок АТР приходится 34 % экспорта нефти, 15 % экспорта нефтепродуктов и 6 % экспорта газа (рис. 3). Крупнейшие торговые партнёры на этом рынке – Китай, Япония и Корея.

Долгие года факторами, сдерживающими сотрудничество России со странами АТР, были неразвитость транспортной инфраструктуры, низкая степень геологиче-

ской изученности территории Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также отсутствие государственных механизмов стимулирования и повышения эффективности деятельности хозяйствующих субъектов в удалённых регионах азиатской части страны. Вместе с тем, начало кооперации в энергетической сфере стимулировало развитие дальневосточных регионов страны, присутствие крупного бизнеса нефтегазового и финансового секторов экономики способствует решению социально-экономических и внешнеэкономических задач.

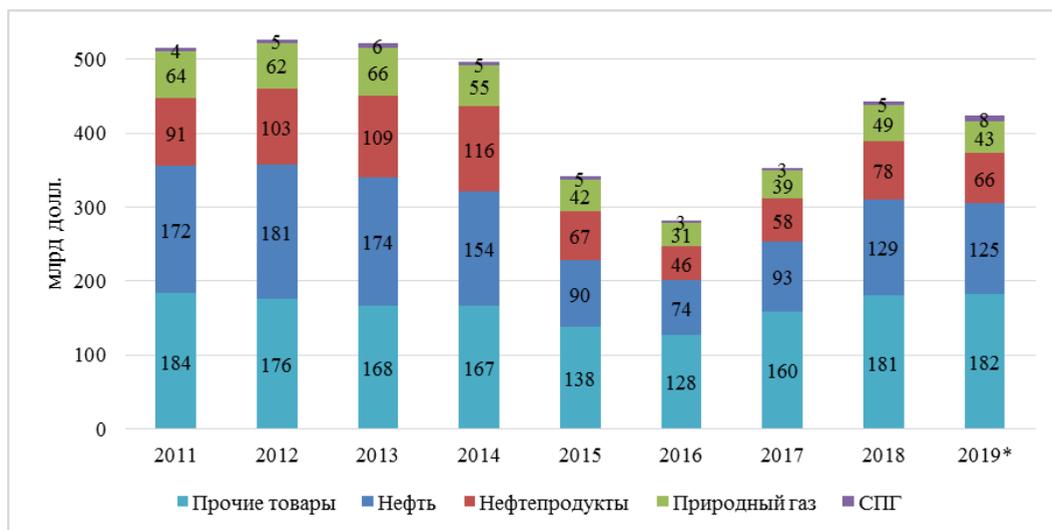

Рис. 2. Динамика стоимостной структуры экспорта товаров из России, млрд долл. (в 2019 г. – оценка по трём кварталам)

Источник: рассчитано авторами

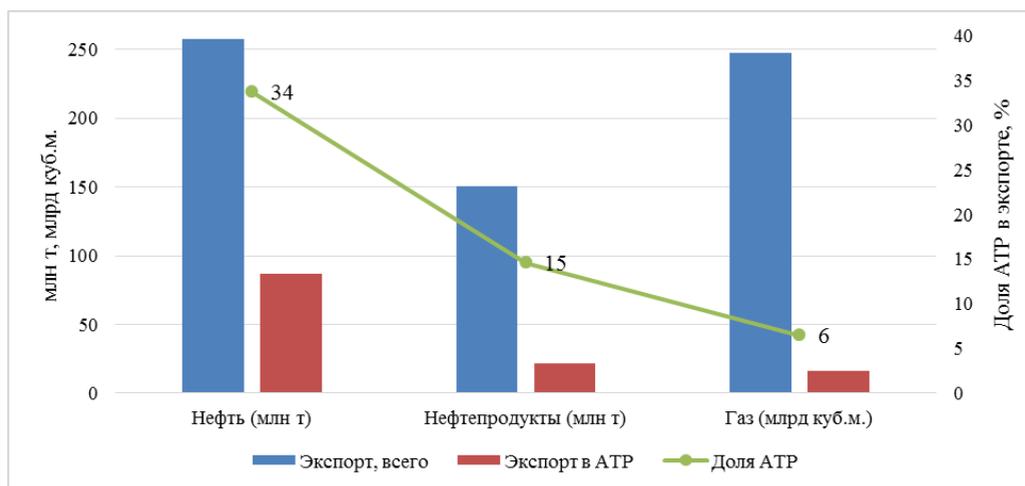

Рис. 3. Роль АТР в экспорте энергоносителей из России в 2018 г.

Источник: рассчитано авторами

Экспортный потенциал восточных регионов России

В 2019 г. продолжился рост объёма транспортировки нефти на экспорт по магистральному нефтепроводу ВСТО вследствие увеличения мощности отдельных участков трубопроводной системы – ВСТО-1 и ВСТО-2. По итогам 2019 г. объём экспортных поставок нефти по ВСТО составил 63,2 млн т. Относительно 2016–2017 гг. экспортные поставки выросли на 31 % (табл. 1). Основную часть мощности трубопровода заполняет нефть из месторождений Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия). В последние годы добыча в регионе держится на уровне 55 млн т. Несмотря на то, что месторождения Ванкоро-Сузунской зоны в геологическом плане относятся к Западносибирской нефтегазоносной провинции, по административному делению они расположены в Красноярском крае, поэтому их целесообразно рассматривать в составе восточносибирского региона.

Таблица 1

Экспорт нефти из Восточной Сибири и Дальнего Востока

Источник поставки / направление экспорта	2012	2014	2016	2018	2019	2019/2018 гг.,
						%
ВСТО*, всего	31,4	41	48,3	59,6	63,2	106,0
Порт Козьмино	16,3	24,9	31,8	31,3	33,2	106,1
Китай	4,1	7,4	22,2	25,5	25,9	101,6
Япония	4,9	8,5	3,9	3,3	2,3	70,4
Южная Корея	1	3	2,4	0,8	2,0	249,0
Прочие	6,4	6	3,3	1,8	3,0	166,0
Нефтепровод-отвод «Сковородино – Дацин»	15,1	16,1	16,5	28,3	30	106,0
Китай	15,1	16,1	16,5	28,3	30	106,0
Минус систему ВСТО	12,6	13,3	16,8	17,2	17,9	104,2
Де-Кастри	7,1	7,9	11,3	11,6	13,0	111,8
Пригородное	5,5	5,4	5,5	5,6	4,9	88,3

* Часть нефти поступает из Западной Сибири; без учёта поставок на Комсомольский НПЗ
Источник: рассчитано авторами

В период 2015–2017 гг. наблюдались задержки со строительством трубопроводной инфраструктуры на территории Китая и в подготовке технических условий к приёму российской нефти на китайских НПЗ. Однако уже в 2018 г. были завершены работы по вводу в эксплуатацию китайского участка нефтепровода «Сковородино – Дацин», а в 2019 г. объём прокачки вышел на проектный уровень – 30 млн т нефти в год.

Крайней точкой нефтепроводной системы ВСТО II является спецморнефтепорт Козьмино, объём экспорта через который в 2019 г. составил 33,2 млн т, что на

6,1 % больше, чем в предыдущем году. В настоящее время мощности порта по перевалке нефти полностью загружены.

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона – основное направление транспортировки нефти из Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия). Значительная часть поставок, до 78 % в 2019 г., осуществляется в Китай. Выгодное расположение порта позволяет отгружать нефтяное сырьё и в другие страны АТР, например, Японию (7 %) и Южную Корею (6 %). Меньшие объёмы поставок приходятся на Новую Зеландию, Малайзию, Сингапур, Филиппины, Таиланд и США. В последние годы рост поставок нефти в США позволил России занять второе место среди поставщиков нефти в эту страну.

Помимо восточного направления экспорт углеводородов и продуктов их переработки в Азиатско-Тихоокеанский регион также осуществляется из портов в европейской части России.

Рынок Азиатско-Тихоокеанского региона является важным направлением российской экспортной газовой политики. До декабря 2019 г. поставки природного газа осуществлялись только в форме СПГ с завода по сжижению газа в рамках проекта «Сахалин-2», акционерами разработки которого являются ОАО «Газпром», Shell, Mitsui и «Мицуи» Mitsubishi. Основным экспортным направлением транспортировки СПГ являются страны АТР – Китай, Тайвань, Южная Корея и Япония.

В 2019 г. в региональной структуре Япония продолжила занимать лидирующее положение среди стран АТР. По итогам года объём экспорта СПГ в Японию из России сократился на 1,6 млн т и составил 6,2 млн т (рис. 4).

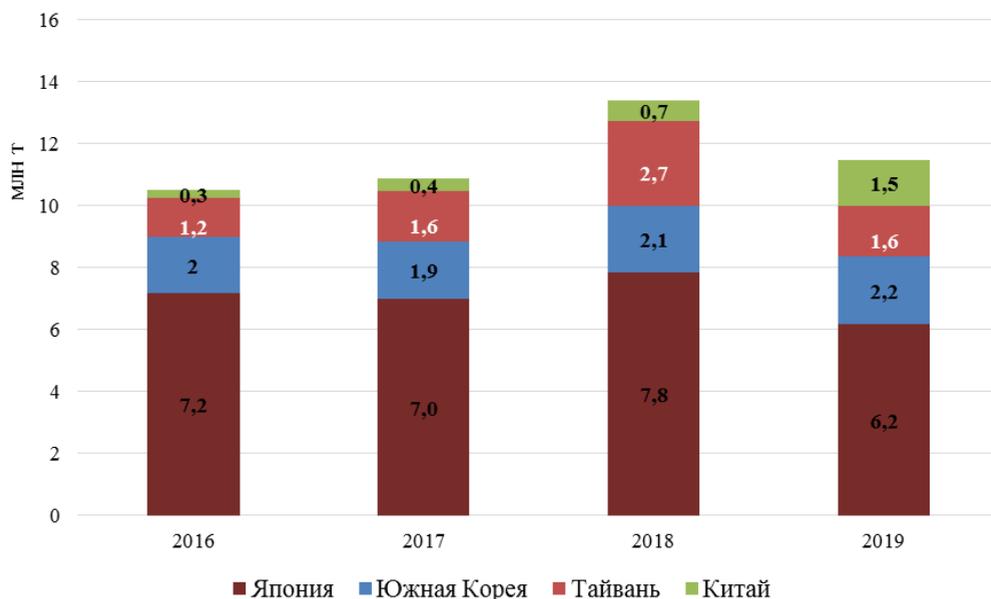

Рис. 4. Экспорт сжиженного природного газа из России в страны АТР

Источник: рассчитано авторами

Вторым важным направлением поставок сжиженного газа на экспорт является Южная Корея, в 2019 г. объём транспортировки увеличился на 0,1 млрд куб. м по сравнению с 2018 г. (2,2 млн т). Экспорт в Тайвань в 2019 г. уменьшился на 1,1 млн т и составил 1,6 млн т. Однако наблюдалось увеличение экспорта СПГ в Китай с 0,7 млн т до 1,5 млн т, преимущественно за счёт развития проекта Ямал-СПГ, но основу пока составляет проект «Сахалин-2».

Транспортная инфраструктура экспортного назначения

Восточное направление экспортных поставок нефти получило развитие с началом эксплуатации трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО). Строительство магистральной инфраструктуры на востоке страны и отводящих нефтепроводов стимулировало освоение ресурсного потенциала регионов Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия). Нефтепровод ВСТО объединил единой транспортной системой нефтяные месторождения Западной и Восточной Сибири с портовой инфраструктурой на Дальнем Востоке. Такая интеграция открыла новые возможности сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в энергетической сфере.

Магистральный трубопровод ВСТО спроектирован из двух крупных участков. Во-первых, это участок ВСТО I по направлению «Тайшет – Сковородино» с дальнейшим продолжением на Китай в направлении «Сковородино – Мохэ». Во-вторых, участок ВСТО II по направлению «Сковородино – Козьмино» и с выходом на тихоокеанское побережье. Общая протяжённость нефтепровода составляет 4740 км. В конце 2019 г. «Транснефть» завершила реализацию проекта «ВСТО», что позволило вывести нефтепровод на максимальную проектную мощность. Максимальный объём перекачки нефти на участке ВСТО-1 составляет 80 млн т нефти в год, на участке ВСТО-2 – 50 млн т нефти. В конце 2019 г. начались также поставки нефти по нефтепроводу-отводу на Комсомольский НПЗ. В результате общий объём прокачки нефти по ВСТО вырос в 2019 г. на 11 %.

Увеличение мощности нефтепровода ВСТО позволят наращивать объём экспорта через порт Козьмино. Так в 2020 г. ожидаемый объём отгрузки нефти составляет 34 млн т. Увеличение ёмкости резервуарного парка и дноуглубительные работы должны позволить увеличить мощность порта до 36 млн т нефти в год.

Основой для роста экспортного потенциала природного газа на рынок стран АТР является развитие проектов «Сила Сибири» и «Сила Сибири-2», а также строительство новых мощностей по производству СПГ.

В конце 2019 г. состоялся запуск магистрального газопровода «Сила Сибири». Газопровод спроектирован преимущественно вдоль трассы нефтепровода ВСТО, что, с одной стороны, в определённой степени удешевило строительство, а, с другой стороны, позволит в будущем организовать сбор природного газа с место-

рождений, которые наряду с нефтью содержат и природный газ. Трасса газопровода проходит по территории пяти субъектов РФ – Республики Саха (Якутия), Иркутской и Амурской областей, Еврейской автономной области и Хабаровского края. Маршрут трассы «Силы Сибири» проложен вдоль действующего магистрального нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан». Максимальная прокачка газа по трубе может составить 38 млрд куб. м газа в год. Источником первых поставок газа является Чайиндинское месторождение в Республике Саха (Якутия), в 2020 г. объём транспортировки газа достигнет 4-5 млрд куб. м. В конце 2022 г. планируется начало подачи газа в газопровод с Ковыктинского месторождения в Иркутской области. Для извлечения гелия и других ценных компонент из газа уникальных месторождений ведётся строительство Амурского ГПЗ. Однако ввод в эксплуатацию первых двух очередей завода планируется в конце 2021 г., а выход на полную мощность ожидается к 2025 г.

На стадии разработки находится проект газопровода «Сила Сибири-2» для транспортировки газа с месторождений Западной Сибири в Китай через территорию Монголии.

Энергетические рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона

На протяжении последних 40 лет центр роста потребления энергетических ресурсов приходится на страны АТР с быстро растущей экономикой. В период с 1980 г. по 2018 г. доля этого региона в структуре энергопотребления выросла с 17,6 % до 43,2 %. При этом среднегодовой темп прироста потребления энергоносителей в странах АТР составил 4,4 %. По итогам 2018 г. потребление энергоносителей выросло на 4,1 %, или на 237,8 млн т н. э. Крупнейшие потребители энергетических ресурсов в регионе – Китай (23,6 % мирового энергопотребления), Индия (5,8 %), Япония (3,3 %) и Южная Корея (2,2 %).

Одним из ключевых факторов роста энергопотребления в АТР является увеличение численности населения, а также рост числа транспортных средств. Поэтому в регионе прогнозируется увеличение потребления всех без исключения энергоносителей для удовлетворения растущих потребностей населения и развития промышленного потенциала.

Структура потребления энергоносителей

АТР – крупнейший регион по уровню энергопотребления, определяющий основные тенденции в изменении структуры энергопотребления. В Азиатско-Тихоокеанском регионе потребляется более 41 % мировых энергетических ресурсов [8, с. 9].

В структуре энергопотребления в АТР доминирует уголь, доля которого составляет 48 %. Высокая доля угля обусловлена тем, что в период бурного роста

экономики Китая с начала 2000-х гг. всё возрастающий спрос на энергию обеспечивался преимущественно за счёт внутренних ресурсов – добычи угля. Однако в последнее десятилетие Китай высокими темпами развивает газотранспортную инфраструктуру для обеспечения импортных поставок и развивает собственную добычу природного газа, при этом с 2014 г. сокращается добыча угля. В то же время спрос на уголь поддерживается со стороны Индии и Индонезии: за период 2010–2018 гг. потребление угля в этих странах выросло на 56 %.

Второй по объёму потребления энергоноситель – нефть, спрос на которую характеризуется стабильным ростом. С 2010 г. потребление нефти в АТР выросло на 26 %, а среднегодовой темп прироста составил 3,4 %. Основными потребителями нефти в регионе являются Китай (38 %), Индия (14 %) и Япония (11 %). При этом в Японии с 2012 г. потребление нефти стабильно сокращается средним темпом 3,4 % в год (рис. 5).

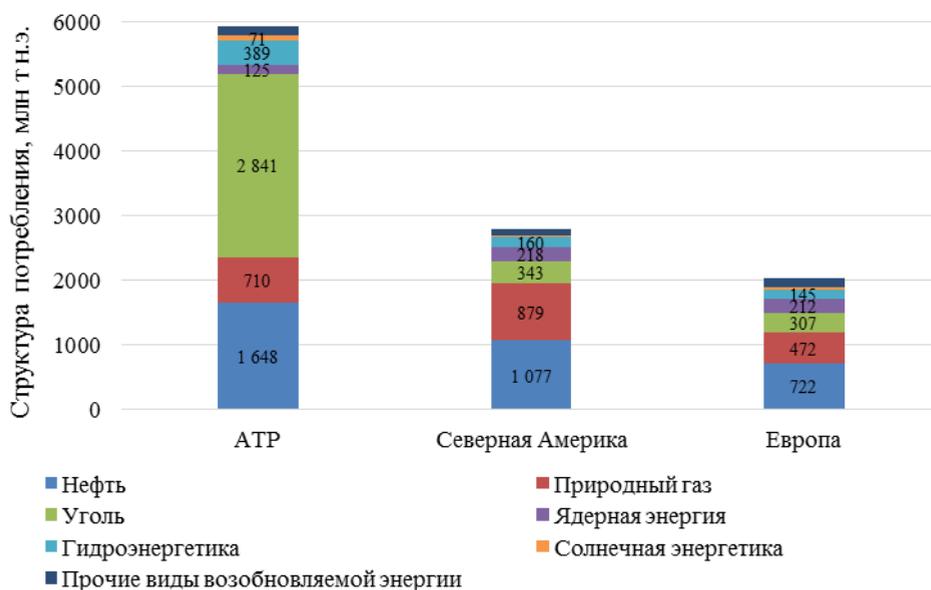

Рис. 5. Структура потребления энергетических ресурсов
Источник: рассчитано авторами

На природный газ приходится 11,9 % энергопотребления. С 2010 г. потребление выросло на 43 %, а среднегодовой темп прироста составил 5,2 %. Быстрее всего спрос растёт в Китае, где за период 2010–2018 гг. потребление выросло в 2,6 раза. Также высоким темпом потребление газа растет в Австралии, Японии, Южной Корее.

На развитие ядерной энергетики в регионе серьёзное влияние оказала авария на АЭС Фукусима-1 в 2011 г., в результате чего Япония (крупнейший потребитель ядерной энергии до аварии) сократила производство ядерной энергии к 2018 г. на 83 %. В то же время высокими темпами вводятся новые мощности в Китае, где

производство ядерной энергии за 2010–2018 гг. выросло в 4 раза, что сделало Китай третьей страной по объёму выработки ядерной энергии после США и Франции. Благодаря этому доля ядерной энергии в структуре потребления выросла до 2,1 %.

Доля альтернативной энергетики в структуре энергопотребления составляет 3,8 %. С 2010 г. производство энергии из альтернативных источников выросло более чем в 5,5 раз, а среднегодовой темп прироста составил 28 % в год. Крупнейшими потребителями альтернативной энергетики являются Китай (64 %), Индия (12 %) и Япония (11 %).

Перспективы сотрудничества в энергетической сфере

Основой сотрудничества России со странами АТР долгие годы являлся экспорт сырья, прежде всего углеводородов и металлов. Особенностью восточносибирских месторождений является то, что они смешанные по типу флюида, т.е. большинство из них содержат одновременно нефть, газ и конденсат. Вместе с тем, ряд крупных газовых месторождений отличается повышенным содержанием попутных ценных компонентов, таких как этан, пропан, бутаны и гелий. Выделение этих фракций может стать основой развития нефтегазохимических производств на востоке страны. Поэтому, если на востоке страны будут созданы мощности по переработке это сложного по составу газа, то Россия сможет решить сразу несколько стратегически важных задач – укрепление приграничной территории, увеличение численности населения за счёт повышения уровня и качества жизни, создания новых рабочих мест, а также дифференцировать доходы от экспорта за счёт реализации продукции с высокой добавленной стоимостью [3, 10].

Перспективные направления сотрудничества восточных территорий России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона таковы:

- В случае роста спроса на нефть возможно увеличение мощности спецморпорта Козьмино за счёт организации поставок, в том числе по железной дороге из Западной Сибири.

- В 2019 г. акционеры проекта «Сахалин-1» (Еххон (30 %), «Роснефть» (20 %), Sodeco (30 %), ONGC (20 %)) приняли решение о строительстве завода по производству сжиженного природного газа в Де-Кастри. Планируемая мощность завода – 6,2 млн т в год, а стоимость строительства оценивается в 10 млрд долл.

- Рассматривается вопрос о строительстве «Восточного нефтехимического комплекса» компанией «Роснефть» при мерах государственной поддержки проекта. В рамках первого этапа планируется создать нефтеперерабатывающий завод мощностью 12 млн т, на втором этапе планируется строительство нефтехимического комплекса мощностью 3,4 млн т в год. Стоимость проекта оценивается в 1,5 трлн руб.

- Поэтапное увеличение поставок по магистральному газопроводу «Сила Сибири». В конце 2022 г. планируется подключение газопровода к Ковыктинскому место-

рождению в Иркутской области. Выход газопровода на проектный уровень поставок 38 млрд куб. м в год планируется после запуска всех очередей Амурского ГПЗ в 2025 г.

- Компанией НОВАТЭК в 2017 г. подписано соглашение о сотрудничестве по созданию на юго-восточном побережье п-ова Камчатка морского перегрузочного СПГ-терминала. Строительство планируется начать в 2020 г. с запуском в эксплуатацию в 2022 г. и предположительным объёмом государственной финансовой поддержки в размере 28,8 млрд руб.

Российские нефтяные компании активно привлекают иностранные инвестиции не только в перспективные проекты, но и в уже действующие активы. Введение секторальных и финансовых санкций со стороны западных государств обусловили необходимость поиска новых источников и направлений заимствования. Так, одним из примеров активного сотрудничества со странами АТР стала компания «Роснефть», активно привлекающая партнёров из Китая и Индии в проекты на востоке страны – «Ванкорнефть», «Таас-Юрях нефтегазодобыча», «Верхнечонскнефтегаз» и «Восточно-Сибирская нефтегазовая компания». Налажено сотрудничество с компаниями ONGC, Oil India, Bharat Petroresources, Beijing Gas, Sinopec и рядом других.

Партнёрские отношения со странами АТР в недропользовании также развивает Иркутская нефтяная компания (ИНК), осуществляющая совместную разработку месторождений Иркутской области и Красноярского края с Японской национальной корпорацией по нефти, газу и металлам (JOGMEC).

Также Роснефть имеет продолжительный опыт успешного сотрудничества с японскими партнёрами. В 1996 г. компания привлекла в проект Сахалин-1 пул иностранных компаний – SODECO (30%), ExxonMobil (30%) и ONGC Videsh Ltd. (20%). Акционерами SODECO выступают правительство Японии, Japex, Itochu, Marubeni, Inpex.

Таким образом, богатейший ресурсный потенциал восточносибирских регионов обуславливает инвестиционный интерес стран АТР. Активное развитие приграничной инфраструктуры, прежде всего для трубопроводной и портовой, существенно повышает коммерческую эффективность поставок нефти и газа в Китай и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако решая задачу налаживания сотрудничества и развития партнёрских отношений, необходимо поддерживать эффективное освоение энергетического потенциала востока страны с точки зрения удовлетворения приоритетов социально-экономического развития региона, уровня и качества жизни населения, темпов роста экономики. Основой такого развития может стать формирование высокотехнологичных отраслей перерабатывающей промышленности на базе углеводородного сырья месторождений Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия).

Создание новых обрабатывающих производств в нефтегазовом комплексе на востоке страны, переориентация технологии выпуска нефтехимической продукции

с нефтяного на газовое сырьё, которым в достаточном объёме располагают регионы Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия), а также продолжение развития транспортной инфраструктуры не только становится всё более важной задачей социально-экономического развития регионов и обеспечения энергетической безопасности России, но и служит реализации российских геополитических интересов.

Список литературы

1. Анализ транспортировки газа на экспорт из России / И. В. Филимонова, В. Ю. Немов, И. В. Проворная, С. И. Шумилова, Е. А. Земнухова // *Транспорт: наука, техника, управление : науч. информ. сб.* – 2019. – № 6. – С. 60–65.
2. Андреев, П. С. Преимущества и перспективы расширения экспорта сжиженного природного газа из России в страны АТР // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право.* – 2015. – № 2. – С. 47–55.
3. Ершов, Ю. А. Роль Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в экономической политике России // *Российский внешнеэкономический вестник.* – 2011. – Т. 2011, № 9. – С. 11–20.
4. Коржубаев, А. Г. О стратегии взаимодействия России со странами АТР в нефтегазовой сфере // *Проблемы Дальнего Востока.* – 2010. – № 2. – С. 64–77.
5. Коржубаев, А. Г. Перспективы и условия сотрудничества России и стран Тихоокеанского кольца и Восточной Евразии в энергетической сфере / А. Г. Коржубаев, И. В. Филимонова, Л. В. Эдер // *Пространственная экономика.* – 2012. – № 2. – С. 23–29.
6. Телегина, Е. А. Сжиженный природный газ в Азиатско-Тихоокеанском регионе: обеспечение энергетической безопасности и возможности экспорта для России / Е. А. Телегина, В. А. Федорова // *Нефть, газ и бизнес.* – 2017. – № 7. – С. 41–50.
7. Филимонова, И. В. Экспорт нефти и нефтепродуктов из России на фоне мировых тенденций / И. В. Филимонова, И. В. Проворная, В. Ю. Немов // *Транспорт: наука, техника, управление : науч. информ. сб.* – 2019. – № 4. – С. 12–20.
8. Christoffersen, G. Russia's breakthrough into the Asia-Pacific: China's role // *International Relations of the Asia-Pacific.* – 2010. – Vol. 10, no. 1. – P. 61–91.
9. Ivanov, V. I. Russian Energy Strategy 2020: Balancing Europe with the Asia-Pacific Region // *Erina Report.* – 2003. – Vol. 53. – P. 13–20.
10. Kuhrt, N. The Russian far east in Russia's Asia policy: Dual integration or double periphery? // *Europe-Asia Studies.* – 2012. – Vol. 64, no. 3. – pp. 471–493.
11. Makarov, I. A. Transformation of the economic model in Asia-Pacific Region: implications for Russia's Far East and Siberia // *The political economy of Pacific Russia* – Palgrave Macmillan, Cham, 2017. – P. 77–101.

References

1. Filimonova I. V., Nemov V. Yu., Provornaya I. V., Shumilova S. I., Zemnukhova E. A. Analiz transportirovki gaza na eksport iz Rossii [Analysis of gas transportation for export from Russia]. *Transport: nauka, tekhnika, upravlenie: nauchnyi informatsionnyi sbornik*, 2019, no. 6, pp. 60–65.
2. Andreev P. S. Preimushchestva i perspektivy rasshireniya eksporta szhizhennogo prirodnogo gaza iz Rossii v strany ATR [Advantages and prospects for expanding the export of liquefied natural gas from Russia to the Asia-Pacific countries]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: Ekonomika. Politika. Pravo – Pacific RIM: Economics. Politics. Law*, 2015, no. 2, pp. 47–55.
3. Ershov Yu. A. Rol' Aziatsko-Tikhookeanskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva v ekonomicheskoi politike Rossii [The role of Asia-Pacific economic cooperation in the economic policy of Russia]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2011, no. 9, pp. 11–20.
4. Korzhubaev A. G. O strategii vzaimodeistviya Rossii so stranami ATR v neftegazovoi sfere [On the strategy of interaction between Russia and the Asia-Pacific countries in the oil and gas sector]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2010, no. 2, pp. 64–77.
5. Korzhubaev A. G., Filimonova I. V., Eder L. V. Perspektivy i usloviya sotrudnichestva Rossii i stran Tikhookeanskogo kol'tsa i Vostochnoi Evrazii v energeticheskoi sfere [Prospects and conditions for cooperation between Russia and the countries of the Pacific Ring and East Eurasia in the energy sector]. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2012, no. 2, pp. 23–29.
6. Telegina E. A., Fedorova V. A. Szhizhennyi prirodnyi gaz v aziatsko-tikhookeanskom regione: obespechenie energeticheskoi bezopasnosti i vozmozhnosti eksporta dlya Rossii [Liquefied natural gas in the Asia-Pacific region: ensuring energy security and export opportunities for Russia]. *Neft', gaz i biznes*, 2017, no. 7, pp. 41–50.
7. Filimonova I. V., Provornaya I. V., Nemov V. Yu. Eksport nefti i nefteproduktov iz Rossii na fone mirovykh tendentsii [Export of oil and oil products from Russia against the backdrop of global trends]. *Transport: nauka, tekhnika, upravlenie: nauchnyi informatsionnyi sbornik*, 2019, no. 4, pp. 12–20.
8. Christoffersen G. Russia's breakthrough into the Asia-Pacific: China's role. *International Relations of the Asia-Pacific*, 2010, vol. 10, iss. 1, pp. 61–91.
9. Ivanov V. I. Russian Energy Strategy 2020: Balancing Europe with the Asia-Pacific Region. *Energy Report*, 2003, vol. 53, pp. 13–20.
10. Kuhrt N. The Russian far east in Russia's Asia policy: Dual integration or double periphery? *Europe-Asia Studies*, 2012, vol. 64, no. 3, pp. 471–493.
11. Makarov I. A. Transformation of the economic model in Asia-Pacific Region: implications for Russia's Far East and Siberia. In: *The political economy of Pacific Russia*. Palgrave Macmillan, Cham, 2017, pp. 77–101.

УДК 339.543.64(571.54:517.3)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/30-45

Э. В. Батунаев¹, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия
E-mail: vatunaevduard@mail.ru

Ю. Г. Григорьева², Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия
E-mail: grigoreva-yulia23@mail.ru

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И МОНГОЛИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)*

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления, тенденции и перспективы приграничного и регионального сотрудничества Монголии и России (на примере Республики Бурятия). Дан исторический экскурс приграничного сотрудничества, который позволил реконструировать давние торгово-экономические и добрососедские связи между Россией и Монголией. На основе статистических данных по состоянию на 2018–2019 гг. проведён анализ динамики двухстороннего торгового оборота, инвестиционного сотрудничества и современного состояния торгово-экономического сотрудничества Республики Бурятия и Монголии. Установлено, что в рамках реализации трёхстороннего экономического коридора «Россия – Монголия – Китай» приграничное сотрудничество между Монголией и Республикой Бурятия имеет высокий потенциал экономического и инвестиционного развития. Особое внимание уделяется существующим препятствиям в приграничном российско-монгольском сотрудничестве и анализируются пути их преодоления.

¹ Эдуард Владимирович Батунаев, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия.

² Юлия Геннадьевна Григорьева, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия.

Для цитирования: Батунаев Э. В., Григорьева Ю. Г. Приграничное сотрудничество России и Монголии (на примере Республики Бурятия) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 1. С. 30–45.

* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4.

ния. Сделан вывод, что Республика Бурятия среди приграничных регионов РФ является основным торгово-экономическим партнёром Монголии, развивает культурные, образовательные и гуманитарные связи.

Ключевые слова: Россия, Монголия, Республика Бурятия, приграничное сотрудничество, свободная торговая зона «Алтанбулаг», внешнеторговый оборот, экспорт, импорт, инвестиционное сотрудничество, гуманитарное сотрудничество, конкуренция, регион, интеграционные процессы, внешнеэкономические связи, производство, туризм, образование, регион, экология, глобализация.

Eduard V. Batunaev¹

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Ulan-Ude, Russia

E-mail: batunaeveduard@mail.ru

Yulia G. Grigorieva²

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Ulan-Ude, Russia

E-mail: grigoreva-yulia23@mail.ru

**CROSS-BORDER COOPERATION
BETWEEN RUSSIA AND MONGOLIA
(ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)***

Abstract. The article discusses the main directions, trends and prospects of cross-border and regional cooperation between Mongolia and Russia (on the example of the Republic of Buryatia). A historical excursion of cross-border cooperation was given, which made it possible to reconstruct the long-standing trade, economic and good-neighborly ties between Russia and Mongolia. Based on statistical data, an analysis of the dynamics of bilateral trade, investment cooperation and the current state of trade and economic cooperation of the Republic of Buryatia and Mongolia was carried out. It has been established that in the context of implementing the trilateral economic corridor of «Rus-

¹ Eduard V. Batunaev, candidate of historical sciences, researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of science, Siberian Branch.

² Yulia G. Grigorieva, candidate of historical sciences, junior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of science, Siberian Branch.

For citing: Batunaev E. B., Grigorieva Yu. G. Cross-border cooperation between Russia and Mongolia (on the example of the Republic of Buryatia) // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 3. P. 30–45.

* This work was supported by the basic research program of the SB RAS XII.191.1.2. Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia, No. AAAA-A17-117021310264-4.

sia-Mongolia-China», cross-border cooperation between Mongolia and the Republic of Buryatia has a high potential for economic development. Attention has been paid to the existing obstacles in the cross-border Russian-Mongolian cooperation and the ways of overcoming them. It is concluded that the Republic of Buryatia among the border regions is the main trade and economic partner of Mongolia, and develops cultural, educational and humanitarian ties.

Key words: Russia, Mongolia, the Republic of Buryatia, cross-border cooperation, free trade zone "Altanbulag", foreign trade turnover, export, import, investment cooperation, humanitarian cooperation, competition, region, integration processes, foreign economic relations, production, tourism, education, region, ecology, globalization.

История российско-монгольского приграничного сотрудничества

Россия и Монголия имеют многовековой опыт политического, торгово-экономического и культурного взаимодействия. Внешняя Монголия с 1691 г. входила в состав Цинской империи, и русско-монгольские отношения развивались на основе договоров между Российской Империей и Китаем – Нерчинского (1689 г.), Буринского и Кяхтинского (1727 г.). Включив Монголию в состав Цинской империи, маньчжуры создали на её территории особую систему управления. Монголия была наводнена китайскими купцами, которые контролировали китайский рынок. Китайские купцы были представлены здесь крупными фирмами, оказывавшими, со своей стороны, сильное давление на китайское правительство, требуя не допустить русских купцов в Монголию. Поэтому русская торговля в Монголии в этот период нами рассматривается как часть русско-китайской торговли. Важную роль в двусторонних связях играли русские купцы, заинтересованные в монгольском рынке. Они сопровождали первый состав русского консульства в Монголию [5, с. 5].

Россия экспортировала в Монголию «выделанные кожи, мануфактурные, бакалейные, галантерейные товары, железные и медные изделия, железо, эмалированные и фарфоровые изделия, маральи рога, в незначительном количестве хлебные продукты, табачные изделия и русские вина, укупорочные материалы, гамбургское серебро и русские кредитные билеты [10]. Русский текстиль уступал по качеству иностранному (английскому) и не выдерживал с ним конкуренции на монгольском рынке, поэтому многие купцы вынуждены были торговать иностранным текстилем, приобретая его в странах Запада или у китайцев.

Основными статьями российского импорта в 1906 г. являлись «мытая верблюжья и баранья шерсть, тарбаганьи (сурковые) шкурки, конская грива, разные шкуры, пушнина, лисьи, хорьковые шкурки, бараны, крупный рогатый скот, лошади, коровье масло, в незначительном количестве кирпичный чай, мелкие ки-

тайские товары, войлок». Только через Тункинскую долину в г. Иркутск ежегодно прогонялся монгольский скот на общую сумму более 1 млн руб. [16].

Основную конкуренцию русским купцам на монгольском рынке составляли китайские торговцы, завозившие товары западных стран и выступавшие в качестве посредников иностранных фирм [15, с. 9]. Русско-китайская торговля осуществлялась главным образом через «восточные ворота» в Азию – торговую слободу Кяхта. На этот основной центр торговли в Восточной Сибири приходилось 67 % товарооборота России с азиатскими странами [6, с. 241].

В XIX в. доходы Кяхты от русско-китайской торговли составляли более 16 млн рублей, а количество зарегистрированных фирм и компаний достигало 58 [4, с. 118]. Что касается общего оборота русской торговли в Монголии, то в 1903 г. он составлял составил 4 млн руб. До открытия морских портов и строительства Транссибирской железной дороги Кяхта являлась основным транзитным пунктом Великого чайного пути.

По другую сторону границы, в трёх километрах от Кяхты, располагался китайский город Маймачен, где активно шла русско-китайская и русско-монгольская торговля. В 1921 г., после захвата города частями Монгольской Народной армии под командованием Д. Сухэ-Батора, он получил название Алтанбулаг и стал одним из центров сосредоточения революционных сил.

Выгодное географическое положение на пересечении транзитных путей из Азии в Европу, а также развитие российско-монгольских торговых связей позволили исследователям рассматривать Маймачен как прообраз свободной торговой зоны «Алтанбулаг». Построенный на месте легендарного Маймачена XVIII – начала XX вв., «Алтанбулаг» в перспективе может стать полюсом роста национального хозяйства страны и приграничных регионов Сибири [8, с. 141].

После достижения Монголией независимости русско-монгольская торговля регулировалась русско-монгольским соглашением 1912 г. Монгольское правительство предоставило русским купцам права и преимущества, которые были перечислены в прилагавшемся торговом протоколе, и обязалось не предоставлять другим иностранным подданным больших прав, чем те, которыми пользовались русские [12, с. 82].

Иными словами, русско-монгольское соглашение 1912 г. и протокол к нему максимально благоприятствовали русской торговле, что обусловило её заметный рост: в 1911 г. ввоз русских товаров в Монголию составлял 2 115 тыс. р., вывоз – 758 тыс. р. а в 1915 г., соответственно, 11 451 тыс. р. и 2 429 тыс. р. [16, с. 166].

Необходимо отметить, что российско-монгольские отношения прошли сложные этапы становления и развития. В дореволюционный период Россия оказала помощь Монголии в сохранении её независимости, а в советские времена выступала в роли покровителя, оказывала военную, материальную и финансовую помощь братской республике. Во времена СССР внешнеторговые и экономические связи полностью планировались из союзного центра. В начале 1990-х гг. во внешней политике

РФ наблюдались определённая недооценка её восточного направления и ослабление внимания к отношениям с традиционными дружественными партнёрами.

В постсоциалистический период переориентация на приграничное сотрудничество была вызвана свёртыванием в большей степени межгосударственного сотрудничества и закономерной реакцией на экономический кризис. Соответственно основную роль в сохранении и развитии сотрудничества пришлось играть приграничным регионам Сибири [1, с. 86].

Лишь в конце последнего десятилетия XX в. связи России и Монголии стали возрождаться, выстраиваясь на принципах равноправия.

В настоящее время основная доля торговли между Россией и Монголией приходится на Иркутскую область, Забайкальский край, Республику Бурятия, Алтай и Тыву. Необходимо отметить, что инструментом двустороннего сотрудничества являются представительства Иркутской, Новосибирской, Кемеровской областей, Забайкальского края, республик Бурятия, Алтай, Тыва и г. Москвы, а с монгольской стороны – генеральные консульства в Иркутске, Улан-Удэ и Кызыле, консульство в Элисте, а также институт почётных консулов в ряде сибирских городов. Все представительства работают в тесном сотрудничестве с торгово-промышленными палатами и посольствами России и Монголии.

Особое внимание представительства приграничных субъектов России уделяют проблемам укрепления материальной базы и увеличения пропускной способности 29 контрольно-пропускных пунктов на российско-монгольской границе, прежде всего 5 главных из них: в Кяхте, Шара Сумэ, Цагаан Толгойте, Хандагайте и Ташанте [11, с. 78].

Таким образом, современные российско-монгольские отношения развиваются поступательно и имеют тенденцию перехода на качественно новый уровень всеобъемлющего стратегического партнёрства. Вместе с тем хотелось бы отметить, что существенными препятствиями на пути развития российско-монгольских являются дисбаланс во взаимной торговле, высокие таможенные пошлины и сборы, транспортные расходы, различные санитарно-ветеринарные ограничения на ряд монгольских экспортных товаров. В этих условиях России необходимо перейти во многом от декларативного характера двусторонних отношений к реальным шагам и интенсифицировать усилия в политической, торгово-экономической, образовательной и культурно-гуманитарных сферах.

Торгово-экономическое сотрудничество Республики Бурятия с Монголией на современном этапе

У Бурятии с Монголией давние исторические связи. Сотрудничество Республики Бурятия и Монголии осуществляется в рамках Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии об экономическом и

приграничном сотрудничестве между Республикой Бурятия и Монголией от 25 февраля 1999 г. и развивается по различным направлениям экономики и гуманитарной сферы. Приграничное сотрудничество осуществляется в традиционных сферах: внешняя торговля, инвестиционное сотрудничество, проведение совместных мероприятий в сфере сельского хозяйства, охраны окружающей среды, туризма и спорта, образования и науки, культуры и здравоохранения.

Основную статью импорта из Монголии составляют мясо и пищевые субпродукты. Наибольший объём поставок мяса был в 2001–2002 гг. (до 14,17 тыс. т), затем импорт значительно сократился и в 2008 г. составил всего 3,48 тыс. т. Резкое падение, особенно за 2003–2007 гг., было вызвано хронической задержкой платежей со стороны ОАО «Бурятмясопром», а также неблагоприятной эпизоотической обстановкой в Монголии. Структура бурятского экспорта в Монголию представлена продовольственными товарами, машиностроительной продукцией: авиатехника, оборудование и электрические машины (44,1% в 2008 г.). Основную долю в общем объёме экспорта продовольствия занимает мука – 34,7 тыс. т на сумму 15,3 млн [2, с. 34].

Из прочих видов продовольственных товаров можно отметить экспорт 4,2 тыс. т молочной продукции, 0,81 тыс. т мучных кондитерских изделий. Кроме того, в 2006 г. было отгружено 30,62 тыс. куб. м необработанных лесоматериалов, 0,3 тыс. т пиломатериалов, 3,6 тыс. т лома чёрных металлов, машиностроительной продукции на 5,7 млн долл. [11, с. 202].

Внешнеторговый оборот Республики Бурятия в 2018 г. составил 1 054,8 млн долларов США и по сравнению с 2017 г. увеличился на 215,7 млн долларов США (на 25,7%). Республика Бурятия осуществляла внешнюю торговлю с партнёрами из 60 стран мира (в 2017 г. – из 54 стран). По сравнению с 2017 г. товарооборот со странами дальнего зарубежья увеличился на 26,5%, а со странами СНГ – уменьшился на 8,0% и составил соответственно 1 037,3 млн долларов США (98,3% от общего объёма товарооборота) и 17,5 млн долларов США (1,7%) (табл. 1).

По итогам 2018 г. Монголия занимала 6-е место в обороте внешней торговли республики. Среди российских регионов Республика Бурятия занимает 6-е место по объёмам экспорта в Монголию [7].

Внешнеторговое сотрудничество с Монголией отличается разнообразием торгово-экономических связей и широким ассортиментом поставляемой продукции. В течение последних трёх лет отмечается стабильный рост объёмов внешнеторгового оборота республики с Монголией со среднегодовым темпом роста выше 11%, положительная динамика наблюдается в 2018 г. и во взаимной торговле России с Монголией [14].

Так, внешнеторговый оборот Республики Бурятия с Монголией в 2018 г. составил 44,9 млн долл. США с ростом к 2017 г. на 9,7% (табл. 2).

Таблица 1

**Товарооборот Республики Бурятия по странам –
основным торговым партнёрам в 2018 г.**

Страна	Стоимость, тыс. долларов США	Уд. вес, %	2018 г. в % к 2017 г.
Всего	1 054 761.5	100.0	125.7
в том числе:			
Китай	394 225.6	37.4	132.4
Япония	198347.4	18.8	132.0
Республика Корея	139 350.7	13.2	106.9
Тайвань (Китай)	82 157.9	7.8	99.9
Перу	66 443.9	6.3	69.3
Монголия	44 876.7	4.3	109.7
Индия	28 913.6	2.7	136.9
Вьетнам	21 418.6	2.0	142.7
Гонконг	20 480.7	1.9	102.5
Малайзия	18 358.3	1.7	105.6
Прочие	40 170.1	3.9	

Источник: Дальневосточное таможенное управление (<http://dvtu.customs.ru/statistic/respublika-buryatiya>)

Таблица 2

**Динамика внешней торговли Республики Бурятия с Монголией
(тыс. долл. США)**

Наименование	2016	2017	2018	1 квартал 2019
Внешнеторговый оборот Республики Бурятия с Монголией	34604,0	40913,7	44876,6	7583,7
<i>Темп роста, (%)</i>	<i>107,4</i>	<i>118,2</i>	<i>109,7</i>	<i>87,9</i>
Экспорт	28902,7	33690,8	36 314,9	6698,0
<i>Темп роста, (%)</i>	<i>110,7</i>	<i>116,6</i>	<i>107,8</i>	<i>90,1</i>
Импорт	5701,3	7222,9	8561,7	885,7
<i>Темп роста, (%)</i>	<i>93,3</i>	<i>126,7</i>	<i>118,5</i>	<i>73,7</i>

Источник: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия (<https://burstat.gks.ru/>), Министерство экономики Республики Бурятия (<https://egov-buryatia.ru/minec/>)

Согласно данным Федеральной таможенной службы, экспорт Республики Бурятия в Монголию вырос на 7,8% относительно 2017 г. и составил 36,3 млн долл. США. Основной причиной стало увеличение поставок древесины и картона на 93% (+2,2 млн долл. США), металлических изделий на 0,4 млн долл. США (+19,3%), текстильных изделий на 0,3 млн долл. США (+29,4%) [9].

Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё являются одной из наиболее значимых товарных групп бурятского экспорта. Поставки по данной группе товаров, составляющей основу экспорта, выросли на 2,5% и составили 17,3 млн долл. США. В Монголию экспортируется широкая линейка продуктов питания, как местных производителей, так и российского производства. В 2018 г. было вывезено молочной продукции – 472,7 тонн, жиров и масел – 2,5 тыс. тонн, яиц – 3,3 тыс. тонн, продуктов из мяса и рыбы – 669,0 тонн. Кроме того, с начала 2018 г. осуществляются поставки свинины на экспорт в Монголию, объём которых составил 479,3 тонн [3].

Ежегодно из Бурятии в Монголию осуществляются поставки племенного крупного рогатого скота, пчелосемей, семян районированных сортов пшеницы, картофеля, овощей, саженцев плодово-ягодных культур. Ведётся работа по поставкам в Монголию запасных частей к подвижному составу АО «Улан-Баторская железная дорога», производимых на Улан-Удэнском ЛВРЗ – филиале ОАО «Желдорремаш», ОАО «Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат» осуществляет поставки в Монголию тарного и гофрированного картона, ООО «Литейщик» Закаменского района производит и экспортирует запасные части к оборудованию для нужд горнодобывающих компаний Монголии.

Импортные поставки из Монголии в 2018 г. по сравнению с 2017 г. увеличились на 18,5%, достигнув уровня 8,6 млн долл. США за счёт увеличения поставок конины и говядины. В первом квартале 2019 г. объём внешнеторгового оборота Республики Бурятия с Монголией сократился на 12,1% по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. и составил 7,6 млн долл. США. По итогам 3 месяцев 2019 г. доля Монголия занимает 4,0% от всего объёма внешней торговли Бурятии [13].

Стоимостной объём экспортных поставок в Монголию в первом квартале 2019 г. составил 6,7 млн долл. США с сокращением на 9,9% по сравнению с первым кварталом прошлого года. Основное влияние на снижение экспортных поставок оказало сокращение поставок по группе товаров «Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё» на 23,6% (-1,0 млн долл. США), в том числе поставок мяса свинины, мучных изделий, отрубей [13].

Импортные поставки из Монголии в отчётном периоде по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. снизились на 26,3% и составили 0,9 млн долл. США. Сокращение объёма внешней торговли в первом квартале 2019 г. обусловлено вводом временных ограничений на экспорт свиней и продукции из свинины в Россий-

скую Федерацию со всей территории Монголии с 31 января 2019 г. по 6 февраля 2019 г. в целях предупреждения распространения африканской чумы свиней.

Большое внимание со стороны Республики Бурятия и Монголии в развитии торгово-экономического сотрудничества уделяется межгосударственным встречам, в которых участвуют не только неправительственные структуры, а также бизнесмены и общественные деятели.

Так, в январе 2018 г. по приглашению мэра г. Улан-Батор Сундуйн Батболда, Межпарламентской группы Великого Государственного Хурала (ВГХ) Монголии «Россия – Монголия», при содействии Национальной Торгово-промышленной палаты Монголии (НТПП) состоялся визит в Монголию делегации деловых кругов Республики Бурятия под руководством Главы Республики Бурятия – Председателя Правительства Республики Бурятия А. С. Цыденова для участия в бизнес-конференции «Инвестиционный потенциал Республики Бурятия. В мероприятиях в рамках бизнес-конференции приняли участие Посол России в Монголии И. Азизов, заместитель председателя Межпарламентской группы «Россия – Монголия» Великого Государственного Хурала (ВГХ) Монголии Бямбасүрэнгийн Энх-Амгалан, Президент Национальной Торгово-промышленной палаты Монголии Баатаржавын Лхагважав и др.

Всего в мероприятиях участвовало около 700 человек, представляющих более 40 компаний Республики Бурятия, более 300 компаний Монголии, а также компании Китая, Казахстана, Республики Корея, Германии. По результатам мероприятия были обсуждены вопросы поставок в Монголию электроэнергии, организации транзитных железнодорожных и автомобильных перевозок, развития медицинского сотрудничества, туризма, поставок из Монголии мяса. В рамках визита состоялись встречи Главы Республики Бурятия А. С. Цыденова с Президентом Монголии Халтмаагийн Баттулгой, Председателем Правительства Монголии Ухнаагийн Хурэлсухом, вице-спикером Великого Государственного Хурала Монголии Лувсанцэрэнгийн Энх-Амгаланом, членами Межпарламентской группы «Россия – Монголия», а также мэром города Улан-Батор Сундуйн Батболдом.

В апреле 2018 г. состоялся визит делегации Народного Хурала (НХ) Республики Бурятия во главе с Председателем НХ РБ Ц.-Д.Э. Доржиевым в Монголию. Депутаты ознакомились с работой группы компаний АРУ, посетили ряд предприятий, обсудили вопросы инвестиционного сотрудничества.

В период с 10 по 11 мая 2018 г. в г. Улан-Удэ проведена бизнес-конференция деловых кругов Республики Бурятия и Монголии. В рамках мероприятия Республике Бурятия посетили руководители около 170 компаний города Улан-Батора и аймаков Монголии, работающих в сфере пищевой, легкой промышленности, энергетики, транспорта, строительства и сельского хозяйства. Делегацию Монголии возглавили член Великого Государственного Хурала Монголии, Председатель

Межпарламентской группы «Монголия – Бурятия» Н. Оюундарь, Госсекретарь Министерства продовольствия, сельского хозяйства и легкой промышленности Монголии Д. Энхбат и генеральный секретарь Национальной Торгово-промышленной палаты Монголии Э. Оюунтэгш.

Проведены презентации экономического потенциала Монголии и Республики Бурятия, организованы встречи предпринимателей по секциям: агропромышленный комплекс, транспортно-логистический комплекс, промышленность, лечебно-оздоровительный туризм. Также предприниматели Бурятии и Монголии провели переговоры в формате b2b, презентации своих предприятий и проектов, посетили промышленные предприятия и организации Республики Бурятия: фанерный завод «Ольхон», фабрику «Амта», рыбозавод «Байкал», фабрику «Селенга», кондитерский цех «Кондитерские истории», предприятие по монтажу автоматических ворот «Ворота Улан-Удэ», компанию «Ажур Текс» по производству бельевого и детского трикотажа, спортивной и домашней одежды и чулочно-носочных изделий, компанию «Развивайка», производящую детские игрушки и модули, Бурятский научно-исследовательский институт сельского хозяйства.

В период с 7 по 9 июня 2018 г. делегация Республики Бурятия во главе с заместителем председателя Правительства Республики Бурятия по экономическому развитию И. И. Зураевым приняла участие в форуме «Российско-монгольская инициатива-2018» в г. Улан-Батор. В состав делегации входили представители Торгово-промышленной палаты Республики Бурятия, Центра экспорта Бурятии, Фонда поддержки малого предпринимательства, компаний агропромышленного комплекса. В рамках форума проведена выставка с участием передовых технологий, оборудования и продукции малых и средних предпринимателей России, в том числе из Республики Бурятия: ООО «МИП Байкалия», ООО «Облепиховый рай», ООО «Кондитерский цех Берёзка», ИП Беломестнов А.Г., ООО ТРЦ «Окинский». Представители бизнеса республики провели презентацию своих компаний и выпускаемой продукции для бизнесменов Монголии и монгольских покупателей. ООО кондитерский цех «Берёзка» (г. Улан-Удэ) провёл дегустацию линейки новых тортов, производимых в Бурятии, ООО «Облепиховый рай» (Селенгинский район, п. Темник) представил соки, сиропы, джемы из облепихи, ООО ТРЦ «Окинский» (г. Улан-Удэ) – столовое куриное яйцо и др., ООО «МИП Байкалия» (г. Улан-Удэ) – травяные чаи из чаги, Иван-чая, и др., ИП Беломестнов А.Г. (Джидинский район, с. Петропавловка) – полимерную тротуарную плитку. По итогам выставки заключены контракты на поставку в Монголию выпускаемой в Республике Бурятия продукции, проведены переговоры с сетевыми торговыми компаниями о возможности поставок продуктов питания в Монголию.

В соответствии с приглашением министра продовольствия, сельского хозяйства и легкой промышленности Монголии Б. Батзориг, делегация Министерства

сельского хозяйства и продовольствия Республики Бурятия в июне 2018 г. приняла участие в VIII Международной встрече многостороннего партнёрства по Глобальной программе устойчивого развития животноводства в г. Улан-Батор. В рамках встречи были обсуждены вопросы поставок мяса из Монголии в Республику Бурятия, поставок племенных животных, саженцев, семян, пищевой продукции из Республики Бурятия в Монголию, организации ярмарок и выставок российских и монгольских товаров.

В период 13–16 апреля 2018 г. в г. Иркутске с участием представителя Министерства природы Республики Бурятия проведено заседание российско-монгольской рабочей подгруппы «Научное сопровождение разработки материалов для комплексного рассмотрения вопросов, связанных с планируемым строительством в Монголии гидротехнических сооружений на водосборной территории реки Селенга». На заседании рабочей подгруппы рассмотрены предложения для доработки проекта «Предварительный вариант технического задания на проведение РЭО района бассейна р. Селенга и оз. Байкал в контексте проекта строительства Шуренской ГЭС и проектов развития гидроэнергетики и водоотвода «Орхон». По результатам заседания стороны выразили готовность продолжить обсуждение проектов гидротехнических сооружений, планируемых на р. Селенга и её притоках на любых дискуссионных площадках.

В декабре 2018 г. Фондом регионального развития Республики Бурятия в г. Улан-Удэ проведена бизнес-конференция «День инвестора в Республике Бурятия», участие в которой приняли предприниматели Монголии. На площадке Фонда регионального развития Республики Бурятия проведены переговоры с монгольской компанией АРУ по открытию представительства компании в Бурятии, учреждению акцизного склада и склада временного хранения (СВХ). Также проведены переговоры с монгольской компанией TESO по проекту строительства макаронной фабрики Teso Corporation в Бурятии. Ведётся работа по подбору земельных участков и помещений для строительства или размещения макаронной фабрики с учётом предъявляемых требований к производству. Фондом регионального развития Республики Бурятия прорабатывается возможность реализации проекта «Создание центра обработки грузов e-commerce» с привлечением монгольской стороны. Определена в качестве участника проекта монгольская транспортная компания «Туушин».

В период 28–29 марта 2019 г. в Республике Бурятия, в целях дальнейшего развития сотрудничества между субъектами малого и среднего предпринимательства России и Монголии, проведена Российско-Монгольская бизнес-миссия. Монгольскую делегацию возглавил Государственный секретарь Министерства иностранных дел Монголии Д. Даваасурэн.

В составе монгольской делегации приняли активное участие представители различных министерств и ведомств, бизнес-сообществ, осуществляющих деятель-

ность в сферах туризма, строительства, транспорта и логистики, рыбозаводства и др. В рамках Российско-Монгольской бизнес-миссии проведены выставка-ярмарка монгольских и российских товаров «Baikaltrade 2019», презентации организаций; представители деловых кругов участвовали в бирже контактов предпринимателей и в работе по секциям в сферах агропромышленного комплекса, строительства, транспорта, логистики.

Предприниматели Монголии посетили ряд предприятий агропромышленного комплекса республики, промышленный парк, фабрику по обработке нефрита «Ориентал Вэй», а также получили консультации по вопросам соблюдения требований ветеринарного и фитосанитарного надзора.

В мае 2019 г. организации Республики Бурятия: АО «Улан-Удэнская птицефабрика», ООО «Аква», ООО «Агрохимсервис Бурятия», арт-студия «Домбо», малое инновационное предприятие «Байкалия», ОАО «Бурятхлебпром», сеть магазинов «Униформа», питомник «Тохойские саженцы» и другие, приняли участие в Международной выставке продукции экспорта и импорта в г. Улан-Батор. Проведены переговоры с монгольскими компаниями, достигнута договорённость об установлении партнёрских связей.

В рамках расширения торгово-экономических связей Республики Бурятия с Монголией в области агропромышленного комплекса перспективными направлениями сотрудничества являются:

- расширение поставок пищевой продукции из Республики Бурятия Российской Федерации в Монголию;
- поставки племенного материала из Республики Бурятия Российской Федерации в Монголию;
- активизация сотрудничества между уполномоченными органами по вопросу снятия ограничений на ввоз говядины на кости из Монголии в Российскую Федерацию;
- проведение выставочно-ярмарочных мероприятий на территориях Российской Федерации и Монголии;
- организация совместных производств на территории Республики Бурятия Российской Федерации.

Таким образом, можно сделать вывод, что внешнеторговое сотрудничество с Монголией активно развивается, особенно в последние годы. Торгово-экономические отношения между Республикой Бурятией и Монголией отличаются разнообразием торгово-экономических связей и широким ассортиментом поставляемой продукции. Основу экспортных поставок Республики Бурятия в Монголию составляют поставки рыбной, хлебной продукции и мучных кондитерских изделий, племенной скот. Приоритетным направлением в развитии сотрудничества по поставке из Монголии в РБ остаются поставки мяса говядины и конины для промышлен-

ленной переработки. Сдерживающим фактором в поставке мясосырья из Монголии на сегодняшний день также является высокая стоимость монгольского мяса, не выдерживающая ценовой конкуренции с продукцией из других стран и зачастую превосходящая внутренние российские цены.

Основной проблемой в приграничном сотрудничестве между Республикой Бурятия и Монголией на сегодня является эпизоотическая ситуация в Монголии. На протяжении длительного времени Монголия остается неблагополучной по ящерице, бруцеллёзу, сибирской язве, оспе коз, сапу, инфекционной анемии лошадей, туберкулёзу рогатого скота и т.д. Существующие ограничения на ввоз из Монголии крупного рогатого скота, лошадей и мелкого рогатого скота из-за высоких эпизоотических рисков не могут быть отменены до стабилизации эпизоотической обстановки в Монголии.

В настоящий момент основной акцент в развитии торгово-экономического сотрудничества сделан на решение вопросов о продвижении продукции бурятских товаропроизводителей на монгольский рынок. Подготовлен перечень потенциальных экспортёров Бурятии в сфере АПК с описанием продукции и объёмами поставок для предложения монгольской стороне.

Таким образом, российско-монгольские отношения в своей истории прошли сложные этапы становления и развития. В дореволюционный период Россия оказала помощь в сохранении независимости Монголии, а затем, в советский период, выступала в роли защитника, донора, оказывала военную, материальную помощь братской республике. В 1990-х гг., с началом кардинальных реформ и изменений в социально-политической и политической сферах общества, Россия и Монголия погрузились в жесточайший кризис. Начиная с конца 1990-х гг. происходит постепенное восстановление двусторонних отношений России и Монголии на новых принципах равноправного партнёрства.

В настоящее время двусторонние отношения выведены на новый уровень всеобъемлющего стратегического партнёрства. В этой связи приграничные территории выполняют особую миссию по налаживанию эффективного межгосударственного взаимодействия и сотрудничества. Бурятия как приграничный регион имеет давнюю историю, основанную на экономических, политических, культурных, гуманитарных связях.

Анализ торгово-экономического сотрудничества между Монголией и Бурятией показывает, что есть высокий потенциал торгово-экономического развития и инвестиционного сотрудничества. Особое внимание обеих сторон привлекают возможности инвестиционного сотрудничества с созданием на российско-монгольской границе свободной торговой зоны «Алтанбулаг». Одним из перспективных направлений сотрудничества Монголии и Бурятии является развитие туризма. Развивается сотрудничество в образовательной сфере.

Вместе с тем, существуют препятствия для эффективного приграничного сотрудничества Бурятии и Монголии – это узость номенклатуры экспортных товаров, высокие таможенные тарифы на традиционные экспортные товары, высокие фито-санитарные и ветеринарные требования для экспорта монгольской мясной продукции, конкуренция Бурятии с другими российскими регионами. Необходимо сохранять накопленный потенциал и двигаться вперёд, активно вовлекаться в процесс взаимодействия на межгосударственном и региональном уровнях, а также активно развивать горизонтальные связи между аймаками – районами, городами, культурными и образовательными учреждениями.

Список литературы

1. Атанов, Н. И. Приграничное сотрудничество России с Монголией // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 1. – С. 85–91.
2. Атанов, Н. И. Российско-монгольское сотрудничество в спектре приграничных взаимодействий / Н. И. Атанов, Б. Э. Намжилова // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2011. – № 1. – С. 27–40.
3. Внешнеэкономическая деятельность Республики Бурятия // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. – URL: <https://burstat.gks.ru/> (дата обращения: 13.05.2020).
4. Евдокимова, С. В. Город завидной судьбы (к 275-летию г. Кяхты) // Вестник Бурятского университета. – 2003. – Вып. 6. – С. 115–126.
5. Единархова, Н. Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). – Иркутск : Оттиск, 2003. – 252 с.
6. Кальмина, Л. В. Кяхта в 1840–1930 г.: блеск и нищета «окна в Китай» / Л. В. Кальмина, А. М. Плеханова // Власть. – 2019. – № 2. – С. 240–245.
7. Комплексный доклад «Социально-экономическое положение Республики Бурятия» // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. – URL: <https://burstat.gks.ru/> (дата обращения: 13.05.2020).
8. Курас, Л. В. Монголия: «Алтанбулаг» – свободная торговая зона / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Власть. – 2013. – Т. 21, № 2. – С. 141–144.
9. Общие итоги внешней торговли Республики Бурятия // Дальневосточное таможенное управление. – URL: <http://dvtu.customs.ru/statistic/respublika-buryatiya/2018-god/document/176935> (дата обращения: 13.05.2020).
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп.18. Д. 222. Л. 35–36.
11. Россия и Монголия на пути стратегического партнерства. – Москва : Ин-т востоковедения РАН, 2011. – 440 с.

12. Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу. – Санкт-Петербург, 1914. – 91 с.
13. Статистические данные // Министерство экономики Республики Бурятия. – URL: <https://egov-buryatia.ru/mines/> (дата обращения: 13.05.2020).
14. Статистический ежегодник 2018 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. – URL: <https://burstat.gks.ru/> (дата обращения: 13.05.2020).
15. Суходолов А. П. Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: проблемы истории и историографии / А. П. Суходолов, Ю. В. Кузьмин. – Иркутск : Изд-во Байкал.ун-та, 2016. – 312 с.
16. Чимитдоржиев, Ш. Б. Россия и Монголия / Ш. Б. Чимитдоржиев. – Москва : Восточная литература, 1987. – 239 с.

References

1. Atanov N.I. Prigranichnoe sotrudnichestvo Rossii s Mongoliei [Cross-border cooperation of Russia with Mongolia]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2009, no. 1, pp. 85–91.
2. Atanov N.I., Namzhilova B.E. Rossiisko-mongol'skoe sotrudnichestvo v spektre prigranichnykh vzaimodeistvii [Russian-Mongolian cooperation in the spectrum of cross-border interactions]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, 2011, no. 1, pp. 27–40.
3. *Foreign economic activity of the Republic of Buryatia. Territorial authority of the Federal State Statistics Service for the Republic of Buryatia*. Available at: <https://burstat.gks.ru/> (accessed 13 May 2020). (In Russian).
4. Evdokimova S.V. Gorod zavidnoi sud'by (k 275-letiyu g. Kyakhty) [The city of enviable fate (on the 275th anniversary of the city of Kyakhta)]. *Vestnik Buryatskogo universiteta*, 2003, iss. 6, pp. 115–126.
5. Edinarkhova N.E. *Russkie v Mongolii: osnovnye etapy i formy ekonomicheskoi deyatel'nosti (1861–1921 gg.)* [Russians in Mongolia: the main stages and forms of economic activity (1861–1921)]. Irkutsk : Ottisk Publ., 2003. 252 p.
6. Kal'mina L.V., Plekhanova A.M. Kyakhta v 1840–1930 g.: blesk i nishcheta «okna v Kitai» [Kyakhta in 1840–1930: the splendor and poverty of the “window to China”]. *Vlast'*, 2019, no. 2, pp. 240–245.
7. *Comprehensive report «Socio-economic situation of the Republic of Buryatia»*. Territorial authority of the Federal State Statistics Service for the Republic of Buryatia. Available at: <https://burstat.gks.ru/> (accessed 13 May 2020). (In Russian).
8. Kuras L.V., Tsybenov B.D. Mongoliya: «Altanbulag» – svobodnaya torgovaya zona [Mongolia: «Altanbulag» – a free trade zone]. *Vlast'*, 2013, vol. 21, no. 2, pp. 141–144.

9. General results of foreign trade of the Republic of Buryatia. Far Eastern Customs Administration. Available at: <http://dvtu.customs.ru/statistic/respublika-buryatiya/2018-god/document/176935> (accessed 13 May 2020). (In Russian).
10. *Russian State Historical Archive (RGIA)*, Foundation 23, Inventory 18, Case 222, Lists 35–36. (In Russian).
11. *Rossiia i Mongoliya na puti strategicheskogo partnerstva* [Russia and Mongolia on the path of strategic partnership]. – Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011. 440 p.
12. *Sbornik diplomaticheskikh dokumentov po mongol'skomu voprosu* [Collection of diplomatic documents on the Mongolian issue]. St-Petersburg, 1914. 91 p.
13. *Statistical data. Ministry of Economy of the Republic of Buryatia*. Available at: <https://egov-buryatia.ru/minec/> (accessed 13 May 2020). (In Russian).
14. *Statistical Yearbook 2018. Territorial Authority of the Federal State Statistics Service for the Republic of Buryatia*. Available at: <https://burstat.gks.ru/> (accessed 13 May 2020). (In Russian).
15. Sukhodolov A.P., Kuz'min Yu.V. *Mongoliya i russko-mongol'skie otnosheniya pervoi poloviny KhKh veka: problemy istorii i istoriografii* [Mongolia and Russian-Mongolian relations in the first half of the twentieth century: problems of history and historiography]. Irkutsk: Publishing house of Baikaluniversity, 2016. 312 p.
16. Chimitdorzhiev Sh.B. *Rossiia i Mongoliya* [Russia and Mongolia]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 1987. 239 p.

УДК 331.215-027.541:331.556.2

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/46-60

А. Р. Нагапетян¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: nagapetyan_ar@dvfu.ru

Д. В. Гришин², Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: grishin.dv@students.dvfu.ru

А. В. Кедровская³, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: kedrovskaja.av@students.dvfu.ru

ПРОСТРАНСТВЕННО-АВТОРЕГРЕССИОННЫЙ АНАЛИЗ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ВЗАИМОСВЯЗАННОСТИ ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ В ОТРАСЛЕВОМ РАЗРЕЗЕ

Аннотация. Важной причиной оттока трудоспособного населения, помимо низкого уровня развитости инфраструктуры, является сравнительно более низкий уровень заработной платы по сравнению с другими регионами. Существует ли межрегиональная взаимосвязанность между величинами заработной платы? С одной стороны, возможно наличие положительной пространственной корреляции. Так, повышение оплаты труда в соседнем регионе приведет к тому, что у рабочих появятся стимулы к переезду в этот регион, что, в свою очередь, может привести к дефициту рабочих в рассматриваемом регионе, что, в свою очередь, создаст стимулы для местных компаний повысить оплату труда. С другой стороны, положительная пространственная корреляция может и не наблюдаться или быть незначимой, например, в случае наличия тех или иных барьеров, препятствующих переезду из

¹ Артур Рубикович Нагапетян¹, старший преподаватель департамента экономических наук, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

² Данил Витальевич Гришин, студент, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

³ Анна Викторовна Кедровская, студент, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Нагапетян А. Р., Гришин Д. В., Кедровская А. В. Пространственно-авторегрессионный анализ межрегиональной взаимосвязанности заработной платы в отраслевом разрезе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 1. С. 46–60.

одного региона в другой. В статье был произведен пространственно-авторегрессионный анализ взаимосвязанности региональных заработных плат в отраслевом разрезе, позволяющий ответить на вопрос, увеличится или уменьшится величина заработной платы в регионе в конкретной отрасли при увеличении соответствующего показателя в соседних регионах при прочих равных условиях. В рамках моделирования было в том числе оценено влияние на заработную плату некоторых социально-экономических факторов. К их числу относятся уровень образованности, доля пенсионеров, коэффициент демографической нагрузки, уровень развития финансовой инфраструктуры в регионе, уровень безработицы, производительность труда. *Основной новизной работы представляется использование моделей пространственной авторегрессии, что помимо выявления пространственных взаимосвязей позволило получить более точные оценки коэффициентов, характеризующих влияние на заработную плату рассмотренных факторов ввиду того, что частично удаётся решить известные проблемы, связанные с наличием пропущенных переменных в классических регрессионных моделях.* Для анализа были рассмотрены соответствующие региональные данные с 2012 г. по 2016 г. для 83 субъектов Российской Федерации по следующим отраслям: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; производство пищевых продуктов (включая напитки) и табака; строительство; оптовая торговля, включая торговлю через агентов; розничная торговля, государственное управление и военная безопасность, обработка древесины и производство изделий из дерева (кроме мебели). Положительная значимая пространственной корреляции была выявлена для всех рассмотренных отраслей, кроме оптовой торговли и обработки древесины. Полученные результаты и сформулированные выводы в дальнейшем могут применяться органами государственной власти при реализации мер социально-экономической политики, направленных на регулирование рынка труда, в том числе мер по привлечению и удержанию кадров на конкретной территории.

Ключевые слова: движение трудовых ресурсов, дифференциация доходов населения, модель с фиксированными эффектами, межрегиональная зависимость зарплат, модели с пространственными эффектами, реальная заработная плата, пространственная взаимосвязь, пространственная выборка, пространственно-авторегрессионный анализ, пространственные эффекты, региональные отраслевые заработные платы, региональные факторы, социальная политика, экономическая безопасность страны.

Artur R. Nagapetyan¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: nagapetyan_ar@dvfu.ru

Danil V. Grishin², student, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia
E-mail: grishin.dv@students.dvfu.ru

Anna V. Kedrovskaya³, student, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia
E-mail: kedrovskaya.av@students.dvfu.ru

SPATIAL-AUTOREGRESSIVE ANALYSIS OF INTER-REGIONAL INTER-CONNECTEDNESS OF WAGES IN THE CONTEXT OF INDUSTRY

Abstract. Besides the low level of infrastructural development, the lower level of wages in comparison with other regions is a major cause of labor force outflow. Is there any interregional interconnection between the levels of wages? On the one hand, there is a possibility for a positive spatial correlation. Thus, increase of wages in the neighboring region will result in the stimuli for workers to move into this region which, in its turn, will lead to the insufficiency of workers in the region under review and, consequently, will encourage the local companies to increase the wages. On the other hand, a positive spatial correlation may not exist or be insignificant, for example, in case of the obstacles for interregional migration of labor force.

The article has conducted a spatial-autoregressive analysis of interconnectedness of regional wages in the industrial context that answers the question if the wages will go up in the region in the specific industry in the context of increased wages in the neighboring region on condition of other similar conditions. The modelling has allowed evaluating the influence of some economic and social factors on the wages. These factors include: education level, percentage of pensioners, coefficient of demographic load, level of infrastructural development in the region, level of unemployment, labor performance, etc. The main novel-

¹ Artur R. Nagapetyan, Senior Lecturer, department of economic Sciences, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Danil V. Grishin, student, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

³ Anna V. Kedrovskaya, student, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Nagapetyan A. R., Grishin D. V., Kedrovskaya A. V. Spatial-autoregressive analysis of inter-regional interconnectedness of wages in the context of industry // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No. 1. P. 46–60.

ty of the research lies in applying the models of spatial auto-regression that, in addition to revealing the spatial interconnections, give more precise evaluation of coefficients which describe the influence of these factors on the wages as they can partially solve the existing problems connected with the existence of omitted variables in the classic regressive models. Our analysis required reviewing the corresponding regional data from 2010 to 2016 for 83 subjects of the Russian Federation on the following industries: agriculture, hunting and forestry; food manufacturing (including beverages) and tobacco; construction; wholesale including trading via agents; government administration and military security; processing of timber and manufacturing of wood products (except for the furniture). A positive value of spatial correlation was discovered for all industries under research except for the wholesale trading and timber processing. The obtained results and conclusions can further be used by government administrative bodies in realization of measures of social and economic policies aimed at labor market regulation including the measures of attracting and retaining the labor force at the specific territory.

Key words: labor force migration, differentiation of income, model with fixed effects, interregional dependence of wages, models with spatial effects, real wages, spatial interrelation, spatial sampling, spatial-autoregressive analysis, spatial effects, regional wages in the industry, regional factors, social policy, economic security of the country.

Важной причиной оттока трудоспособного населения, помимо низкого уровня развитости инфраструктуры, является более низкий уровень заработных плат по сравнению с другими регионами. Для регионов Дальневосточного федерального округа эта тема представляется актуальной, поскольку каждый год здесь наблюдается отрицательный миграционный прирост. Только в 2018 г. отток составил 36,7 тыс. человек [2]. Основное направление переезда – это Центральный федеральный округ, где наблюдается относительно более высокий уровень развития инфраструктуры и при этом более низкая стоимость потребительской корзины.

Существует ли вообще межрегиональная взаимосвязанность между величинами заработных плат? Может ли исследование данной взаимосвязи помочь объяснить, почему в одних отраслях миграция труда происходит сильнее, чем в других. Последнее может быть важным основанием для принятия управленческих решений в сфере регулирования рынка труда, особенно в межотраслевом разрезе.

Исследовательская проблема: произойдет ли повышение заработной платы в регионе, если в соседних регионах заработная плата повысилась? Во-первых, возможно наличие положительной пространственной корреляции (повышение оплаты труда в соседнем регионе приведет к тому, что рабочие станут уезжать в этот регион, что, в свою очередь, приведет к дефициту рабочих в родном регионе, где компании в таком случае будут вынуждены повышать оплату труда). Во-вторых, связь

может отсутствовать в случае наличия тех или иных барьеров, препятствующих переезду из одного региона в другой. Тем самым данное исследование направлено на то, чтобы выявить наличие или отсутствие пространственной связи между уровнем оплаты труда как в среднем по России, так и в отдельно взятой отрасли.

Развитие всё более сложных эконометрических подходов позволяет заново пересмотреть существующие подходы к моделированию уровня региональных заработных плат. Так, в недавнем исследовании в ходе оценивания модели Оукена была продемонстрирована значимость учёта пространственных взаимосвязей между регионами на примере Российских данных [3]. Последнее позволило избежать проблем, связанных со смещённостью и недооценкой коэффициента Оукена в стандартной модели. Помимо возможности выявления межрегиональных взаимосвязей, пространственно-авторегрессионный анализ позволяет частично решить известные проблемы, связанные с наличием пропущенных переменных в классических регрессионных моделях.

В ходе анализа литературы были выявлены следующие факторы, влияющие на уровень заработной платы в регионе. Согласно стандартной микроэкономической теории, существуют два основных фактора – это производительность труда и безработица [4]. Исходя из теоретической концепции занятости, между безработицей и оплатой труда существует отрицательная взаимосвязь. Среди экономистов существует такое объяснение механизма безработицы: при высоком уровне безработицы уменьшается переговорная сила работников, это означает то, что, если работники в процессе переговоров станут требовать повышения заработной платы, фирма не пойдет на уступки, а примет на работу более дешёвую рабочую силу, так как в данный момент на рынке труда переизбыток свободных трудовых ресурсов. Говоря о влиянии производительности труда, можно отметить, что наблюдается положительная взаимосвязь данного показателя и оплаты труда, что вполне объяснимо, поскольку работник, производящий в единицу времени больше продукции, чем остальные, получает и более высокую заработную плату.

Говоря о производительности труда, необходимо также упомянуть концепцию «Эффективных заработных плат». Исходя из данной концепции, компания, заинтересованная в высокой производительности труда, может стратегически устанавливать более высокие ставки заработной платы для того, чтобы работники стали работать эффективнее. То есть, в таком случае наблюдается обратная взаимосвязь: чем выше заработная плата, тем выше производительность. Вакуленко и Гурвич, проверяя гипотезу о зависимости производительности труда от величины заработной платы на российских данных посредством проведения теста причинности по Гренджеру, не обнаружили значимых взаимосвязей между рассматриваемыми факторами [1]. В том же исследовании были эмпирически подтверждены теоретические концепции о механизмах влияния производительности и безработицы на раз-

мер заработной платы с помощью эмпирических данных рынка труда РФ посредством эконометрического моделирования. Проведя моделирование связей между основными переменными рынка труда, авторы получили ключевые показатели – оценки коэффициентов, которые не противоречат экономической логике. То есть между оплатой труда и безработицей наблюдается отрицательная взаимосвязь, а между оплатой труда и производительностью – положительная.

Следующим фактором, который обычно используется при моделировании величин заработных плат, является образование. Согласно теоретическим представлениям, зарплата находится в положительной зависимости от уровня образования [5]. Механизм влияния этого фактора вполне логичен, ведь человек, получивший высшее образование, имеет более высокие компетенции по сравнению с человеком без образования. Следовательно, первый ценится больше, чем второй, и получает своеобразную «премию» за высшее образование.

В исследовании Gatti et al. было показано, что уровень развития финансового рынка способствует увеличению занятости [6]. В свою очередь, увеличивается заработная плата посредством снижения безработицы. В настоящей работе также будет оцениваться зависимость уровня заработных плат для разных отраслей в регионе от уровня развитости финансовой инфраструктуры.

Как же влияет на уровень региональных заработных плат такой фактор, как доля населения старше трудоспособного возраста? С одной стороны, производительность таких работников падает, поэтому должна падать и их заработная плата. С другой стороны, компании относятся к таким рабочим как к опытным специалистам, следовательно зарплата в таком случае будет либо оставаться на одном уровне, либо повышаться. В работе Ours et al. было обнаружено отсутствие взаимосвязи между оплатой труда и долей возрастных работников [7]. В это же время в исследовании Hellerstein et al. демонстрируется наличие прямой взаимосвязи [8]. В настоящей работе рассматриваемый фактор используется при моделировании уровня региональных отраслевых заработных плат.

По итогам проведённого анализа литературы были определены основные факторы влияния на заработную плату. К их числу относятся уровень образования, доля пенсионеров, коэффициент демографической нагрузки, уровень развития финансовой инфраструктуры в регионе, уровень безработицы, производительность труда.

Основной новизной работы представляется использование моделей пространственной авторегрессии, что помимо выявления пространственных взаимосвязей позволило получить более точные оценки коэффициентов, характеризующих влияние на заработную плату рассмотренных факторов ввиду того, что частично удаётся решить известные проблемы, связанные с наличием пропущенных переменных в классических регрессионных моделях [9].

Исследовательские гипотезы

Исходя из предположения о том, что российский рынок труда имеет неоднородную структуру, были выдвинуты гипотезы:

1. Показатели пространственной связи в отраслевом разрезе имеют значительные различия;
2. Оценки коэффициентов рассмотренных факторов, влияющих на уровень оплаты труда, имеют значительные различия в отраслевом разрезе.

Данные и модели

В работе используются данные о социально-экономических факторах, взятых из официальных статистических источников [10]. В таблице 1 приведена информация о переменных, которые были использованы при моделировании региональных отраслевых заработных плат.

Таблица 1

Информация о переменных, которые были использованы при моделировании региональных отраслевых заработных плат

Обозначение	Фактор	Способ расчета
Y	Реальная заработная плата	Через индекс потребительских цен (100=2012)
X1	Уровень образованности	Доля населения с высшим образованием
X2	Доля пенсионеров	Доля населения старше трудоспособного возраста
X3	Коэффициент демографической нагрузки	Сколько лиц нетрудоспособных возрастов приходится на 1000 человек трудоспособного возраста
X4	Уровень развития финансовой инфраструктуры в регионе	Отношение числа кредитных организаций и их филиалов в субъекте к числу трудоспособных
X5	Уровень безработицы	По данным выборочных обследований рабочей силы в среднем за год
X6	Производительность труда	Отношение ВРП региона к среднегодовому количеству занятых

Для проверки сформированных гипотез будет использоваться обычная модель с фиксированными эффектами (1) и модель с пространственно-авторегрессионными эффектами и фиксированными эффектами (2).

$$Y_{it} = \alpha_i + \beta_1 * X1_{it} + \beta_2 * X2_{it} + \beta_3 * X3_{it} + \beta_4 * X4_{it} + \beta_5 * X5_{it} + \beta_6 * X6_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

$$Y_{it} = \alpha_i + \rho * W * Y_{it} + \beta_1 * X1_{it} + \beta_2 * X2_{it} + \beta_3 * X3_{it} + \beta_4 * X4_{it} + \beta_5 * X5_{it} + \beta_6 * X6_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

где величина α_i выражает индивидуальный эффект объекта i , не зависящий от времени t , при этом регрессоры не содержат константу; W – матрица, характеризующая пространственную компоненту в модели; ρ – коэффициент, отражающий наличие пространственных эффектов; Y_{it} – реальная заработная плата по отраслям.

Результаты

Расчёты проводились по данным за период с 2012 г. по 2016 г. с использованием статистического пакета STATA. Изначально было отобрано 83 региона, в расчётах использовалась информация по 63. Выборка была упрощена, чтобы не допустить смещения из-за наличия аутлайеров. В таблице 2 представлены описательные статистики по основным переменным до обработки данных и после обработки.

Таблица 2

Описательные статистики основных переменных до обработки данных и после обработки

До обработки						
Переменные	Obs	Mean	Std. Dev.	Min	Max	Var, %
Y	83	23797.15	10881.81	14984.29	67312.3	45.73
X1	83	31.07	4.79	21.9	48.5	15.42
X2	83	24.04	4.73	10	30.2	19.68
X3	83	768.65	64.05	536	914	8.33
X4	83	0.026	0.013	0.01	0.06	50.00
X5	83	6.78	3.77	1.6	30.2	55.60
X6	83	699.88	721.99	235.66	5624.41	103.16
После обработки						
Переменные	Obs	Mean	Std. Dev.	Min	Max	Var
Y	63	20484.33	3997.55	14984.29	33829.78	19.52
X1	63	30.48	4.03	21.9	42.4	13.22
X2	63	26.03	2.43	19.7	30.2	9.34
X3	63	789.38	41.15	699	914	5.21
X4	63	0.025	0.011	0.01	0.05	44.00
X5	63	5.9	1.65	1.6	9.9	27.97
X6	63	535.08	141.77	293.17	919.36	26.50

Источник: выполнено авторами статьи с использованием программы Stata

В данной таблице можно также наблюдать коэффициент вариации в крайнем правом столбце, значение которого уменьшилось после обработки данных.

Далее переходим непосредственно к эконометрическому анализу влияния рассматриваемых факторов на отраслевые заработные платы. В таблице 3 приведены наименования и обозначения рассматриваемых в работе отраслей.

Таблица 3

Наименования и обозначения рассматриваемых в работе отраслей

Y	Все отрасли
Y _{AGR}	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство
Y _{FOOD}	Производство пищевых продуктов (включая напитки) и табака
Y _{BUILD}	Строительство
Y _{WHOLESE}	Оптовая торговля, включая торговлю через агентов
Y _{RETAIL}	Розничная торговля; ремонт бытовых и личных изделий
Y _{STATE}	Гос. управление и военная безопасность; соц. обеспечение
Y _{WOOD}	Обработка древесины и производство изделий из дерева (кроме мебели)

Источник: выполнено авторами статьи

Для наглядного восприятия данных была построена карта, отображающая информацию о заработной плате в регионах. Была взята заработная плата за 2016 г. (рис. 1). Визуальный анализ показывает наличие пространственной корреляции, поскольку регионы с высокой заработной платой тянутся к регионам с высокой заработной платой и, соответственно, наоборот.

Рис. 1. Реальная заработная плата в регионах России в 2016 г.

Источник: выполнено авторами статьи

Таблица 4

Результаты оценивания модели (1) для рассматриваемых отраслей

VARIABLES	Y	Y _{AGR}	Y _{FOOD}	Y _{BUILD}	Y _{WHOLESALE}	Y _{RETAIL}	Y _{STATE}	Y _{WOOD}
X1	38*	-9	-11	-44	-44	1	48	34
X2	1394***	2289***	1676***	466	573	1489***	2494***	2603**
X3	-47***	-40***	-35***	-45***	-19	-33***	-103***	4
X4	-32267***	-29279***	2720	-37077*	-1561	-11131	-17879	-8013
X5	-289***	-151	-278**	-269	-73	-120	-808***	331
X6	6***	6***	1	7**	3	4**	9**	1
Constant	19394***	-14201**	3042	42205***	16723	125	43125***	-53827***
Observations	315	315	315	315	315	315	315	315
R-squared	0.467	0.272	0.106	0.435	0.078	0.094	0.678	0.56
Number of Region	63	63	63	63	63	63	63	63
AIC	4987	5070	5180	5467	5432	5099	5489	5936
BIC	5013	5096	5206	5494	5458	5126	5516	5963

Источник: выполнено авторами статьи с использованием программы Stata

В таблице 4 приведены результаты оценивания модели (1) для рассматриваемых отраслей. Данная таблица формируется автоматически в программе Stata. В верхней строке перечислены зависимые переменные. Далее следуют оценки коэффициентов соответствующих моделей. Большинство коэффициентов значимы и влияют согласно теоретической концепции. Исключением является переменная X1 (доля людей с высшим образованием), которая влияет только в том случае, если смотреть в среднем по России, в других отраслях влияния не оказывает. Также уровень развития финансовой инфраструктуры отрицательно влияет на заработную плату.

В оставшихся строках таблицы содержится информация об основных характеристиках моделей. Это, соответственно, количество наблюдений, R-квадрат, число регионов, задействованных в расчетах, и информационные критерии AIC и BIC.

В таблице 5 приведены результаты оценивания модели (2) для рассматриваемых отраслей. Исходя из анализа результатов оценивания модели в отраслевом разрезе, следует, что такие факторы, как уровень образованности и уровень безработицы, в большинстве из рассмотренных отраслей не оказывают значимое влияние на реальную заработную плату. Поэтому, соответственно, и в общем случае, когда в качестве зависимой переменной рассматривалась средняя заработная плата по региону, эти два фактора не будут значимыми. Показатель доли пенсионеров в пяти отраслях из семи исследованных влияет значимо положительно на заработную плату. Поэтому в общем случае влияние данного фактора соответствует общей тенденции. Коэффициент демографической нагрузки в 5 отраслях из 7 влияет значимо отрицательно, и в общей модели повторяется данная тенденция. Уровень развития финансовой инфраструктуры значим отрицательно в отрасли сельского хозяйства и значим положительно в отрасли государственного управления. В остальных отрас-

лях показатель не оказывает влияния на заработную плату. Показатель производительности труда влияет положительно всего в трёх отраслях. Несмотря на то, что это составляет менее 50% от исследованных отраслей, в общей модели производительность труда также влияет значимо положительно на заработную плату.

Таблица 5

Результаты оценивания модели (2) для рассматриваемых отраслей

VARIABLES	Y	Y _{AGR}	Y _{FOOD}	Y _{BUILD}	Y _{WHOLESALE}	Y _{RETAIL}	Y _{STATE}	Y _{WOOD}
X1	6	-10	-26	-54	-43	-2	-46**	34
X2	1310***	2346***	1720***	536	615	1492***	2424***	2584***
X3	-29***	-43***	-31***	-27*	-17	-31***	-42***	-1
X4	-10601**	-26837***	6932	-27165	871	-5641	21623**	-6311
X5	-61	-136	-177*	-155	-65	-78	-219**	329
X6	3***	6***	-1	5*	2	3**	1	1
rho	0.9***	0.3**	0.6***	0.6***	0.2	0.4***	0.9***	0.1
Observations	315	315	315	315	315	315	315	315
R-squared	0.015	0.073	0.039	0.142	0.037	0.074	0.064	0.002
Number of Region	63	63	63	63	63	63	63	63
AIC	4688	5069	5156	5449	5432	5090	5062	5938
BIC	4718	5099	5186	5479	5462	5120	5092	5969

Источник: выполнено авторами статьи с использованием программы Stata

Обсуждение результатов

Согласно описанным выше результатам можно сделать вывод о том, что гипотеза о наличии значительных различий в коэффициенте пространственной взаимосвязанности была подтверждена. Отрасль с самым высоким показателем rho – это отрасль государственного управления, военной безопасности и социального обеспечения. В данном случае rho равен 0,939. В целом, это может свидетельствовать о том, что, возможно, сотрудники данной отрасли не имеют особых барьеров для перемещения между регионами в поисках хорошей зарплаты. Другая интерпретация заключается в том, что большинство параметров в сфере оплаты труда в перечисленных сферах деятельности формируется централизованно, что и определяет их взаимосвязанность. В этой связи можно говорить о качестве сформированной модели, позволяющей обнаружить данную закономерность в данных. В свою очередь, это подразумевает то, что инфраструктура данной отрасли развита повсеместно в стране и не требует каких-либо особых мер поддержки для развития – в контексте удержания кадров. Вопросы, связанные с их квалификацией, выходят за рамки настоящего исследования.

Самое низкое значение rho, равное 0,306, имеет отрасль сельского хозяйства. Если рассматривать основную рабочую силу сельского хозяйства, то это рабочие,

проживающие в сельской местности и привязанные к земле. Таким образом, можно судить о низком уровне развития инфраструктуры данной отрасли, а также о наличии затруднений с перемещением рабочих из региона в регион. Интерпретация заключается в том, что уровень развития рыночных отношений, в том числе на рынке труда данной отрасли, относительно неразвит и поэтому рост заработной платы в соседних регионах у селян имеет относительно более низкий уровень влияния на соответствующие показатели в самом регионе. Важную роль здесь играет и сам факт «привязанности к земле». Но это лишь говорит о том, что в этой связи у соответствующих категорий населения возникают сильные стимулы к переезду, в том числе в другой регион. Это, в свою очередь, создаёт предпосылки для приоритизации в контексте принимаемых мер поддержки. При этом речь может идти как о субсидировании сельскохозяйственной отрасли, так и просто о переобучении кадров и переориентации их на деятельность в другие сферы экономики.

Также можно рассмотреть отрасль оптовой торговли. Показатель ρ_{ho} в данном случае незначим, это свидетельствует о том, что в плане перетоков трудовых ресурсов имеются явные особенности, которые необходимо учитывать при регулировании рынка труда. В частности, речь идёт о повышенных стимулах к переезду у этой категории населения, ведь низкий показатель ρ_{ho} говорит о том, что рост заработной платы в данной отрасли в соседних регионах не приводит к росту в рассматриваемом регионе. Можно предложить разные интерпретации, почему так происходит, однако сам по себе этот результат демонстрирует наличие рисков по закреплению данной категории населения на территории.

Выдвинутая ранее гипотеза 2 также оказалась подтверждённой. Следовательно, это может указывать на значительный уровень неоднородности показателей межрегиональной взаимосвязанности заработных плат в отраслевом разрезе. Например, производительность труда в сельском хозяйстве имеет коэффициент 5.90***, в то же время в отрасли государственного управления данный показатель незначим. Это вполне объяснимо, поскольку при повышении производительности рабочий за то же время выполняет больше работы и, соответственно, получает больше зарплату. В сельском хозяйстве, судя по всему, отдача от повышения работником эффективности своего труда больше, возможно, ввиду того, что данная отдача в большей степени зависит от показателей капиталовооружённости труда.

Интерес вызывает уровень безработицы, поскольку, согласно теории, данный фактор должен отрицательно значимо влиять на уровень оплаты труда. В рамках данной работы данный фактор не значим – как в большинстве отраслей, так и в среднем по России. Одной из возможных причин данного явления может быть низкое значения показателя текучести кадров, что, в свою очередь, и определяется уровнем развития рыночных отношения между работодателями и рабочими. То есть отрасль не может реагировать на изменения предложения на рынке труда

уменьшением заработных плат ввиду наличия долгосрочных жёстких контрактов. В этой связи более правдоподобной видится интерпретация, связанная с существованием квалификационных требований. Речь идёт о способности рынка труда удовлетворять спрос на труд за счёт существующих безработных, что во многом зависит от существующих возможностей переквалификации и переобучения. Возможны и другие причины.

Заключение

Результатом выполнения работы стало подтверждение обеих гипотез, поставленных ранее. Во-первых, о том, что показатель пространственной корреляции имеет значительные различия в разных отраслях; во-вторых, – оценки влияния факторов на заработную плату также являются различными в разных отраслях.

Можно сказать, что удалось в некоторой степени оценить неоднородность региональных отраслевых рынков труда. Это важно, поскольку результаты данного исследования могут быть полезными при приоритизации категорий населения с точки зрения мер по их закреплению на территории. Ключевое предложение заключается в том, чтобы учитывать величину коэффициентов *межрегиональной взаимосвязанности заработных плат в отраслевом разрезе*. При этом чем выше коэффициент, тем ниже риски миграции данной категории населения при прочих равных условиях. Несомненным преимуществом является объективность данного метода, что позволит принимать более эффективные управленческие решения. Полученные данные о влиянии социально-экономических факторов могут выступать в роли рычагов, позволяющих корректировать уровень заработной платы в конкретных отраслях в регионе либо принимать решение о переквалификации и переобучении персонала и т.д. В дальнейших исследованиях предстоит напрямую проверить гипотезу о влиянии коэффициентов *межрегиональной взаимосвязанности заработных плат в отраслевом разрезе на склонность к миграции*.

Список литературы

1. Вакуленко, Е. С. Моделирование механизмов российского рынка труда / Е. С. Вакуленко, Е. Т. Гурвич // Вопросы экономики. – 2015. – № 11. – С. 5–29.
2. Внутророссийская миграция по территориям прибытия и выбытия («шахматка» по федеральным округам). 2018. – URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 13.05.2020).
3. Вакуленко, Е. С. Анализ связи между региональными рынками труда в России с использованием модели Оукена // Прикладная эконометрика. – 2015. – № 4. – С. 28–48.
4. Blanchard, O. Wage dynamics: reconciling theory and evidence / O. Blanchard, L. Katz // American Economic Review. – 1999. – No. 89. – P. 69–74.

5. Ощепков, А. Ю. Отдача от высшего образования в российских регионах // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2010. – Т. 14, вып. 4. – С. 468–491.
6. Gatti, D. Unemployment and finance: how do financial and labour market factors interact? / D. Gatti, C. Rault, A.-G. Vaubourg // *Oxford Economic Papers*. – 2011. – Vol. 64, iss. 3. – P. 464–489.
7. Ours, J. C. Age, Wage and productivity in Dutch manufacturing / J. C. Ours, L. Stoeldraijer // *Economist*. – 2011. – Vol. 159, iss. 2. – P. 113–137.
8. Hellerstein, J. K. Wages, productivity, and worker characteristics: Evidence from plant-level production functions and wage equations / J. K. Hellerstein, D. Neumark, K. R. Troske // *Journal of Labor Economics*. – 1999. – Vol. 17, iss. 3. – P. 409–446.
9. Демидова, О. А. Пространственно-авторегрессионная модель для двух групп взаимосвязанных регионов (на примере восточной и западной части России) // *Прикладная эконометрика*. – 2014. – Т. 34, № 2. – С. 19–35.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. – URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 13.05.2020).

References

1. Vakulenko E. S., Gurvich E. T. Modelirovanie mekhanizmov rossiiskogo rynka truda [Modeling of the mechanisms of the Russian labor market]. *Voprosy ekonomiki*, 2015, no. 11, pp. 5–29.
2. Internal Russian migration in the territories of arrival and departure («chess» in federal districts). 2018. Available at: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed 13 May 2020). (In Russian).
3. Vakulenko E. S. Analiz svyazi mezhdu regional'nymi rynkami truda v Rossii s ispol'zovaniem modeli Oukena [Analysis of the relationship between regional labor markets in Russia using the Ouken model]. *Prikladnaya ekonometrika*, 2015, no. 4, pp. 28–48.
4. Blanchard O., Katz L. Wage dynamics: reconciling theory and evidence. *American Economic Review*, 1999, no. 89, pp. 69–74.
5. Oshchepkov A. Yu. Otdacha ot vysshego obrazovaniya v rossiiskikh regionakh [Return on higher education in the Russian regions]. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2010, vol.14, iss. 4, pp. 468–491.
6. Gatti D, Rault C., Vaubourg Anne-Gaël. Unemployment and finance: how do financial and labour market factors interact? *Oxford Economic Papers*, 2011, vol. 64, iss. 3, pp. 464–489.
7. Ours J.C., Stoeldraijer L. Age, wage and productivity in Dutch manufacturing. *Economist*, 2011, vol. 159, iss. 2, pp. 113–137.

8. Hellerstein J. K., Neumark D., Troske K. R. Wages, productivity, and worker characteristics: Evidence from plant-level production functions and wage equations. *Journal of Labor Economics*, 1999, vol. 17, iss. 3, pp. 409–446.

9. Demidova O. A. Prostranstvenno-avtoregressionnaya model' dlya dvukh grupp vzaimosvyazannykh regionov (na primere vostochnoi i zapadnoi chasti Rossii) [Spatial-autoregressive model for two groups of interconnected regions (on the example of the eastern and western parts of Russia)]. *Prikladnaya ekonometrika*, 2014, vol. 34, no. 2, pp. 19–35.

10. *Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017*. Available at: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204> (accessed 13 May 2020). (In Russian).

УДК 334.012.23:004

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/61-73

В. П. Третьяк¹

Российский университет транспорта, г. Москва, Россия

E-mail: v_tretyak@inbox.ru

М. А. Лякина²

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: malyakina@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА – ПРОДУКТ КВАЗИИНТЕГРИРОВАННЫХ СИСТЕМ

Аннотация. Статья посвящена анализу экономической природы цифровых платформ. В ней сопоставляются два механизма перераспределения экономических ресурсов – классический рыночный и властный внутрифирменный. Экономическая природа цифровых платформ связывается с развитием квазиинтегрированных структур. Обосновывается положение о том, что платформа не является в полном смысле традиционной фирмой, а представляет собой существенный компонент квазиинтегрированной экономической структуры, которая выносит внутрифирменные властные отношения за свои пределы и способна трансформировать рыночную организацию производства по ряду направлений. Платформа по сути своей организации опирается на формы работы на заказ потребителя, получившие развитие в постиндустриальной или информационной экономике. Она способна формировать спрос в виде поступления потока заказов от непосредственного потребителя. Цифровые платформы изменяют экономический статус фирм, действующих внутри неё, существенно ограничивая их обособленность. Это приводит к доминированию

¹ Владимир Петрович Третьяк, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика и управление на транспорте» Российского университета транспорта, г. Москва, Россия.

² Мария Анатольевна Лякина, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика транспорта» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, г. Москва, Россия.

Для цитирования: Третьяк В. П., Лякина М. А. Цифровая платформа – продукт квазиинтегрированных систем // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 1. С. 61–73.

платформы как на отраслевом рынке, так и по отношению к фирмам, которые взаимодействуют на её основе.

Ключевые слова: цифровая платформа, квазиинтегрированные экономические структуры, кластеры фирм, производство на заказ конечного потребителя, экономическая природа фирмы, взаимосвязь производства и потребления, внутрифирменный механизм перераспределения ресурсов, внутрифирменные властные отношения, активная фирма.

V. P. Tretyak¹

Russian Transport University, Moscow, Russia

E-mail: v_tretyak@inbox.ru

M. A. Lyakina²

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: malyakina@mail.ru

DIGITAL PLATFORM – QUASI-INTEGRATED SYSTEMS PRODUCT

Abstract. This article is devoted to the economic nature of digital platforms. There is a comparison of two redeployment mechanisms of economic resources: classical market-based mechanism and commanding intra-firm. The economic nature of digital platforms is connected with quasi integrated structure development. The article provides a statement that a platform is not a traditional firm (in its full sense) that it is just an essential component of quasi integrated economical structure that takes its intra-firm commanding relations outside and is able to transform market-based organization in a number of areas. Fundamentally, a platform is based on customer-related forms of work that was developed in the post-industrial or information economy. It is able to build a demand as a business stream directly from consumers. Digital platforms change economic status of companies that operate inside of it, significantly limiting their independence. In some

¹ Vladimir P. Tretyak, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Transport Management, Russian University of Transport, Moscow, Russia.

² Maria A. Lyakina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Transport Economics, St. Petersburg State University of Railway Engineering, Emperor Alexander I, Moscow, Russia.

For citing: Tretyak V. P., Lyakina M. A. Digital platform – quasi-integrated systems product // PACIFIC RIM : Economics, Politics, Law. 2020. No 4. P. 61–73.

cases it leads to the platform dominance on the sectoral market as well as its dominance according to the firms that interact on its basis.

Keywords: digital platform, quasi integrated economical structure, cluster of firms, customer related forms of work, economic nature of the company, the relationship of production and consumption, internal company redistribution of resources, intercompany power relations, active company.

В среде специалистов в области информационных технологий нарастает интерес к анализу такого явления, как цифровые платформы, частным случаем которых являются так называемые P2P платформы (от англ. peer-to-peer) или одноранговые бизнес модели, типичным примером которых является Airbnb – онлайн-площадка для размещения, поиска и краткосрочной аренды частного жилья по всему миру. Судя по мировым тенденциям, за цифровыми платформами будущее. По оценкам PwC (Price water house Coopers), в девяти крупных европейских странах в 2016 г. было создано не менее 275 организаций, ведущих бизнес на платформе шеринговой экономики¹. Лидеры в использовании этого механизма – Великобритания и Франция. В каждой из этих стран создано более 50 организаций шеринговой экономики. В Германии, Испании и Нидерландах – более 25 шеринговых, в Швеции, Италии, Польше и Бельгии – менее 25 [1, с. 9]. Электронные платформы весьма популярны, например, при использовании рабочего пространства или по обмену рабочим инструментом. Сервисы помогают владельцам магазинов розничной торговли сдавать в аренду площади магазинов производителям, ремесленникам и предпринимателям.

Экономисты гораздо в меньшей степени уделяют внимание исследованию природы цифровых или электронных платформ. В некоторых работах дается сопоставление различных подходов к определению электронных платформ, рассматривается соотношение их с традиционными концепциями двусторонних рынков (с такими, как теория внешних эффектов и ценовая дискриминация третьей степени) [10]. Экономическое содержание цифровых платформ исследуется в связи с осмыслением сути шеринговой экономики, а также в связи с анализом создания добавленной стоимости за счёт координированной деятельности владельца платформы [13]. Иногда платформами называют организации (фирмы), которые посредством различных продуктов, услуг или их комбинаций объединяют две группы участников на двусторонних рынках [11]. Вместе с тем, достаточно редко рассматривается

¹ Экономика совместного потребления, или экономика совместного пользования, или экономика доступа, экономика обмена, долевая экономика, совместное владение (в русскоязычной экономической литературе), или shareconomy, collaborative consumption, collaborative economy, peer economy (в англоязычной экономической литературе), в которой в той или иной мере используются электронные платформы.

собственно экономическая природа платформ. На наш взгляд, осмысление данного аспекта природы платформы нуждается в разработке.

Трансформация экономической природы фирмы

В экономических публикациях ещё не сформировалось однозначного понимания цифровых платформ [10]. Мы будем исходить из того, что под цифровой платформой понимается «организация, которая создаёт ценность, прежде всего, за счёт обеспечения прямого взаимодействия между двумя (или более) различными типами аффилированных клиентов» [15, р.184]. Ключевые роли в бизнес-модели P2P выполняются:

(а) провайдером платформы, с помощью которого обеспечивается обмен и координация деятельности,

(б) клиентами, которые ищут продукт или услугу,

(в) поставщиком товаров и услуг, который предоставляет к ним доступ.

Фирма является агентом рынка, и цифровая платформа не является в этом плане исключением. На зрелой стадии рыночных отношений классическая фирма – это, прежде всего, *обособленный* агент рынка, который обладает производственной и финансовой свободами, зарегистрирован как юридическое лицо и имеет банковский счёт и прочие атрибуты регистрации [4].

В условиях простого товарного производства мы имеем дело с *классической обособленностью фирмы*, основные характеристики которой подробно разобраны в работе Н. В. Хессина [9], и отсутствием любого подобия цифровых платформ.

Фирма как агент рынка выполняет функцию *перераспределения ресурсов* наряду с рыночным механизмом. Реализация этой функции осуществляется исходя из признания «условной модели» фирмы, которая приобретает ресурсы с рынка, комбинирует их и продаёт готовые изделия покупателям на рынке. Выделим отличительные особенности собственно рыночного и внутрифирменного механизмов перераспределения ресурсов.

Если человек, предполагающий наличие неудовлетворённого спроса, объявляет, что ищет работников и организации, которые способны поставить ему необходимые комплектующие изделия и материалы, его деятельность вряд ли можно назвать фирмой. Он будет вынужден искать помещение, где можно хранить полуфабрикаты и готовые изделия и вести производственный процесс. Ему также придётся искать организации, которые будут способны продавать готовую продукцию. Вышеперечисленные действия предпринимателя осуществляются в соответствии с рыночным механизмом распределения ресурсов, который основывается на координации спроса и предложения.

Внутрифирменным же этот механизм становится только тогда, когда заключается контракт на выполнение вышеперечисленных видов работ, который предпо-

лагают *согласие* работников в определенной мере *подчиняться координатору производства*. Данный феномен Е. Прескотт и М. Висшер назвали *организационным капиталом* [16]. Именно в этот момент фиксируется переход из сферы функционирования собственно рыночного механизма в область внутрифирменного механизма перераспределения ресурсов, свойственного компании. Последний предполагает использование *властных отношений в пределах границ* фирмы, когда выполнение действий работниками осуществляется не на основе *добровольного* баланса спроса и предложения, а в соответствии с указаниями координатора, управляющего бизнес-процессом. Именно возникающие внутри фирмы властные отношения, в известных пределах *недобровольные*, отличают данный механизм перераспределения ресурсов от классического рыночного. При этом фирма, для того чтобы закрепить своё существование, должна продемонстрировать способность экономить на издержках по отношению к рыночному механизму.

Таким образом, существенной чертой природы классической фирмы, как *обособленного товаропроизводителя*, является наличие двух конкурирующих механизмов: собственно *рыночного* и *внутрифирменного механизма* компании как *альтернативного института перераспределения ресурсов*.

Рассмотрев природу классической фирмы, действующей на этапе простого товарного производства, попытаемся проследить её трансформацию на фоне развития капиталистического товарного производства в период господства постиндустриальных технологических укладов.

Рыночные стратегии реализуются на различных отраслевых рынках. Чаще всего молчаливо предполагается, что фирма функционирует на совершенном рынке. Но даже к *состоятельным* рынкам¹ (effective market) относятся не только *совершенные*, где равновесные цены, множество мелких продавцов и покупателей, отсутствует рыночная власть, но и рынки с *рабочей конкуренцией*, которые предполагают наличие неких барьеров. В этих условиях большинство фирм выступают в качестве пассивных субъектов воздействия внешней среды (прежде всего, сложившейся отраслевой структуры, концентрации продавцов и покупателей, дифференциации продукта, сформировавшихся нестратегических барьеров), то есть ведут себя традиционно.

Для *активных субъектов отраслевого рынка*, способных оказывать воздействие на его структуру, характерно стратегическое поведение. Обладая значительной рыночной долей, *активные* фирмы способны устанавливать цены выше уровня предельных издержек. Это позволяет им корректировать *собственно рыночный ме-*

¹ Состоятельным (effective market) является такой отраслевой рынок, любое вмешательство извне в функционирование которого обязательно приведёт к снижению показателей его результативности. Примером может служить рынок совершенной конкуренции.

ханизм перераспределения ресурсов за счёт вынесения своих внутрифирменных властных отношений *за пределы компании*.

С появлением активных фирм, обладающих рыночной властью, которые, как правило, функционируют на несостоятельных рынках¹, набирают силу (наблюдается развитие) интеграционные процессы. В данном случае мы будем рассматривать интеграцию как процесс консолидации активов под воздействием активной фирмы.

В пределах фирмы интеграционный процесс может осуществляться двумя путями. Первый – когда производство и реализация товаров расширяются за счёт внутренних источников компании. Данный процесс ведёт к появлению дополнительных этапов изготовления изделия, которые ранее приобретались с рынка. Такая интеграция получила название *естественной* [8], поскольку в её рамках объединяются ключевые технологические стадии производства и, в известной мере, сохраняются прежняя организация производства, прежний *контроль над собственностью* и над *управлением подразделений*, и лишь незначительно расширяется сфера внутрифирменных властных отношений.

Второй путь развития интеграционных процессов в пределах фирмы предполагает расширение бизнеса за счёт приобретения активов других компаний. С расширением числа стадий производства, происходящим за счёт присоединения других фирм, кроме технологически нужного бизнеса, у компании-покупателя вольно или невольно появляется и сопутствующий бизнес приобретаемой компании. Проблема рационального использования активов не исчезает, а, напротив, становится ещё более актуальной, поскольку приходится решать судьбу сопутствующих активов. Более того, фирме-покупателю предстоит работа по адаптации менеджмента приобретённого предприятия. Следовательно, в данном случае меняются и организация производства, и *контроль над собственностью*, и контроль над *управлением* ранее независимого подразделения.

В первом случае, при естественной интеграции, когда речь идёт об использовании внутренних источников трансформации фирмы, изменение уровня рыночной концентрации происходит за счёт укрупнения фирмы, при сохранении всех участников отраслевого рынка. Во втором – рост концентрации происходит на фоне сокращения числа участников отраслевого рынка и выхода одних властных отношений за пределы фирмы и исчезновение их в приобретённой фирме. Поэтому при слиянии или поглощении интеграционные процессы отличаются от естественной интеграции.

Приобретение компании собственником другой фирмы представляет собой не что иное, как присоединение активов в виде готовой фирмы. Свершившаяся сделка влечёт за собой смену собственника. Однако это ещё не означает, что инте-

¹ Несостоятельный рынок (market failure) – рынок, характеризующийся наличием определённых условий («провалов рынка»), делающих его неэффективным. Провал рынка (market failure) – ситуация, при которой рынку не удаётся достичь оптимального размещения ресурсов.

грационный процесс завершился. Вслед за упрочением *контроля над собственностью* появляется необходимость превращения организмов двух компаний в единую организационную структуру, которая будет соответствовать общим чертам активной фирмы. Рост размеров фирмы за счёт слияния меняет и концентрацию на отраслевом рынке, и степень рыночной власти вновь образованной организационной структуры, которая расширила властные, внутрифирменные отношения до пределов объединения ранее независимых фирм. Таким образом, интеграция, осуществляющаяся в процессе приобретения одной фирмой другой, предполагает установление полного контроля как над собственностью, так и над управлением активов.

Приобретаемая компания может быть акционерной. Если при консолидации активов права миноритарных акционеров сохраняются (то есть нет полного контроля над собственностью), то мы имеем дело с *неполной* или *частичной* интеграцией. В условиях данной модели вся цепочка создания благ превращается в совокупность оказываемых услуг. Подобное «развязывание» ресурсов выражается прежде всего в заключении различного рода договоров (разделении прав владения и пользования) и замене традиционных отношений.

С помощью организационного менеджмента активная фирма может осуществлять достаточно полный контроль над собственностью фирм, вошедших в интегрированную структуру, и при отсутствии его юридического оформления. Это достигается, например, с помощью заключения договоров. В результате одна компания устанавливает контроль над поведением другой юридически независимой фирмы. В этом случае рыночная власть активной фирмы в значительной мере вытесняет рыночный механизм перераспределения ресурсов на этом участке отраслевого рынка. Юридически независимые компании, в уставном капитале которых может вообще не быть доли акций, принадлежащей активной фирме, добровольно соглашаются на осуществление контроля над управлением активами. *Наличие контроля над управлением активами формально самостоятельных фирм, при отсутствии контроля над их собственностью, именуется квазиинтеграцией.* Квазиинтегрированная структура вовлекает в оборот «спящие» активы других фирм, повышая эффективность их использования, а также выталкивает свои малоэффективные активы.

Наиболее распространенной формой проявления квазиинтеграции является деятельность *альянсов* крупных фирм, которые представляют собой временное объединение активов юридически независимых компаний для решения конкретной хозяйственной проблемы. К формам проявления квазиинтеграции часто относят и виртуальные организации. Природа этих структур трактуется по-разному, однако налицо наличие согласованного контроля над управлением активов юридически независимых фирм. Представляется, что и *сетевые* объединения средних и крупных фирм (*Network*), и *кластеры предприятий*, основу которых составляют мелкие и средние фирмы, также могут быть отнесены к проявлению квазиинтеграции на отраслевом рынке.

Цифровая платформа как компонент квазиинтегрированной экономической структуры

Платформа – цифровое обрамление механизма квазиинтеграции активов, который отмечается в деятельности альянсов крупных фирм и в работе сетевых объединений средних и крупных фирм (Network). Рост эффективности деятельности сетевых компаний объясняется низким уровнем и рациональной структурой издержек. Сети исключают дублирование в использовании рабочей силы и мощностей на разных участках. Это позволяет избегать высоких совокупных затрат на производство конечной продукции. Члены сетевой компании вынуждены отказаться и от мотивационной роли «образа врага» в конкурентной борьбе, так как сегодняшний противник завтра может оказаться партнёром по сети. Но наиболее чётко механизм квазиинтеграции представлен в архаичном управлении активами в среде малых фирм, т.е. в кластерах предприятий.

На наш взгляд, экономическая природа функционирования платформы подобна механизму квазиинтеграции для управления активами *формально самостоятельных (обособленных) фирм, при отсутствии контроля над их собственностью*. В качестве основного структурного элемента кластера предприятий остаются малые и средние предприятия, *не имеющие рыночной власти*. Это небольшие игроки отраслевого рынка, *доля продаж* каждого из которых весьма *несущественна*, но как кластер они могут доминировать. В дополнение к сказанному хотелось бы отметить, что кластер составляют *юридически независимые* предприятия, каждое из которых имеет отдельную форму собственности. Вторым структурным элементом кластера предприятий является наличие одного или нескольких общественных объединений, которые своей деятельностью обеспечивают понижение уровня рисков малого бизнеса. Механизм квазиинтеграции в кластере даёт преимущества для компаний, *не имеющих рыночной власти*. Этот механизм и лежит в основе функционирования цифровых или электронных платформ.

Чем отличается кластерный механизм квазиинтеграции, и как он коррелируется с экономической природой цифровых или электронных платформ?

В первую очередь следует отметить, что платформа не является в полном смысле традиционной фирмой. Из приведённых рассуждений следует, что цифровая платформа представляет собой *элемент квазиинтеграции*, то есть некое объединение *юридически независимых* фирм, каждая из которых имеет отдельную форму *собственности* и, как правило, *не имеет рыночной власти*, но в котором установлен *контроль над управлением активов*. Этот контроль, подобно механизму кластера предприятий, устанавливает электронная платформа. Таким образом, платформа – не фирма, а существенная часть квазиинтегрированного объединения юридически независимых фирм.

Без наличия этих квазиинтегрированных компаний платформа не является в полном смысле агентом рынка. Только совместно с ними она становится полно-

правным рыночным агентом. Поэтому о платформе следует говорить как о существенном компоненте квазиинтегрированной экономической структуры.

Действуя на традиционно понимаемом рынке, и кластер предприятий, и платформа ведут себя так же, как *обособленные товаропроизводители*. Но обычная квазиинтегрированная экономическая структура (кластер предприятий) за пределами своих границ вынуждена работать на *неизвестного* и *свободного* потребителя. Платформа по сути своей организации опирается на *формы работы на заказ потребителя*, получившие развитие в постиндустриальной или информационной экономике. Подобные структуры организуют бизнес на *заранее известного* потребителя. Это позволяет объединению компаний, работающих на базе платформы, не только угадывать спрос, но и формировать его за границами этого феномена. Фрайбергер и Сандарарьян указывают, что участие клиентов в P2P платформах обусловлено желанием получения услуг напрямую только тогда, когда они им нужны (on demand) [12]. Иначе говоря, в отличие от кластерного механизма квазиинтеграции, ориентированного на *неизвестного* и *свободного* потребителя за его пределами, платформа способна формировать спрос в виде поступления *потока заказов* от непосредственных потребителей. Внутри же квазиинтегрированной экономической структуры работа, ориентированная на *неизвестного* и *свободного* потребителя, практически отсутствует. Здесь безраздельно господствуют *формы работы на заказ конечного потребителя*. Это одно из направлений трансформации классического рынка, которое возникает с появлением платформ.

Аналогично объединению предприятий в рамках кластерного механизма квазиинтеграции, платформа изменяет экономический статус производителя, действующего внутри неё. На совершенном рынке производителей много, и они обособлены. Но добровольно вступив в кластер компаний, производитель перестаёт быть обособленным в полной мере. Его деятельность *ограничивается* стандартами функционирования кластера. Здесь поставки осуществляются централизованно, качество труда приводится в соответствие с нормами, которые определяются правилами кластера предприятий. Аналогичным образом и платформа вынуждает действовать её участников. Последние как производители вовлекают свои активы только по заявке (работа на заказ конечного потребителя), поступающей через платформу. Обособленность производителя весьма ограничена. Более того, компании внутри кластера почти самостоятельно отказываются от собственной обособленности. Аналогично обстоит дело и внутри платформы. Это *второе направление* трансформации классического рынка под давлением платформы.

В натуральной системе хозяйствования посредством появления пусть случайного, но всё же товарного обмена за границами общины, товаропроизводитель из абсолютно *изолированного* становится *частным*, точнее, *обособленным*. Его незрелая обособленность развивается при расширении товарного обмена вплоть до

формирования простого товарного производства. По мере развития капиталистического товарного производства и осуществления формального и реального подчинения труда капиталу, внутри растущих компаний складывается внутрифирменный механизм *перераспределения ресурсов*. В результате интеграционных процессов (слияния и поглощения) устанавливается *полный* контроль как над собственностью, так и над управлением активов. На базе этого начинают формироваться квазиинтегрированные экономические структуры. Одной из таких структур стали платформы, впитавшие технологии виртуальных организаций и кластерного механизма квазиинтегрированных экономических структур. Это *третье направление* трансформации классического рынка при появлении платформ.

В теории анализа кластерных технологий имеет место раздел о доминировании кластера предприятий. На Национальной конференции по кластерам в Аризоне в 1995 г. была предложена формула определения *доминирующих кластеров*, в которых концентрация производства среди предприятий-участников кластера должна достигать 40%, темпы роста – 10%, связи по кооперации – 10%. Это позволило выявить 380 крупнейших кластеров США в сферах высоких технологий, производства потребительских товаров, индустрии сервиса, добычи природных ресурсов. В этих кластерах работало 57% всего трудового потенциала страны и производился 61% ВВП. Подобно кластерам предприятий, цифровые платформы порой доминируют на отраслевом рынке, но по отношению к участникам платформы они *доминируют* всегда. Именно поэтому некоторые исследователи, определяя отличительные особенности платформ, стали рассматривать их в сравнении с дискриминационным ценообразованием [10]. Доминирование платформы – *четвёртое направление* трансформации классического рынка, которое демонстрирует преимущества *внутрифирменного механизма* активной платформы над собственно *рыночным механизмом*. Платформы выводят внутрифирменный механизм перераспределения ресурсов за свои границы в противовес рыночному механизму.

Изменения в природе цифровой платформы как квазиинтегрированной экономической структуры вызывают предположительные утверждения о том, что подрыв обособленности, трансформация работы на потребителя содержит «вызовы» и «альтернативы» частной собственности [5]. Главное – это не собственность, а доступ к ней. По данным компании PwC, 57 % опрошенного взрослого населения полагают, что «доступность – это новый вид собственности», который даёт свободу выбора не через обладание собственностью, а посредством её сравнительно недорогого использования. При этом владельцы собственности являются не хозяевами – рабами вещей, а их свободными пользователями [2, с. 14–15]. Это *пятое направление* трансформации классического рынка под воздействием платформ.

Выводы

Дальнейшие исследования экономической природы цифровой платформы, её возможностей и перспектив связаны с анализом квазиинтегрированных экономических структур, так как платформы не только широко и быстро развиваются, но и приводят к быстрой капитализации активов. Яркий пример тому – Airbnb, предоставляющая услуги по аренде жилья для путешествий, деловых поездок, яхт и многого другого. Оценка Airbnb – 30 млрд долларов, что уже выше капитализации сети отелей Hilton (около 25,5 млрд долл.). Сети Hilton потребовалось 93 года, чтобы построить 600 тыс. гостиничных номеров. Шеринговая компания Airbnb смогла достичь такого же уровня капитализации всего за четыре года [3].

Представляется, что одним из чрезвычайно актуальных направлений экономических исследований должен стать анализ развития квазиинтегрированных экономических структур, трансформирующих рынок, представления о его участниках и о судьбах частной собственности, поскольку природу платформ составляют эти экономические образования.

Список литературы

1. Авдокушин, Е. Ф. Экономика совместного потребления – формирующийся сегмент новой экономики / Е. Ф. Авдокушин, Л. Г. Белова // Вопросы новой экономики. – 2018. – № 2 (46). – С. 9–16.
2. Комелли, Е. Совместное потребление – движущая сила экономики Италии // Коммерсант : сайт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3449246> (дата обращения: 25.05.2018).
3. Круглов, С. Доверие к роботам и борьба с вирусами: о чем говорили на «Летнем Давосе» в Китае. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/4375723> (дата обращения: 07.06.2018).
4. Непринцева, Е. Фирма в рыночной экономике // Российский экономический журнал. – 1993. – № 8. – С. 178.
5. Техническая и человеческая стороны экономики совместного потребления взаимосвязаны // Коммерсант : сайт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2919168> (дата обращения: 04.06.2018).
6. Третьяк, В. П. Подрыв товарного производства и Форсайт отечественной экономики / В. П. Третьяк, О. А. Сагина // Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека. Т. 2 : сборник докладов V Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК–2019) / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – Санкт-Петербург : ИНИР, 2019. – С. 407–417.
7. Третьяк, В. П. Кластеры предприятий : монография / В. П. Третьяк. – Изд. 3-е. – Москва : Вишневый пирог, РФФИ, 2011. – 186 с.

8. Уильямсон, О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция / О. Уильямсон. – Санкт-Петербург : Лениздат; CEV Press, 1996. – 702 с.
9. Хессин, Н. В. Ленин В. И. о сущности и основных признаках товарного производства. – Москва : МГУ, 1968. – 166 с.
10. Шаститко, А. Е. Рынки с двусторонними сетевыми эффектами: спецификация предметной области / А. Е. Шаститко, Е. Н. Паршина // Современная конкуренция. – 2016. – Т. 10, № 1 (55). – С. 5–18.
11. Яблонский, С. А. Многосторонние платформы и рынки: основные подходы, концепции и практики // Российский журнал менеджмента. – 2013. – Т. 11, №. 4. – С. 57–78.
12. Fraiberger, S. Peer-to-peer rental markets in the sharing economy / S. Fraiberger, A. Sundararajan // NYU Stern School of Business Research Paper (First version March 2015; current version September 2017). 39 p. Posted: 8 March 2015. Last revised: 10 September 2017. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2574337 (дата обращения: 13.05.2020).
13. Klimanov, D. Linking business model research and marketing: new network-based approach to business model analysis / D. Klimanov, O. Tretyak // Journal of Business & Industrial Marketing. – 2019. – Vol. 34, no. 1. – P. 117–136.
14. Zott, C. Business model design: an activity system perspective / C. Zott, R. Amit // Long Range Plan. – 2010. – Vol. 43, iss. 2. – P. 216–226.
15. Hagiu, A. Marketplace or reseller? / A. Hagiu, J. Wright // Management Science. – 2015. – Vol. 61. – P. 184–203.
16. Prescott, E. Organization capital / E. Prescott, M. Visscher // Journal of Political Economy. – 1980. – No. 88. – P. 446–461.

References

1. Avdokushin E. F., Belova L. G. Ekonomika sovmestnogo potrebleniya – formiruyuy-shchiysya segment novoi ekonomiki [Economy of joint consumption - an emerging segment of the new economy]. *Voprosy novoi ekonomiki*, 2018, no. 2 (46), pp. 9–16.
2. Comelli E. Sovmestnoe potreblenie – dvizhushchaya sila ekonomiki Italii [Joint consumption – the driving force of the Italian economy]. *Kommersant: website*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3449246> (accessed 25 May 2018).
3. Kruglov S. *Doverie k robotam i bor'ba s virusami: o chem govorili na «Letnem Davose» v Kitae* [Trust in robots and the fight against viruses: what was talked about at «Summer Davos» in China]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/4375723> (accessed 07 July 2018).
4. Nепrintseva E. Firma v rynochnoi ekonomike [Firm in a market economy]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, 1993, no. 8, p. 178.

5. The technical and human aspects of the economy of joint consumption are interconnected. *Kommersant: website*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2919168> (accessed 04 June 2018). (In Russian).
6. Tretyak V. P., Sagina O. A. Podryv tovarnogo proizvodstva i Forsait otechestven-noi ekonomiki [Undermining of commodity production and Foresight of the domestic economy]. In: *Forsait «Rossiya»: budushchee tekhnologii, ekonomiki i cheloveka. T. 2: sbornik dokladov V Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo kongressa (SPEK–2019)* [Bodrunov S.D., ed. Foresight «Russia»: the future of technology, economics and man. Vol. 2: collection of reports of the V St. Petersburg International Economic Congress (SPEC-2019)]. St. Petersburg: Institute of New Industrial Development (INIR) Publ., 2019, p. 407–417.
7. Tretyak V. P. *Klastery predpriyatii* [Clusters of enterprises: monograph]. 3rd ed. Moscow: Vishnevyi pirog Publ., RFBR, 2011. 186 p.
8. Williamson O. *Ekonomicheskie instituty kapitalizma: Firmy, rynki, «otnoshencheskaya» kontraktatsiya* [Economic institutions of capitalism: firms, markets, «relational» contracting]. St. Petersburg: Lenizdat Publ., CEV Press, 1996. 702 p.
9. Hessin N. V. *Lenin V. I. o sushchnosti i osnovnykh priznakakh tovarnogo proizvodstva* [Lenin V. And about the nature and main features of commodity production]. Moscow: Moscow State University Publ., 1968. 166 p.
10. Shastitko A. E., Parshina E. N. Rynki s dvustoronnimi setevymi effektami: spetsifikatsiya predmetnoi oblasti [Markets with two-sided network effects: specification of the subject area]. *Sovremennaya konkurentsia*, 2016, vol. 10, no. 1, iss. 55, pp. 5–18.
11. Yablonsky S. A. Mnogostoronnie platformy i rynki: osnovnye podkhody, kontseptsii i praktiki [Multilateral platforms and markets: basic approaches, concepts and practices]. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta*, 2013, vol. 11, no. 4, pp. 57–78.
12. Fraiberger S., Sundararajan A. Peer-to-peer rental markets in the sharing economy. *NYU Stern School of Business Research Paper* (First version March 2015; current version September 2017) 39 Pages Posted: 8 Mar 2015 Last revised: 10 Sep 2017. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2574337 (accessed 13 May 2020).
13. Klimanov D., Tretyak O. Linking business model research and marketing: new network-based approach to business model analysis. *Journal of Business & Industrial Marketing*, 2019, vol. 34, iss. 1, pp. 117–136.
14. Zott C., Amit R. Business model design: an activity system perspective. *Long Range Plan*, 2010, vol. 43, iss. 2–3, April–June, pp. 216–226.
15. Hagiu A., Wright J. Marketplace or reseller? *Management Science*, 2015, vol. 61, iss. 1, pp. 184–203.
16. Prescott E., Visscher M. Organization Capital. *Journal of Political Economy*, 1980, no 88, pp. 446–461.

УДК 351/354:004(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/74-89

О. В. Хабибулина¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: khabibulina.ov@dvfu.ru

А. В. Прокопчук², Морской государственный университет
им. адм. Г. И. Невельского, г. Владивосток, Россия
E-mail: sandra22002@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Цифровизация государственного управления затрагивает взаимоотношения органов исполнительной власти с физическими и юридическими лицами во всех сферах жизнедеятельности и преследует двуединую цель: противодействие коррупции и обеспечение законных интересов частных лиц во взаимоотношениях с публичной администрацией. В статье дается характеристика цифровой трансформации административно-политической сферы на примере государственного контроля в таможенной, миграционной сфере. Расширению свободы предпринимательства, снятию ограничений для развития бизнеса способствует предоставление большинства государственных услуг предпринимателям и юридическим лицам в электронной форме, появление «Платформы для работы с обращениями предпринимателями». Учитывая важность социально-культурной сферы в формировании социально и юридически ответственного гражданина РФ, поднимается вопрос глобальной циф-

¹ Ольга Владимировна Хабибулина, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Александра Владимировна Прокопчук, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории искусства и культуры морского факультета гуманитарных технологий Морского государственного университета им. адм. Г. И. Невельского, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Хабибулина О. В., Прокопчук А. В. Государственное управление и информационное общество: грани взаимодействия // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 1. С. 74–89.

ровой трансформации образования и просвещения в интересах обучающихся в плане создания основанной на принципах равенства и открытости возможностей безграничной образовательной среды, а также доступности педагогам передовых образовательных программ для обеспечения применения индивидуальных подходов к обучению. Цифровизация внутриаппаратных отношений, связанных с государственной службой, позволяет решать вопрос соответствия чиновников предъявляемым требованиям и совершенствования кадровой политики в направлении обеспечения продвижения современных профессиональных кадров.

Ключевые слова: цифровая трансформация, государственное управление, государственные органы, образование и просвещение, государственная служба, цифровая форма документооборота, Единый портал государственных и муниципальных услуг, электронное надзорное производство, цифровое образовательное пространство, электронные библиотечные системы.

Olga V. Khabibulina¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: khabibulina.ov@dvfu.ru

Alexandra V. Prokopchuk², Maritime State University named after
admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia
E-mail: sandra22002@mail.ru

PUBLIC ADMINISTRATION AND INFORMATION SOCIETY: POINTS OF INTERACTION

Abstract. The digitalization of public administration touches the cooperation between the executive bodies and legal entities and individuals in all spheres of life and seeks for a dual aim, i.e. to combat corruption and to provide the legal interests of private persons in their interaction with public management. The paper characterizes the digital transformation of administrative and political sphere illustrating the state supervision in the customs and migration. Digital way of providing the majority of public services to the entrepreneurs and legal entities, as well as the new Platform for Work with the Entrepreneurs, contributed to an increased free business activity and remove of restrictions on business development.

¹ Olga V. Khabibulina, PhD (Law), Associate professor, Department of constitutional and administrative law, School of law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Alexandra V. Prokopchuk, PhD (Art and Culture), Associate professor, Department of art and culture, Maritime Department of Humanitarian Technologies, Maritime State University named after Admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia.

For citing: Khabibulina O. V., Prokopchuk A. V. Public Administration and Information Society: Points of Interaction // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No 1. P. 74–89.

Taking into consideration the importance of social and cultural sphere in developing a socially and legally responsible citizen of the Russian Federation, the paper discusses the issue of global digital transformation in education, so that to create an equal and giving open opportunities unlimited educational environment for all students, along with advanced educational programs for teachers to provide individual approaches in education. The digitalization of inside relations connected with the public service allows solving the problem of meeting the requirements for the officials and development of human resources policy in promoting up-to-date professional staff.

Key words: digital transformation, public administration, state bodies, public service, education, digital form of workflow, Unified portal of state and municipal services, electronic supervisory production, digital educational space, electronic library systems.

Государственное управление, являясь значимой частью государственной политики, претерпевает цифровую трансформацию. Как отмечает Я. Л. Шрайберг, «современное общество развивается в условиях нарастания цифровых технологий и тотального распространения интернета. Такие термины и словосочетания, как цифровая экономика, цифровая среда, цифровизация уверенно входят в жизнь и становятся определёнными символами нашего времени» [34, с. 5], что актуализирует исследование взаимодействия государственного управления и информационных преобразований. В 2018 г. в Послании Федеральному Собранию РФ [23] Президент РФ, отмечая взаимосвязь большого технологического потенциала и качественного изменения различных сфер жизнедеятельности, поставил задачу создания и непрерывного обновления законодательной базы по разработке и широкому применению информационных технологий с учётом особенностей конкретной сферы. Активное внедрение цифровых технологий в государственном управлении затрагивает и внеаппаратные отношения – взаимоотношения органов исполнительной власти, исполнительных органов местного самоуправления с физическими и юридическими лицами, и внутриаппаратные отношения, связанные с: организацией государственной службы, взаимоотношениями между государственными органами, формами и методами их деятельности [32].

Цифровизация внеаппаратных отношений преследует двуединую цель: построение понятной, удобной и комфортной системы взаимодействия между государством и частными лицами и противодействие коррупции. Средствами достижения этой цели стали: использование информационных технологий при исполнении государственных и муниципальных функций [22]; предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме; появление сети многофункциональных центров по их предоставлению в электронной форме, по принципу «одного окна» [3]; создание порталов государственных и муници-

пальных услуг¹; формирование системы межведомственного информационного взаимодействия [12; 28]. Решается задача непрерывного обновления нормативной базы в этой сфере [15].

Для достижения поставленных Президентом РФ целей планируется предоставление большинства госуслуг в режиме реального времени, с помощью дистанционных сервисов и перевода в цифровую форму документооборота между госструктурами, так, органами прокуратуры в период 2018–2020 гг. будет разработано и введено в эксплуатацию электронное надзорное производство; в течение 2021–2025 гг. планируется интеграция с государственными информационными ресурсами, осуществляющими миграционный учёт граждан, учёт сведений налоговых органов, оперативно-справочными, розыскными и иными учётами ОВД и др. [20].

В Послании Федеральному Собранию РФ в 2019 г. [24] Президент РФ предложил деловым объединениям и Агентству стратегических инициатив создать специальную цифровую платформу, с помощью которой предприниматели смогут сделать публичной информацию о неправомерных действиях правоохранительных органов, влияющих на условия ведения бизнеса конкретных компаний. В соответствии с этими целями было сформулировано поручение Правительству РФ вместе с бизнес-сообществом проработать технологические решения и нормативную базу по запуску этого механизма, а правоохранительным органам – подготовить регламент работы с обращениями предпринимателей с чёткими сроками их рассмотрения. «Платформа для работы с обращениями предпринимателями»² была создана в соответствии с Распоряжением Правительства РФ [31]; Приказом Генерального прокурора РФ утверждён Регламент их рассмотрения [21].

Форсированная цифровизация государственного управления привела к росту популярности Единого портала государственных и муниципальных услуг³, сети многофункциональных центров⁴. Правительству РФ поставлена задача до 31.12.2020 г. обеспечить возможность получения гражданами комплексных государственных и муниципальных услуг, сгруппированных по основным жизненным ситуациям и предоставляемых в автоматическом режиме, в том числе с использованием Единого портала [26].

¹ См.: <https://www.gosuslugi.ru/> ; <https://primorye.ru/gosuslugi/>.

² См.: <https://asi.ru/investclimate/zabiznes/>.

³ Так, по состоянию на октябрь 2019 г. посредством портала «www.gosuslugi.ru» экзаменационными подразделениями Госавтоинспекции Приморского края предоставлено 26 тыс. 766 услуг, доля документов, выданных посредством портала в городе Владивостоке, составила 59 %. См.: [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/18501932/>.

⁴ Через МФЦ в 2018 г. подразделениями по вопросам миграции органов внутренних дел РФ предоставлено (исполнено) около 15,7 млн государственных услуг и функций: по данным годового отчёта МВД РФ о ходе реализации и оценки эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие коррупции» за 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/001/869/963/Godovoy_otchet_zh_2018_OOP_i_PP.pdf (дата обращения 18.10.2019).

Цифровые технологии стали обычным средством деятельности государственных органов. В пунктах пропуска свободного порта Владивосток при осуществлении таможенного и иных видов контроля реализуется механизм «единого окна» путём представления в таможенный орган перевозчиком всех необходимых документов и сведений в электронном виде, заверенных усиленной квалифицированной электронной подписью с использованием информационных систем [5]. Прибывающим в РФ через пункты пропуска свободного порта Владивосток гражданам иностранных государств по Перечню, утверждённому Правительством РФ [30], визы выдаются в форме электронного документа на основании решения МИД РФ, принятого по заявлению иностранца, заполненному на специализированном сайте МИД РФ в сети Интернет¹ [1].

Цифровая трансформация затрагивает и социально-культурную сферу, составляющие которой – образование и просвещение – имеют особое значение в связи с тем, что именно в этих областях формируется Гражданин общества, социально и юридически ответственный, грамотный, мобильный. Мы разделяем мнение ряда авторов о том, что цифровизация отрасли образования предполагает её информатизацию на основе замещения аналоговых технологий работы с информацией прорывными информационными цифровыми технологиями. Процесс же информатизации определён как целенаправленное совершенствование работы с информацией (её сбором, хранением, передачей, обработкой, применением) в рамках образовательного процесса и деятельности образовательной организации [35, с. 19].

Важность вовлечения российского образования и просвещения в общемировой процесс цифровизации диктует необходимость совершенствования государственного управления в этом направлении. Так, органами государственной исполнительной власти принято значительное число «информационных» государственных образовательных программ. Среди ожидаемых результатов реализации Государственной программы «Информационное общество (2011– 2020 гг.)» [14] указано развитие сервисов на основе информационных и телекоммуникационных технологий, в том числе в сфере образования. Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2019–2025 гг. [16] предусматривает реализацию Федерального проекта, цель которого – создание условий для внедрения к 2024 г. современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей формирование ценности к саморазвитию и самообразованию у обучающихся образовательных организаций всех видов и уровней путём обновления информационно-коммуникационной инфраструктуры, подготовки кадров, создания федеральной цифровой платформы.

¹ См.: <http://electronic-visa.kdmid.ru/home.html>.

О расширении возможностей непрерывного образования для всех категорий граждан за счёт развития российского цифрового образовательного пространства и увеличения числа обучающихся образовательных организаций, освоивших онлайн-курсы до 11 млн человек к концу 2025 г., говорится в паспорте приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в РФ» [27]. В описании моделей функционирования результатов проекта – увеличение количества доступных курсов, повышение эффективности онлайн-обучения, расширение возможностей по освоению онлайн-курсов в системе формального образования, что предполагает активное развитие различных платформ, сервисов, способствующих повышению качества онлайн-обучения, которые могут быть интегрированы в общую цифровую образовательную среду.

Значимость глобальной цифровой трансформации систем образования и просвещения уже длительное время подчёркивается Президентом РФ: в Послании Федеральному Собранию РФ в 2018 г. В. В. Путин отмечает важность открытия гражданам РФ всех возможностей цифрового мира, включая онлайн-образование, что, по нашему мнению, способствует реализации важнейших конституционных ценностей – всеобщего равенства прав при необходимости обеспечения двуединой цели национальной политики: государственной безопасности и социальной справедливости. Обеспечение равных образовательных возможностей требует, по мнению Президента РФ, организации доступа каждого ребёнка к системе современного, качественного обучения, а также необходимости с ранних лет прививать у детей навыки жизни в цифровую эпоху с использованием принципиально новых, в том числе индивидуальных технологий обучения.

В Посланиях Федеральному Собранию РФ 2019 и 2020 гг. [25] главой государства ставится задача обеспечения всех школ России высокоскоростным интернетом, что, во-первых, отвечает интересам детей в плане открытости уроков известных преподавателей, конкурсов и олимпиад, реальности осуществления совместных онлайн-проектов со сверстниками из других регионов РФ и из-за рубежа, во-вторых, повышает качество преподавания в силу доступности педагогам переносных образовательных программ для обеспечения применения индивидуальных подходов к обучению в целях раскрытия способностей каждого ребенка.

Следствием закрепления создания современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней, как одной из национальных целей и стратегических задач развития России на ближайший период [11], стало широкое распространение дистанционных конкурсов, олимпиад и т. п. (например, Инфо-урок¹, Учи.ру²), потенциальных участников которых привлекает возможность: практически мгновенной

¹ См.: <https://infourok.ru/>.

² См.: <https://uchi.ru/>.

оценки уровня знаний, доступа из любой точки мира, выбора времени для работы, ознакомления с материалом разного уровня в зависимости от степени подготовленности и др.

Технологически стало возможным проведение обучающих, презентационных, научных и т. д. вебинаров с привлечением большой аудитории, вне территориальных рамок. Обмен опытом в любой образовательной сфере стал доступен в буквальном смысле «Без границ», так, различные электронные библиотечные системы¹ предоставляют открытый доступ к последним научным разработкам и данным, расширяя возможности образования, самообразования, научной деятельности. В соответствии с требованиями законодательства [4; 13] каждая образовательная организация обязана сформировать свою электронную информационно-образовательную среду в виде официального сайта, содержащего основные сведения об организации, формах и методах обучения, педагогическом коллективе с возможностью открытого доступа².

Цифровизация имеет и международное значение, особенно в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона, сотрудничество со странами которого, принимая во внимание факт их лидерства в общемировых процессах, выходит для России на первый план в долгосрочных национальных интересах³. Межнародное образовательное взаимодействие в рамках АТР характеризуется созданием крупных открытых университетов, быстрым развитием дистанционного и трансграничного образования, широким применением информационно-коммуникационных технологий [33, с. 135]. Для его успешного формирования, по мнению исследователей, Россия должна активно развивать дистанционное образование, информационные технологии и прогрессивные средства коммуникации [33, с. 139].

Цифровизация затрагивает и внутриорганизационные отношения, особенности которых рассмотрим на примере государственного управления процессами прохождения государственной службы РФ. Так, на первом этапе конкурса – основного способа поступления на государственную гражданскую службу [2] на официальных сайтах государственного органа и государственной информационной системы в области государственной службы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»⁴ размещаются информация о конкурсе и объявление о приёме документов [8], которые могут быть представлены кандидатом в электронном виде по Правилам, утверждённым Правительством РФ [17]. Представленные сведения подлежат автоматизированной проверке путём направления уполномо-

¹ См.: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp>, <https://cyberleninka.ru/>

² См., напр.: <https://www.msu.ru/index.php>, <http://www.agprf.org/>, <https://www.dvfu.ru/>, <https://suz-ppk.ru/>, <http://gym1.pupils.ru/>, <http://www.ds164.pupils.ru/>.

³ См.: <https://forumvostok.ru/>.

⁴ Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы РФ (далее – ЕИСГС) См.: <https://gossluzhba.gov.ru/>.

ченным лицом кадрового подразделения запросов в государственные органы с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия [18]. На официальном сайте государственного органа и ЕИСГС размещаются: информация о дате, месте и времени проведения конкурса, список допущенных к участию лиц, результаты конкурса.

С 2016 г. лица, поступающие на гражданскую службу, и служащие представляют представителю нанимателя сведения об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых они размещали общедоступную информацию, и данные, позволяющие их идентифицировать [2], по форме, утв. Правительством РФ [29]. ФЗ «О противодействии коррупции в РФ» [7] возлагает на некоторых публичных служащих обязанности по представлению сведений о собственных доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также в отношении супруга (супруги) и несовершеннолетних детей (ст. 8, 8.1), которые [9; 10] размещаются на официальном сайте государственного органа, находятся на этом сайте и ежегодно обновляются в течение 14 рабочих дней со дня истечения срока, установленного для их подачи [9; 10].

Политика противодействия коррупции вызвала появление в составе ограничений на государственной службе увольнения в связи с утратой доверия за коррупционные правонарушения. Изменения ФЗ «О противодействии коррупции» привели к созданию реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия [6]. С 01.01.2018 г. Департаментом государственной службы и кадров Правительства РФ ведётся Реестр, размещённый в виде PDF-документа на официальном сайте ЕИСГС¹ в виде списка, сформированного в алфавитном порядке и содержащего: ФИО, наименование органа, должность, описание нарушения, послужившего основанием для увольнения, дату увольнения и дату размещения записи в реестре. По состоянию на 27.09.2019 г. в Реестре находилось 1675 человек, из числа государственных служащих преобладали сотрудники органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, судебные приставы-исполнители.

Президентом РФ в Посланиях Федеральному Собранию РФ в 2018 и 2019 гг. поднимался вопрос совершенствования кадровой политики на государственной службе в части обеспечения государственных органов современными и профессиональными кадрами. Одним из средств достижения такой цели стал Всероссийский конкурс управленцев «Лидеры России», который проходит в несколько этапов с широким использованием информационных технологий: электронная регистрация, создание личного кабинета на сайте конкурса, заполнение анкеты и запись видеointервью; прохождение тестирования в режиме онлайн. Победители конкурса включаются в Резерв управленческих кадров, находящихся под патронажем Прези-

¹ См.: <http://gossluzhba.gov.ru/reestr>.

дента РФ, в котором, по состоянию на 09.01.2019 г., находилось 142 человека (в период после утверждения предыдущего состава резерва в декабре 2017 г. шесть человек назначены на различные должности Президентом РФ, всего получили новые назначения 39 представителей резерва¹).

Анализ действующего российского законодательства свидетельствует о том, что цифровые технологии позволяют решать стратегические задачи государственного управления во всех сферах жизнедеятельности, способствуя формированию ответственности каждого гражданина Российской Федерации за развитие общества, государства, реализацию Национальных проектов.

Список литературы

1. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (ред. от 17 декабря 2019 г. № 433-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).

2. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 16 декабря 2019 г. № 432-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215 ; 2019. – № 51 (ч. I). – Ст. 7484.

3. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 27 декабря 2019 г. № 472-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4179 ; 2019. – № 52 (ч. I). – Ст. 7790.

4. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 06 февраля 2020 г. № 9-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598 ; Российская газета. – 2020. – 10 февраля, № 27.

5. О свободном порте Владивосток : Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г. № 254-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4338 ; 2019. – № 30. – Ст. 4156.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части использования государственных информационных систем на государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2017 г. № 423-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 1 (Ч. I). – Ст. 7.

¹ См.: <http://kremlin.ru/events/councils/59670>.

7. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 197-ФЗ (ред. от 16 декабря 2019 г. № 432-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).

8. Положение о конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации : указ Президента РФ от 01 февраля 2005 г. № 112 (ред. от 10 сентября 2017 г. № 419) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 6. – Ст. 439 ; 2017. – № 37. – Ст. 5506.

9. Положение о представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера : указ Президента РФ от 18 мая 2009 г. № 559 (ред. от 19 сентября 2017 г. № 431) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 21. – Ст. 2544 ; 2017. – № 39. – Ст. 5682.

10. Порядок размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера отдельных категорий лиц и членов их семей на официальных сайтах федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов РФ и организаций и предоставления этих сведений общероссийским средствам массовой информации для опубликования : указ Президента РФ от 08 июля 2013 г. № 613 (ред. от 15 июля 2015 г. № 364) // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).

11. О национальных целях и стратегических задачах развития России на период до 2024 года : указ Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 (ред. от 19 июля 2018 г. № 444) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 20. – Ст. 2817 ; 2018. – № 30. – Ст. 4717.

12. Положение о единой системе межведомственного электронного взаимодействия : постановление Правительства РФ от 08 сентября 2010 г. № 697 (ред. от 20 ноября 2018 г. № 1391) // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).

13. Правила размещения на официальном сайте образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и обновления информации об образовательной организации : постановление Правительства РФ от 10 июля 2013 г. № 582 (ред. от 21 марта 2019 г. № 292) // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).

14. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 годы) : постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 (ред. от 30 ноября 2019 г. № 1557) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 18 (ч. II). – Ст. 2159 ; 2019. – № 49 (ч. VI). – Ст. 7135.

15. Требования к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг : постановление Правительства РФ от 26 марта 2016 г. № 236 (ред. от 02 февраля 2019 г. № 77) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 15. – Ст. 2084 ; 2019. – № 6. – Ст. 533.

16. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» : постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642 (ред. от 22 января 2020 г. № 36) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 1 (ч. II). – Ст. 375 ; 2020. – № 4. – Ст. 404.

17. Правила представления документов в электронном виде кандидатом для участия в конкурсах на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв федерального государственного органа : постановление Правительства РФ от 05 марта 2018 г. № 227 (ред. от 20 ноября 2018 г. № 1391) // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).

18. Правила автоматизированной проверки сведений, представленных в электронном виде кандидатом для участия в конкурсах на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв федерального государственного органа : постановление Правительства РФ от 05 марта 2018 г. № 227 (ред. от 20 ноября 2018 г. № 1391) // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).

19. Положение о реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия : постановление Правительства РФ от 05 марта 2018 г. № 228 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 12. – Ст. 1678.

20. Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года : приказ Генерального прокурора РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 // Законность. – 2017. – № 12. – С. 55–56.

21. Регламент рассмотрения обращений субъектов предпринимательской деятельности в связи с оказанием на них давления со стороны правоохранительных органов, поступающих посредством цифровой платформы для приёма таких обращений : приказ Генпрокуратуры России от 19 сентября 2019 г. № 665 // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).

22. Административный регламент ФАС России по исполнению государственной функции по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) заказчика, уполномоченного органа, уполномоченного учреждения, специализированной организации, комиссии по осуществлению закупок, её членов, должностного лица контрактной службы, контрактного управляющего, оператора электронной площадки при определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей) для обеспечения государственных и муниципальных нужд : приказ ФАС России от 19 ноября

2014 г. № 727/14 (ред. от 17 марта 2016 г. № 263/16) // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).

23. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 марта. 2018 г. // Российская газета. – 2018. – 2 марта, № 46.

24. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. // Российская газета. – 2019. – 21 февраля, № 38.

25. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Российская газета. – 2020. – 16 января, № 7.

26. Перечень поручений по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. № Пр-294. – URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/59898> (дата обращения: 25.02.2020).

27. Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в РФ» : утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам протоколом от 25 октября 2016 г. № 9 (ред. от 27 сентября 2017 г. № 10) // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).

28. Перечень документов (сведений), обмен которыми осуществляется с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия : распоряжение Правительства РФ от 15 декабря 2012 г. № 1471-р (ред. от 02 октября 2019 г. № 2280-р) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 34. – Ст. 4772 ; 2019. – № 41. – Ст. 5737.

29. Об утверждении формы представления сведений об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых государственным гражданским служащим или муниципальным служащим, гражданином РФ, претендующим на замещение должности государственной гражданской службы РФ или муниципальной службы, размещались общедоступная информация, а также данные, позволяющие его идентифицировать : распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2016 г. № 2867-р // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).

30. Перечень иностранных государств, гражданам которых при прибытии в РФ через пункты пропуска свободного порта Владивосток оформляются обыкновенные однократные деловые, туристические и гуманитарные визы в форме электронного документа : распоряжение Правительства РФ от 14 апреля 2017 г. № 692-р (ред. от 24 января 2020 г. № 92-р) // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).

31. Об учреждении автономной некоммерческой организации «Платформа для работы с обращениями предпринимателей» : распоряжение Правительства РФ от 04 июня 2019 г. № 1197-р // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).

32. Бахрах, Д. Н. Административное право / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – Москва, 2011. – URL: <http://uristinfo.net/adminpravo/63-bahrah-rossinskij-starilov-administrativnoe-pravo.html?attempt=1> (дата обращения: 14.02.2020).
33. Гурулева, Т. Л. Единое образовательное пространство в АТР // Высшее образование в России. – 2014. – № 12. – С. 134–140.
34. Шрайберг, Я. Л. Информационно-документное пространство образования, науки и культуры в современных условиях цифровизации общества : ежегодный доклад Пятого Международного профессионального форума «Крым–2019». – DOI 10.33186/1027-3689-2019-9-3-55 // Научные и технические библиотеки. – 2019. – № (9). – С. 3–55.
35. Южаков, В. Н. Правовые и организационные барьеры для цифровизации образования в Российской Федерации / В. Н. Южаков, А. А. Ефремов // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 6. Право и информационные технологии. – С. 18–24.

References

1. *On Procedure of entry to the RF and departure from the RF: The Federal Law of 15 August 1996 No. 114-FZ (ed. 17 December 2019 No.433-FZ)*. Available at: Reference Legal System Consultant Plus (accessed 14 February 2020). (In Russian).
2. On the civil service system in the Russian Federation: The Federal Law of 27 July 2004 No. 79-FZ (ed. 16 December 2019 No. 432-FZ). *Collection of Legislation of the RF*, 2010, no. 31, art. 4179; 2019, no. 52 (part I), art. 7790. (In Russian).
3. On the organization of the provision of state and municipal services: The Federal Law of 27 July 2010 No. 210- FZ (ed. 27 December 2019 No. 472-FZ). *Collection of Legislation of the RF*, 2010, no. 31, art. 4179; 2019, no. 52 (part I), art. 7790. (In Russian).
4. On education in the Russian Federation: The Federal Law of 29 December 2012 No. 273-FZ (ed. 6 February 2020 No. 9-FZ). *Collection of Legislation of the RF*, 2012, no. 53 (part I), art. 7598; *The Rossiiskaya Gazeta*, 2020, 10 February, no. 27. (In Russian).
5. On Free Vladivostok Port: The Federal Law of 13 July 2015 No. 212-FZ (ed. 26 July 2019 No. 254-FZ). *Collection of Legislation of the RF*, 2015, no. 29 (part I), art. 4338; 2019, no. 30, art. 4156. (In Russian).
6. On amendments to a number of Legislative Acts of the Russian Federation connected with the use of public information systems in the Public Civil Service in the RF: The Federal Law of 28 December 2017 No. 423-FZ. *Collection of Legislation of the RF*, 2018, no. 1 (part I), art. 7. (In Russian).
7. *Anti-corruption Act: The Federal Law of 25 December 2008 No. 197-FZ (ed. 16 December 2019 No. 432-FZ)*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

8. Regulation on competition on vacant civil service positions in the RF: Decree by the President of 1 February 2005 No. 112 (ed. 10 September 2017 No. 419). *Collection of Legislation of the RF*, 2005, no. 6, art. 439; 2017, no. 37, art. 5506. (In Russian).

9. Regulation on submission of personal income, property and property liabilities information by the candidates for the vacant civil service positions and by the Federal Public Officials: Decree by the President of the RF of 18 May 2009 No. 559 (ed. 19 September 2017 No. 431). *Collection of Legislation of the RF*, 2009, no. 21, art. 2544; 2017, no. 39, art. 5682. (In Russian).

10. *Procedure of submission of personal income, property and property liabilities information by individuals and members of their families to the official sites of public authorities of the RF entities and bodies and to Russian mass media for publication: Decree by the President of the RF of 8 July 2013 No. 613 (ed. 15 July 2015 No. 364)*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus. (accessed 14 February 2020). (In Russian).

11. On the National goals and strategic objectives of the RF development up to 2024: Decree by the President of the RF of 7 May 2018 No. 204 (ed. 19 July 2018 No. 444). *Collection of Legislation of the RF*, 2018, no. 20, art. 2817; no. 30, art. 4717. (In Russian).

12. *Regulation on unified system of ministerial digital interaction: Decree by the RF Government of 8 September 2010 No. 697 (ed. 20 November 2018 No. 1391)*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

13. *Rules of allocation and renewing of the educational organization information on the Internet Official Site: Decree by the RF Government of 10 July 2013 No. 582 (ed. 21 March 2019 No. 292)*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

14. Federal Program of the RF «Information Society» (2011–2020): Decree by the RF Government of 15 April 2014 No. 313 (ed. 30 November 2019 No. 1557). *Collection of Legislation of the RF*, 2014, no. 18 (part II), art. 2159; 2019, no. 49 (part VI), art. 7135. (In Russian).

15. Requirements for electronic public and municipal services: Decree by the RF Government of 26 March 2016 No. 236 (ed. 2 February 2019 No. 77). *Collection of Legislation of the RF*, 2016, no. 15, art. 2084; 2019, no. 6, art. 533. (In Russian).

16. The RF Federal Program «Development of education»: Decree by the RF Government of 12 2017 No. 1642 (ed. 22 January 2020 No. 36). *Collection of Legislation of the RF*, 2018, no. 1 (part II), art. 375; 2020, no. 4, art. 404. (In Russian).

17. *Rules of submitting documents in digital form for the candidates for the vacant civil service positions in the RF and for enlisting in staff reserve of federal public body: Decree by the RF Government of 5 March 2018 No. 227 (ed. 20 November 2018 No. 1391)*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

18. *Rules of automatic check for the information submitted in digital form for the candidates for the vacant civil service positions in the RF and for enlisting in staff reserve of federal public body: Decree by the RF Government of 5 March 2018 No. 227 (ed. 20 November 2018 No. 1391)*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).
19. Regulation on the lists of individuals dismissed on loss-of-confidence basis: Decree by the RF Government of 5 March 2018 No. 228. *Collection of Legislation of the RF*, 2018, no. 12, art. 1678. (In Russian).
20. Concept of digital transformation of public prosecution agencies and service up to 2025: The RF Prosecutor's General Order of 14 September 2017 No. 627. *Zakonnost'*, 2017, no. 12, pp. 55–56. (In Russian).
21. *Procedure of considering the complaints of business entities about the law enforcement agencies' pressure, submitted via digital platform for such complaints: The RF Prosecution General Order of 19 September 2019 No. 665*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).
22. *The FAS of Russia administrative procedure of the public function to consider complaints of actions (omissions) of a customer, an authorized body, a special agency, a purchasing committee, its members, a contract service official, a contract manager or a digital venue operator in defining suppliers (contract performers) to provide public and municipal needs: The FAS of Russia Order of 19 November 2014 No. 727/14 (ed. 17 March 2016 No. 263/16)*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).
23. The President's Address to the RF Federal Assembly on 1 March 2018. *Rossiiskaya Gazeta*, 2018, 2 March, no. 46. (In Russian).
24. The President's Address to the RF Federal Assembly on 20 February 2019. *Rossiiskaya Gazeta*, 2019, 21 February, no. 38. (In Russian).
25. The President's Address to the RF Federal Assembly on 15 January 2020. *Rossiiskaya Gazeta*, 2020, 16 January, no. 7. (In Russian).
26. *List of Commissions to realize the President's Address to the Federal Assembly of the RF 20 February 2019 No. Pr-294*. Available at: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/59898> (accessed 14 February 2020). (In Russian).
27. *Passport of priority project «Modern digital educational environment in the RF», approved by the RF Presidential Council of strategic development and priority projects with protocol of 25 October 2016 No. 9 (ed. 27 September 2017 No. 10)*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).
28. List of Documents (Data) exchanged via unified system of interdepartmental digital interaction: The RF Government Order of 15 December 2012 No. 1471-р (ed. 2 October 2019 No. 2280-р). *Collection of Legislation of the RF*, 2012, no. 34, art. 4772; 2019, no. 41, art. 5737. (In Russian).

29. *On the Procedure of submitting the information about sites addresses and (or) pages on the internet on which public civil or municipal officials, RF citizen, a candidate for the vacant civil or municipal service positions in the RF placed available information and data to identify this person of 28 December 2016 No. 2867-r.* Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

30. *List of foreign countries residents of which are to apply for single entry ordinary business, tourist and humanitarian visas as e-document in case of entry in the RF in Vladivostok Free Port: The RF Government Order of 14 April 2017 No. 692-r (ed. 24 January 2020 No. 92-r).* Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

31. *On establishing autonomous non-profit organization «Platform for Work with the Entrepreneurs»: The RF Government Order of 4 June 2019 No. 1197-r.* Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

32. Bakhrakh D. N., Rossinskii B. V., Starilov Yu. N. *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. Moscow, 2011. Available at: <http://uristinfo.net/adminpravo/63-bahrah-rossinskij-starilov-administrativnoe-pravo.html?attempt=1> (accessed 14 February 2020).

33. Guruleva T. L. *Edinoe obrazovatel'noe prostranstvo v ATR* [Unified educational space in Asia-Pacific Region]. *Vyshee Obrazovanie v Rossii*, 2014, no. 12, pp. 134–140.

34. Shraiberg Ya. L. *Informatsionno-dokumentnoe prostranstvo obrazovaniya, nauki i kul'tury v sovremennykh usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva : ezhegodnyi doklad Pyatogo Mezhdunarodnogo professional'nogo foruma «Krym–2019»* [Information and documental space of education, science and culture in modern digitalization of society. (Annual Report at the 5th International Professional Forum «Crimea-2019»)]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*, 2019, vol. 9, pp. 3–55. Available at: <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2019-9-3-55> (accessed 14 February 2020).

35. Yuzhakov V. N., Efremov A. A. *Pravovye i organizatsionnye bar'ery dlya tsifrovizatsii obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii* [Legal and organizational barriers for digital education in the Russian Federation]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2018, no. 6, Pravo i informatsionnye tekhnologii, pp. 18–24.

УДК 340.15(470.65)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/90-102

А. М. Цалиев¹, Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(государственный технологический университет), г. Владикавказ, Россия
E-mail: kafedra-pd@skgmi-gtu.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ)

Аннотация. В статье анализируются и раскрываются источники региональной правовой системы. Наряду с основными и текущими законами субъектов Российской Федерации, в числе источников региональной правовой системы признаются те договоры и соглашения, которые не противоречат Конституции Российской Федерации. Правовое регулирование вопросов, за решение которых несут ответственность Российская Федерация и образующие её субъекты, осуществляется в особом правовом режиме. Активизация договорной практики между органами государственной власти Российской Федерации и её субъектами на основе принципа субсидиарности, рассматриваемая в работе, будет способствовать развитию федеративных отношений, формированию федеративного государства, национальной и региональной правовых систем, более эффективному решению социально-экономических и иных задач.

В число источников региональной правовой системы предлагается включить нормы неписаного права. Рассматривается их значение в регулировании общественных отношений. Эти суждения более всего касаются национальных республик, где в регуляции социального поведения всё ещё важное место занимают нормы традиционного общества – обычаи, традиции, составляющие основу неписаной Конституции и отражающие представления о добре и зле, справедливости и несправедливости. Они же способствуют преемственности поколений в передаче правовых ценностей, правовых знаний, умений, навыков и правового опыта. Поэтому весьма важно учитывать их в правотворческой и правоприменительной деятельности.

¹ Александр Михайлович Цалиев, зав. кафедрой конституционного и административного права юридического факультета Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) – СКГМИ (ГТУ), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, г. Владикавказ, Россия.

Для цитирования: Цалиев А. М. Актуальные проблемы региональной правовой системы (на примере Республики Северная Осетия – Алания) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2020. № 1. С. 90–102.

Автор приходит к выводу, что в Конституцию РСО – Алания необходимо включить отдельную статью с наименованием «Правовая система Республики Северная Осетия – Алания». Её содержание сформулировать следующим образом: 1. Республика Северная Осетия – Алания имеет свою правовую систему. 2. Источниками правовой системы Республики Северная Осетия – Алания являются: Конституция; законы; нормативно-правовые акты; общепризнанные принципы и нормы международного права; международные соглашения Республики Северная Осетия – Алания; договоры и соглашения РСО – Алания с федеральными органами государственной власти, а также субъектами РФ; осетинские обычаи.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; Конституция Республики Северная Осетия – Алания; международное законодательство; региональная правовая система; договор и соглашение; нормы обычного права.

Alexander M. Tsaliev¹, North Caucasian State Medical University (GTU),
Vladikavkaz, Russia
E-mail: kafedra-pd@skgmi-gtu.ru

ACTUAL PROBLEMS OF THE REGIONAL LEGAL SYSTEM (CASE STUDY OF THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA – ALANIA)

Abstract. The sources of regional legal system have been analyzed and disclosed in the article. Along with the basic and current laws of the subjects of the Russian Federation, the sources of the regional legal system include treaties and agreements to the extent that they are international, those that do not contradict the Constitution of the Russian Federation. Legal regulation of issues which the Russian Federation and its constituent entities are responsible for is carried out in a special legal regime. The intensification of contractual practice between the state authorities of the Russian Federation and its constituent entities on the basis of the principle of subsidiarity, which is considered in the work, shall contribute to the development of federative relations, to the formation of a federative state, national and regional legal systems, to a more effective solution of socio-economic and other problems.

It is proposed to include the norms of unwritten law among the sources of the regional legal system. Their significance in regulating social relations has been considered. These judgments mostly concern the national republics where the norms of the traditional society - customs, traditions that constitute the basis of the unwritten Constitution and reflect the no-

¹ Alexander M. Tsaliev, Head Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, North Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technological University) – SKGMI (GTU), Doctor of Law., Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Vladikavkaz, Russia.

For citing: Tsaliev A. M. Actual problems of the regional legal system (case study of the Republic of North Ossetia – Alania) // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No 1. P. 90–102.

tions of good and evil, justice and injustice – still occupy an important place in the regulation of social behavior. They also contribute to the continuity of generations in the transmission of legal values, legal knowledge, skills and legal experience. It is therefore very important to take them into account in the law-making and law enforcement.

The author concludes that the Constitution of North Ossetia-Alania should include a separate article titled "Legal System of the Republic of North Ossetia-Alania". Its content should be formulated as follows: 1. The Republic of North Ossetia-Alania has its own legal system. 2. The sources of the legal system of the Republic of North Ossetia-Alania are the Republic of North Ossetia-Alania: Constitution; laws; normative and legal acts; generally accepted principles and norms of international law; international agreements of the Republic of North Ossetia-Alania; treaties and agreements of North Ossetia-Alania with federal bodies of state power as well as with constituent entities of the Russian Federation; Ossetian customs.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; Constitution of the Republic of North Ossetia-Alania; international legislation; regional legal system; treaty and agreement; norms of customary law.

Строительство правового федеративного государства предполагает повышение социальной роли права, закона, развития федеративных отношений, в том числе в формировании правовой системы. Она в постсоветский период формируется не только на федеральном, но и на региональном уровнях как следствие расширения полномочий субъектов Российской Федерации в сфере законодательства. Так, согласно ч. 2 ст. 5 действующей Конституции Российской Федерации, в отличие от предыдущей Конституции Российской Федерации, субъекты Российской Федерации имеют не только свою конституцию (устав), но и законодательство – законы и иные нормативные правовые акты. Кроме того, согласно ч. 4 ст. 76 Конституции РФ «Вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов». В случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, изданным по предметам его исключительного ведения, действует нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации. Такое правовое регулирование, включая право на опережающее законодательство, осуществляется субъектом Российской Федерации по принципу собственного усмотрения и социальной необходимости, исходя из сложившихся обычаев и традиций, условий жизнедеятельности народа.

Правовое регулирование вопросов, за решение которых несут ответственность Российская Федерация и образующие её субъекты, осуществляется в особом правовом режиме. Конституционный Суд РФ, рассмотрев эту проблему, указал, что выработка правовых норм здесь должна строиться на основе достижения баланса интересов Российской Федерации и её субъектов, взаимоуважения и взаимной ответственности с обязательным использованием согласительных процедур [1]. По данному вопросу следует иметь в виду решение Конституционного Суда РФ, согласно которому до принятия федеральных законов по вопросам, отнесённым к предметам совместного ведения, субъекты Федерации вправе осуществлять по таким вопросам собственное правовое регулирование. После принятия соответствующего федерального закона законы и иные нормативные правовые акты субъектов Федерации приводятся в соответствие с принятым федеральным законом. Отсутствие федерального закона в сфере совместного ведения не может служить препятствием для субъекта Федерации издавать собственный закон или иной нормативный правовой акт [3]. Такой подход к правовому регулированию предметов совместного ведения Российской Федерации и её субъектов, в том числе по совместным отраслям законодательства, является вполне логичным, поскольку позволяет, во-первых, оперативно решать назревшие вопросы законодательного регулирования тех вопросов, которые нуждаются в этом, во-вторых, обеспечить режим единой законности в Российской Федерации.

Указанные федеральные конституционные положения и решения Конституционного Суда РФ активно используют субъекты Российской Федерации, что позволяет формировать достаточно полноценное региональное законодательство, ставшее одним из важнейших источников региональной правовой системы. К их числу относятся также общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, заключённые Российской Федерацией как от своего имени, так и от имени её субъектов. В этом выражается единство внешней и внутренней политики, проводимой Российской Федерацией и её субъектами [7, с. 58]. Вместе с тем, как отметил Президент России В. В. Путин в своем Послании на 2020 г., «требования международного законодательства и договоров, а также решения международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции». На мой взгляд, данное предложение необходимо дополнить, указав в конце его конституционные законы, являющиеся одним из главных источников конституционного права и принимаемые по вопросам, предусмотренным конституцией. Нормы такого закона не могут по своему правовому статусу иметь меньшую юридическую силу, чем нормы международного законодательства.

Отметим, что положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ воспроизводится во многих основных законах субъектов Российской Федерации в части признания об-

щепризнанных принципов и норм международного права, международных соглашений источниками региональной правовой системы. Так, ч. 4 ст. 14 Конституции Республики Северная Осетия – Алания предусматривает, что «Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные соглашения Республики Северная Осетия – Алания, заключённые в соответствии с федеральным законодательством, являются составной частью правовой системы Республики Северная Осетия – Алания».

В числе источников региональной правовой системы следует предусмотреть также договоры и соглашения между субъектами Российской Федерации и федеральными органами государственной власти, между субъектами Российской Федерации. Подчеркнём, что договорная практика между различными органами государственной власти начала активно складываться после подписания Федеративного договора 1992 г. Как участник разработки проекта данного документа свидетельствую, что одной из важнейших его целей было максимально полно учесть особенности субъектов Российской Федерации при разработке и подписании договоров между региональными и федеральными органами государственной власти. Однако в процессе договорной практики некоторые субъекты РФ получили необоснованно завышенные полномочия, особенно после известного ельцинского лозунга «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Такая порочная государственная политика и практика в строительстве федеративного государства привела к тому, что договор, будучи правовой формой решения государственных вопросов, сначала использовался неумело, а то и деструктивно. Поэтому после начавшегося процесса укрепления российской государственности договорная практика была вообще свёрнута и начался процесс сверхцентрализации государственной власти. Таким образом, в строительстве своей новой государственности Россия в очередной раз приняла крайнее решение.

Анализируя данный процесс, В. А. Черепанов, проработавший заместителем Полномочного представителя Президента РФ в разных республиках Северного Кавказа, пришёл к выводу, что в условиях сверхцентрализации государственной власти и «молчаливого недовольства» по этому поводу региональных органов власти назрела насущная необходимость в заключении нового Федеративного договора, который сформулирует и закрепит общее согласие Федерации и образующих её субъектов по основам федеративного устройства Российского государства [10, с. 328]. Конституция РФ предполагает такую правовую форму разрешения и совершенствования федеративных отношений. Так, согласно ч. 3 ст. 11 Конституции РФ «разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий». В свою очередь отметим, что ак-

тивизация договорной практики между органами государственной власти Российской Федерации и её субъектами на основе принципа субсидиарности будет способствовать развитию федеративных отношений, формированию федеративного государства, национальной и региональной правовых систем, более эффективному решению социально-экономических и иных задач.

Особое место среди источников в региональной правовой системе занимают соглашения между субъектами Российской Федерации и иностранными государствами. Правовой основой данного процесса являются, во-первых, федеральный закон от 15 июля 1995 г. «О международных договорах Российской Федерации», предусматривающий участие субъектов Российской Федерации в сфере внешней политики; во-вторых, федеральный закон от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (п. 47 ч. 2 ст. 26.3), которым установлено, что к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения относятся решения вопросов осуществления международного сотрудничества в соответствии с законодательством Российской Федерации, в том числе, «приграничного сотрудничества, участия в осуществлении государственной политики в отношении соотечественников за рубежом»; в-третьих, конституции (уставы) субъектов Российской Федерации. Так, в ст. 16 Конституции РСО – Алания предусматривается, что «Республика Северная Осетия – Алания строит свои отношения с Республикой Южная Осетия в соответствии с федеральным законодательством на основе этнического, национального, историко-территориального единства, социально-экономической и культурной интеграции». На основе данной региональной конституционной нормы заключены многие соглашения между Республикой Северная Осетия – Алания и Государством Южная Осетия – Алания.

К числу источников региональной правовой системы следует отнести нормы обычного права, которые играют важную роль в регулировании общественных отношений у народов, сохранивших в значительной мере традиционный образ жизни. Как правильно отмечает Н. Н. Разумович, «хотим мы этого или нет, обычное право действует. Оно существует и будет существовать столько, сколько просуществует право, оказывая влияние на правовое развитие, восполняя пробелы в зонах правового общения, а также там, где законопредписания нежизнеспособны» [8, с. 25]. Ещё во времена римских юристов существовало правило: «В тех делах, в которых мы не пользуемся писаными законами, нужно соблюдать то, что указано нравами и обычаями».

По мере развития государства обычное право постепенно уступает дорогу закону. Тем не менее, оно продолжает иметь место среди источников права, особенно региональных. В некоторых субъектах России, в основном входящих в Северо-

Кавказский федеральный округ, можно наблюдать взаимодействие норм российского законодательства, обычного права, а также норм религии [11, с. 155]. Интерес к обычному праву возникает особенно при радикальных реформах законодательства, права, правовой системы, как это имеет место в постсоветский период. Это обусловлено тем, что вновь возникшие общественные отношения не могут быть в полной мере урегулированы действующим законодательством, а новое ещё не разработано. В таком правовом вакууме среди источников правовой системы заметно усиливается социальная роль норм обычного права народов. Если говорить об Осетии, применительно к двум её республикам, то составной частью их правовых систем должны быть предусмотрены осетинские обычаи как нормы неписаного права. Они возникли значительно раньше норм писаного права. Их место и роль были незаменимы в жизни осетинского общества. Об этом писали академики В. Б. Пфафф, М. М. Ковалевский и многие другие известные учёные. Специалисты считают, что обычаям «следовали не потому, что сила традиций подавляла человека, ей подчинялись потому, что она была внутренне вплетена в огромную живую сеть взаимоотношений, устроенную дотошно организованным образом» [см.: 9, с. 98].

Социальная значимость норм обычного права была столь велика, что без строгого их соблюдения нельзя было поддерживать правопорядок в обществе, решать вопросы жизнедеятельности членов общества, обеспечивать их безопасность. Несмотря на сказанное, в истории Осетии не раз предпринимались административные меры по их искоренению.

Так, ещё в середине XIX в. известный осетинский генерал М. Кундухов, воспитанный на идеях Просвещения, резко выступал против части народных обычаев и традиций. Вступая в должность начальника военно-осетинского округа (населённого не только осетинами), он провозгласил программу преобразований на основе «развития всякой гражданственности и благоустройства в народе». В ряде институтов народной жизни он видел «нелепость и зло», находя их «не соответствующими духу настоящего времени», «обременительными и разоряющими домашнее благосостояние». М. Кундухов заявил горцам о своём намерении вывести их из нищеты и «поставить в состояние цивилизованных народов».

Отменяя одни адаты и существенно изменяя другие, он стремился регламентировать горскую жизнь до «мелочей», вплоть до подробных указаний – что и сколько может быть съедено и выпито на поминках, как вести себя жёнам на похоронах мужей, какие памятники ставить на могилах, каким святым поклоняться, сколько человек приглашать на свадьбу и т.д.

М. Кундухов полагал, что для успешного утверждения нового порядка достаточно строгого его исполнения, с широким применением административных мер, в частности штрафов, по отношению к нарушителям. Круто ломая привычный уклад народной жизни, он, конечно, руководствовался самыми благими побуждениями и

ещё не мог знать о том, что другой «радикал-реформатор» Шамиль, заимствовавший восточные образцы государственности, уже после пленения признает грубой ошибкой своё стремление одним ударом покончить с «вредными» привычками горцев, вместо того чтобы предоставить это времени и естественному ходу вещей [см.: 3, с. 238].

Попытки искоренить административными мерами, на взгляд чиновников, вредные обычаи и традиции неоднократно предпринимались и в советский период. Так, в первые годы Советской власти стали упразднять нормы шариата и шариатское судопроизводство, которое к тому времени имело более чем двухсотлетнюю историю существования. Это привело к тому, что в начале 1918 г. в Кабарде муллы приняли энергичные меры к захвату власти и настояли на том, чтобы восстановили шариатское судопроизводство. Новая власть трезво оценила политическую ситуацию, и поэтому 4 марта 1918 г. на II съезде народов Терской области его делегаты приняли резолюцию: «Каждому народу предоставляется право организовать свои народные суды, творящие правосудие согласно народным обычаям и нравам».

Приведённые и аналогичные многочисленные исторические примеры в судьбе одного народа, руководствовавшегося столетиями в своей жизни нормами обычного права – адатами (ирон аэгъдау), вызывают закономерный интерес к тому, насколько эти неписанные нормы ныне соблюдаются и присутствуют в действующей Конституции РСО – Алания, если не в буквальном смысле, то хотя бы сохранившими их дух. К сожалению, их практически невозможно обнаружить даже при очень внимательном прочтении конституционных норм. На мой взгляд, это стало следствием безудержной, бездумной и ничем не аргументированной критики норм обычного права, хотя именно благодаря им народ, и не только осетинский, столетиями и даже тысячелетиями смог сохранить себя и свою национальную самобытность. Это важно понять ныне, когда в жизни всё большее место занимают материальные ценности, а к обычаям и традициям нередко начали проявлять меркантильный интерес. В такое время долг национальной элиты – предпринимать соответствующие усилия по их сохранению, раскрытию их роли и значения в жизнедеятельности народа, утверждению их статуса не только в национальном самосознании, но и в нормативных документах.

Следует помнить, что попытки запретить, подавить традицию, которые, как правило, предпринимаются в ходе включения традиционных обществ в широкое этнокультурное, экономическое, социальное, правовое пространство могут, как отмечает профессор З. В. Канукова, привести только к нивелированию активных и многообразных, чаще всего визуальных форм бытования традиции. Развиваясь в течение многих веков, традиция приобретает безупречный механизм адаптации в изменяющихся объективных условиях, в значительной степени основанный на сочетании консервативности со способностью к постоянному обновлению.

Анализ исторического опыта народов Северного Кавказа показывает, что в ходе включения в российское административное, правовое социокультурное и хозяйственное пространство традиционные культуры проявили жизнеспособность, основанную на глубинных уровнях этнического мироощущения и сознания [5, с. 5]. Не случайно профессор Д. Ю. Шапсугов отмечает: «...новая эпоха не отменяет принципа органичности правового развития, носителем которого выступало право традиционного общества» [12, с. 12]. Более того, в литературе правильно отмечается, что общество обречено на полный коллапс социально-нормативной системы, если новые институты коллективности не смогут совместиться с традиционными, что успехов в модернизации добились именно те регионы, в которых гражданское общество и демократические ценности сохранились в форме культурных традиций [6, с. 258].

Мировая этнологическая наука пришла к выводу, что обычаи представляют собой отлаженную веками систему организации жизнедеятельности и самосохранения общества, механизма приспособления к окружающей среде (рельеф, климат, поведение соседних народов и т.д.). Вобрав опыт многих поколений, они (обычаи) упорядочили человеческие отношения, прекратили состояние «войны всех против всех», способствовали достижению социального равновесия, политической стабильности, этнической целостности. Обычаи, будучи ещё и средством формирования народного самосознания, помогли людям обрести собственное лицо. В этой, так сказать, «самоидентификации» заложена мощная духовная и психологическая энергия, прочная нравственная опора, позволяющая этносу ощутить в себе то, что С. М. Соловьев назвал «природой племени». Огромная информация об этой «природе» закодирована именно в обычаях.

В связи со сказанным сошлёмся на слова Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина о том, что «мы должны серьёзно, ответственно и бережно учитывать и использовать сохранившиеся в российской социальной ткани неписанные нормы здоровой массовой моральной регуляции. Делать это должны хотя бы потому, что только они, по большому счёту, реально восполняют всё ещё недостаточную эффективность законодательного правового регулирования» [4, с. 2].

Эти суждения более всего касаются национальных республик, где в регуляции социального поведения всё ещё важное место занимают нормы традиционного общества – обычаи, традиции, составляющие основу неписаной Конституции и отражающие представления о добре и зле, справедливости и несправедливости. Они же способствуют преемственности поколений в передаче правовых ценностей, правовых знаний, умений, навыков и правового опыта. Поэтому весьма важно учитывать их в правотворческой и правоприменительной деятельности. Так, исторический опыт традиционного медиаторства может быть использован в разработке миротворческих методик при создании проектов, направленных на внедрение традиционных элементов урегулирования споров и криминальных ситуаций в деятель-

ность официальной юстиции, в образовательные курсы по восстановительному правосудию [см.: 5, с. 101].

К социальной значимости их в настоящее время всё чаще обращаются, поскольку без них невозможно в полной мере урегулировать все общественные отношения. В предыдущие столетия они вообще регулировались исключительно нормами обычного права, которое, по общему признанию наиболее известных учёных, было весьма развито в Осетии. Народ всегда противился попыткам власти игнорировать национальные обычаи и традиции, ставшие основой их социальной жизни и регулирующие различные общественные отношения.

Следует согласиться с Д. Ю. Шапсуговым в том, что у прогрессивных обычаев и традиций есть не только прошлое, но и настоящее и будущее [16, с. 632]. Не случайно в Конституции Карачаево-Черкесии устанавливается, что «Общепризнанные прогрессивные обычаи и традиции народа республики: уважение к старшему, женщине, людям различных религиозных убеждений, милосердие – священные». Такие обычаи и традиции существуют и в других национальных республиках, поэтому их законодателям есть над чем призадуматься. На мой взгляд, следует найти возможность предусмотреть соответствующую норму и в конституциях других республик. В них следует закрепить также норму об институте примирения как древнем обычае разрешения конфликта, который и поныне действует у многих народов. Так, в Осетии стороны конфликта, их родственники часто прибегают к примирительным процедурам. Этот социально значимый обычай особую ценность приобретает у народов с большим распространением кровнородственных связей, поскольку в конфликт бывает втянуто большое количество людей. Наряду со сказанным нельзя тешить себя надеждой, что одним лишь законодательным закреплением даже самых хороших обычаев и традиций мы решим проблему. Необходима реальная практическая работа по данному вопросу.

Рассуждая о социальной значимости национальных обычаев и традиций и оценивая их социальную значимость, стоит прислушаться к мнению Председателя Конституционного Суда России В. Д. Зорькина, который считает, что неписанные нормы «составляют корневую основу государственно-правовой системы». Отметим также, что в системе источников российского права обычаи занимают заметное место. Так, в Гражданском кодексе РФ (ст. 5) законодательно закрепляется факт признания их в качестве источников права, расширяются возможности применения по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Об этом свидетельствует Постановление Пленума Верховного суда от 31 мая 2015 г. «О Применении судами некоторых положений раздела I ч. 1 Гражданского Кодекса Российской Федерации». Согласно постановлению, суды при разрешении споров в сфере гражданского права могут применять обычай не только в сфере предпринимательства, но и в другой деятельности. Можно привести ещё и другие примеры, свидетельствующие о

распространении норм обычного права как социальных регуляторов. Не случайно на международном уровне, в отличие от российского права, признается существование и действие обычного права. Его изучение у разных народов способствует более глубокому учёту национально-региональной специфики в правотворчестве и правоприменении.

С учётом изложенного, в порядке правовой инициативы, предлагаю в Конституцию РСО – Алания включить отдельную статью с наименованием «Правовая система Республики Северная Осетия – Алания». Её содержание сформулировать следующим образом: 1. Республика Северная Осетия – Алания имеет свою правовую систему. 2. Источниками правовой системы Республики Северная Осетия – Алания являются: Конституция; законы; нормативно-правовые акты; общепризнанные принципы и нормы международного права; международные соглашения Республики Северная Осетия – Алания; договоры и соглашения РСО – Алания с федеральными органами государственной власти, а также субъектами РФ; осетинские обычаи.

Список литературы

1. По делу о проверке конституционности ряда положений Устава – Основного Закона Читинской области : Постановление Конституционного Суда РФ от 01 февраля 1996 г. № 3-П. – URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitucionnogo-suda-rf-ot-01021996-n/> (дата обращения: 11.02.2010).
2. По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 15 августа 1992 г. «Об организации управления электроэнергетическим комплексом Российской Федерации в условиях приватизации» : Постановление Конституционного Суда РФ от 10 сентября 1993 г. № 15-П. – URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10091993-n/> (дата обращения: 11.02.2010).
3. Дегоев, В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – 2-е изд., расшир. и доп. – Москва : Русская панорама, 2003. – 510 с.
4. Зорькин, В. Д. Проблемы конституционно-правового развития (к 20-летию Конституции РФ) // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 2. – С. 1–9.
5. Канукова, З. В. Традиции в современном осетинском обществе / З. В. Канукова. – Владикавказ : Ир, 2018. – 135 с.
6. Патнэм, Р. Чтобы демократия работала: Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм. – Москва : Ad Marginem, 1997. – 286 с.
7. Переплеснина, Е. Н. Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ в российской правовой системе / Е. Н. Переплеснина. – Петрозаводск, 2009. – 192 с.

8. Разумович, Н. Н. Источники права и форма права // Советское государство и право. – 1988. – № 3. – С. 20–27.
9. Свечникова, Л. Г. Понятие и обычаи современной науки: подходы, традиции, проблемы (на материалах юридической и этнологической наук) // Государство и право. – 1998. – № 9. – С. 98–102.
10. Черепанов, В. А. Проблемы российской государственности. Опыт системного исследования / В. А. Черепанов. – Москва : НОРМА ; ИНФРА-М, 2018. – 336 с.
11. Шапиев, Р. Н. Соотношение обычного права и законодательства // Проблемы в российском законодательстве. – 2017. – № 2. – С. 155–157.
12. Шапсугов, Д. Ю. Теоретико-правовые основания исследований правового мира Кавказа // Правовой мир Кавказа: прошлое, настоящее, будущее : материалы международной научно-практической конференции, 14–15 апреля 2011 г. – Нальчик, 2011. – С. 12.
13. Шапсугов, Д. Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства / Д. Ю. Шапсугов. – Москва : Юрист, 2003. – 685 с.

References

1. *In the case of the constitutionality of a number of provisions of the Charter – the Basic Law of the Chita Region: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 1, 1996 No. 3-P.* Available at: <https://legalacts.ru/doc/post-anovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-01021996-n/> (accessed 11 February 2010). (In Russian).
2. *In the case of the constitutionality review of the Decree of the President of the Russian Federation of August 15, 1992 «On the organization of management of the electric power complex of the Russian Federation in the context of privatization»: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 10, 1993 No. 15-P.* Available at: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10091993-n/> (accessed: 11 February 2010).
3. Degoev V. *Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'* [The big game in the Caucasus: history and modernity]. 2nd ed., expand. and add. Moscow: Russkaya panorama Publ., 2003. 510 p.
4. Zorkin V. D. Problemy konstitutsionno-pravovogo razvitiya (k 20-letiyu Konstitutsii RF) [Problems of constitutional legal development (on the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation)]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2014, no. 2, pp. 1–9.
5. Kanukova Z. V. *Traditsii v sovremennom osetinskom obshchestve* [Traditions in modern Ossetian society]. Vladikavkaz: Ir Publ., 2018. 135 p.
6. Putnam R. *Chtoby demokratiya rabotala: Grazhdanskie traditsii v sovremennoi Italii* [For democracy to work: Civil traditions in modern Italy]. Moscow: Ad Marginem Publ., 1997. 286 p.

7. Pereplesnina E. N. *Obshchepriznannye printsipy i normy mezhdunarodnogo prava, mezhdunarodnye dogovory RF v rossiiskoi pravovoi sisteme* [The generally recognized principles and norms of international law, international treaties of the Russian Federation in the Russian legal system]. Petrozavodsk, 2009. 192 p.
8. Razumovich N. N. *Istochniki prava i forma prava* [Sources of law and the form of law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1988, no. 3, pp. 20–27.
9. Svechnikova L. G. *Ponyatie i obychai sovremennoi nauki: podkhody, traditsii, problemy (na materialakh yuridicheskoi i etnologicheskoi nauk)* [The concept and customs of modern science: approaches, traditions, problems (based on the materials of legal and ethnological sciences)]. *Gosudarstvo i pravo*, 1998, no. 9, pp. 98–102.
10. Cherepanov V. A. *Problemy rossiiskoi gosudarstvennosti. Opyt sistemnogo issledovaniya* [Problems of Russian statehood. Experience in systems research]. Moscow: NORMA; INFRA-M Publ., 2018. 336 p.
11. Shapiev R. N. *Sootnoshenie obychnogo prava i zakonodatel'stva* [Correlation of customary law and legislation]. *Problemy v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2017, no. 2, pp. 155–157.
12. Shapsugov D. Yu. *Teoretiko-pravovye osnovaniya issledovaniy pravovogo mira Kavkaza* [Theoretical and legal foundations of studies of the legal world of the Caucasus]. In: *Pravovoi mir Kavkaza: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 14–15 aprelya 2011 g.* [Legal world of the Caucasus: past, present, future: proceedings of an international scientific and practical conference, April 14–15, 2011]. Nalchik, 2011, pp. 12.
13. Shapsugov D. Yu. *Problemy teorii i istorii vlasti, prava i gosudarstva* [Problems of the theory and history of power, law and the state]. Moscow: Yurist Publ., 2003. 685 p.

УДК 347.763:656.13(4)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/103-117

Р. И. Дремлюга¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: dremluiga.ri@dvfu.ru

А. А. Яковенко², Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: andrey.drus@yandex.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕСТИРОВАНИЯ БЕСПИЛОТНОГО АВТОТРАНСПОРТА: ОПЫТ ЕВРОПЫ*

Аннотация. Развитие технологий автономного автотранспорта является одним из приоритетов в технологическом развитии Российской Федерации. Несмотря на прогресс в данной сфере, вряд ли можно говорить о значимых успехах России во внедрении использования автономного транспорта на дорогах общего пользования. В основе данного исследования лежит утверждение, что правовой режим является либо катализатором, либо замедляющим фактором развития сферы автономного автотранспорта.

Цель исследования – провести анализ правовых норм в сфере тестирования и эксплуатации автономного автотранспорта в Европе. Авторы полагают, что исследуемые европейские страны имеют достаточно проработанную нормативную базу в данной сфере, поэтому их опыт может быть полезен в разработке и модификации российской правовой базы для регулирования отношений в сфере использования

¹ Роман Игоревич Дремлюга, кандидат юридических наук, доцент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Андрей Александрович Яковенко, магистрант Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Дремлюга Р. И., Яковенко А. А. Регулирование тестирования беспилотного автотранспорта: опыт Европы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 1. С. 103–117.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129.

автономного автотранспорта. Задачи исследования: а) определить нормативную базу, связанную с регулированием отношений по тестированию и эксплуатации автономных транспортных средств; б) выявить позицию лидирующих европейских стран, связанную с вопросами необходимости регулирования таких отношений; в) оценить перспективы возможности заимствования положительной практики регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений в правовую действительность Российской Федерации.

Методологической основой исследования послужили диалектический метод познания, общенаучные методы абстрагирования, анализа и синтеза, а также специальные юридические методы (сравнительно-правовой, логико-юридический и др.).

В статье делается вывод, что в процессе создания нормативно правовой базы власти стремятся детально урегулировать исследуемую область общественных отношений. Рассмотренные страны имеют практически схожую модель регулирования, с жёсткими нормативными рамками. Авторы полагают, что некоторые ограничения являются неблагоприятными для развития сектора цифровой экономики. Тем не менее, опыт европейских стран может быть использован в России в первую очередь для определения проблемных точек регулирования и организации контроля за тестированием и использованием автономного автотранспорта.

Ключевые слова: Европейский Союз, регулирование тестирования автономного автотранспорта, беспилотный автотранспорт, цифровая экономика, искусственный интеллект, кибербезопасность, распознавание образов, киберправо, беспилотные транспортные средства, цифровая трансформации, умные вещи, умный город, сравнительное правоведение, сравнительный анализ, новый технологический уклад, право Нидерландов, право Германии, право Великобритании, право информационных технологий, право ИТ.

Roman I. Dremluga¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: dreamluck@yandex.ru

Andrey A. Yakovenko², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: andrey.drus@yandex.ru

REGULATION OF AUTONOMOUS VEHICLE TESTING AND USE: EXPERIENCE OF EUROPE*

Abstract. The development of unmanned (autonomous) vehicle technologies is one of the strategic priorities of the Russian Federation. Despite a great deal of attention to this area, one can hardly speak of any significant success of Russia in introducing the use of autonomous vehicles on public roads. This study is based on the assumption that the legal regime is a catalyst or a deterrent to the development of autonomous motor transport or a deterrent to the development of the autonomous motor transport sector. The aim of the study is to analyze the legal norms in the field of testing and operation of autonomous road transport in Europe. The authors believe that the studied European countries have a sufficiently developed regulatory system in this area; therefore, their experience can be useful in developing and modifying the Russian legal framework to regulate the use of autonomous road transport. The objectives of the study are as follows: a) to define the regulatory framework related to the regulation of relations in the testing and operation of autonomous vehicles; b) to identify the position of the leading European countries related to the issues of the need for regulation and its limits; c) to assess the prospects for the possibility of taking the positive practice of regulation of the considered sphere of social relations into the legal reality of the Russian Federation. The dialectical method of cognition, general scientific methods of abstraction, analysis and synthesis, as well as special legal methods (comparative legal, logical-legal, etc.) served as the methodological basis for the research. The article concludes that in the process of creating a legal system the authorities seek to regulate in detail the area of public relations under study. The countries under study have almost similar model of regulation with rigid normative frameworks. The authors believe that some restrictions are unfavorable for the development of digital economy sectors. Nevertheless, the experience of European countries can be used in Russia first of all to identify problem points of regulation and organization of control over testing and use of autonomous motor vehicles.

¹ Roman I. Dremluga, Associate Professor, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Andrey A. Yakovenko, Master Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Dremluga R. I., Yakovenko A. A. Regulation of Autonomous vehicle testing and use: experience of Europe // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No 1. P. 103–117.

* The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund within the scientific project No. 18-29-16129.

Keywords: European Union, regulation of autonomous vehicle testing, unmanned vehicles, digital economy, artificial intelligence, cyber security, pattern recognition, cyberlaw, unmanned vehicles, digital transformation, smart things, smart city, comparative law, new technology, Dutch law, German law, UK law, information technology law, IT law.

В Плате мероприятий Национальной технологической инициативы «Автонет» сказано, что «пик развития технологий автономности придёт на 2020–2030 гг. Наиболее быстрое развитие технологий автономного вождения можно ожидать в сегментах люксовых персональных автомобилей, общественного транспорта, а также караванного вождения при перевозке грузов» [1]. Беспилотный транспорт высокой степени автоматизации – это инновация, которая может быть выгодна и государству, и обществу одновременно.

Развитие технологий беспилотного автотранспорта является одним из приоритетов Российской Федерации. В связи с активным развитием цифрового пространства и более качественным подходом к защите «цифровых» прав населения особый интерес представляет опыт европейских государств по разработке нормативной базы, позволяющей проводить тестирование и вводить в эксплуатацию беспилотный автотранспорт.

На сегодняшний день сформирован рейтинг стран, лидирующих в области внедрения автономных автотранспортных средств на дорогах страны [2]. На примере трёх лидирующих в данном рейтинге стран предлагаем сравнить, как развивается нормативная база в указанной сфере.

Необходимо отметить, что Германия и Нидерланды уже имеют специальные законы, позволяющие тестировать беспилотный автотранспорт. Великобритания пошла по более сложному пути, в настоящий момент ведутся работы по подготовке целого ряда законодательных изменений, которые будут включать в себя не только нормы, регламентирующие процедуру доступа автономного транспорта на дороги общего пользования. Законодатель также разрабатывает нормы, направленные на создание экосистемы, позволяющей сделать автономный транспорт основой транспортной системы страны, с целью улучшения экономического и экологического благосостояния населения.

Нидерланды

Испытания в этой стране полностью автономных транспортных средств на дорогах общего пользования разрешены с 1 июля 2019 г.

Согласно тексту Закона об экспериментальных автономных транспортных средствах [3] для проведения тестирования автономных транспортных средств, необходимо получить предварительное или временное разрешение. В том случае, если предполагается отсутствие водителя в автономном транспортном средстве, то

необходимо после консультации с министром юстиции и безопасности (далее – министр) получить его разрешение на проведение тестирования.

Министр, давший разрешение на проведение тестирований автономного транспортного средства, несёт ответственность за выданную им лицензию.

Согласно статье 149аб рассматриваемого закона разрешение на проведение тестирования выдается максимум на три года. Разрешение обязательно должно содержать следующие сведения: описание эксперимента, на каких дорогах или участках дорог будет проводиться тестирование, в течение какого периода будет проводиться тестирование, в каких погодных условиях и в какое время суток может проводиться тестирование, возможные исключения из правил, какие меры безопасности предпринимаются в процессе тестирования беспилотного транспорта. В разрешении должна быть указана процедура контроля. Например, необходимо прописать, каким образом министру будет предоставлена возможность контролировать и оценивать ход проведения тестирования.

Министр может отозвать разрешение, если лицо, получившее разрешение, не соблюдает правила и ограничения, прилагаемые к разрешению, и если безопасность дорожного движения находится под угрозой при тестировании беспилотного транспортного средства.

По итогам тестирования Министр должен произвести его оценку и составить отчёт. Министр в течение пяти лет после вступления в силу настоящего Закона должен подготовить доклад об эффективности принятого Закона на практике.

Великобритания

В Соединённом Королевстве создан правительственный департамент, Центр подключённых и автономных транспортных средств (далее – center of autonomous vehicle или CAV), который отвечает за разработку законодательства, регулирующего проведение испытаний автономных транспортных средств на автомагистралях в стране. Существуют также локальные нормы, регулирующие процедуру тестирования автономного автотранспорта в отдельных городах, например, Лондон и Ковентри.

С 2018 г. по заказу CAV независимой Юридической комиссией ведётся работа над созданием нормативной базы по регулированию тестирования и введения в эксплуатацию автоматизированных автотранспортных средств. В процессе разработки и обсуждения разработаны консультативный документ № 1 и № 2, документы представляют собой анализ действующего законодательства Великобритании в сфере автомобильного транспорта. На основании проведённого анализа комиссией должны быть выработаны рекомендации по интеграции беспилотного транспорта в транспортную систему страны с конкретными предложениями по изменению нормативной базы. Принятые рекомендации должны найти своё отражение в изменениях в законодательстве Великобритании к 2021 г. [4].

В первом консультативном документе рассматриваются вопросы общего характера для автоматизированных транспортных средств, которые могут передвигаться самостоятельно только часть поездки, и для транспортных средств, которые могут быть полностью автономными. В частности, документ касается вопросов регулирования обеспечения безопасности наряду с гражданской и уголовной ответственностью за причинение вреда транспортным средством.

В ходе разработки консультативных документов № 1 и № 2 независимая Юридическая комиссия провела анализ закона об автоматизированных и электрических транспортных средствах 2018 г. [5].

В соответствии с этим законом страховщик несёт прямую ответственность за выплату компенсации жертве. Страховщик может потребовать возмещения ущерба от любой стороны, ответственной за аварию.

В соответствии с Законом об Автоматизированных и электрических транспортных средствах (англ. – «Automated and Electric Vehicles»; далее – AEV) 2018 г., если ДТП произошло по вине полностью автономного транспортного средства, в соответствии с условиями Закона страховщик несёт прямую ответственность за причинённый ущерб. Цель данной нормы – позволить в кратчайшие сроки потерпевшему получить возмещение ущерба. Согласно другим положениям закона после того, как страховщик и потерпевшее лицо пришли к консенсусу, страховщик имеет право потребовать возмещения ущерба от других лиц, ответственных за ДТП, например, от производителя транспортного средства.

Раздел 1 закона AEV обеспечивает необходимую законодательную основу для предоставления компенсации жертвам в тех случаях, когда был нанесён ущерб автономным транспортным средством [5].

Согласно статье 6 закона о AEV в тех случаях, когда дорожно-транспортное происшествие в той или иной степени произошло по вине пострадавшей стороны, правонарушение будет квалифицировано как халатность¹, а размер компенсации будет определён судом.

Для применения разработанных положений об ответственности причиной аварии должно стать само автономное транспортное средство. В настоящее время ведутся дебаты о причинно-следственной связи некоторых видов неисправностей [6]. Например, если автономное транспортное средство совершает маневр, чтобы избежать столкновения с велосипедистом-нарушителем, и врезается в припаркованный автомобиль, будет ли страховщик нести ответственность за аварию, даже если вина полностью лежит на велосипедисте? Если у велосипедиста недостаточно средств для исполнения судебного решения, то право страховщика на возмещение

¹ Речь о понятии халатности в английском праве. Англ. – negligence.

ущерба с велосипедиста будет неэффективным. В таких случаях в консультативных документах предлагается оставить решение данных вопросов суду.

Для разрешения судебных споров должны использоваться собранные автомобилем данные: место нахождения автомобиля, лицо, управлявшее автомобилем, нанесённый ущерб. Однако проблема заключается в том, что автоматизированные транспортные средства генерируют большой объём цифровых данных, который требует значительных вычислительных мощностей для обработки и хранения. Поэтому в консультативных документах поднимается вопрос о том, какие данные необходимо сохранить. Особое внимание уделено информации, которая может оказаться необходимой значительно позже предполагаемого инцидента.

В настоящее время ведутся переговоры на уровне ЕС о стандартизации данных [7], которые необходимо хранить после происшествия. Эти меры могут пригодиться в тех случаях, когда автономная система зафиксирует, что произошло столкновение. Однако соответствующие данные могут не сохраниться, когда инцидент не связан с прямым столкновением и автоматизированная система вождения не в состоянии обнаружить факт дорожно-транспортного происшествия [6].

Сроки подачи иска в соответствии с законом об АЕV соответствуют принципам гражданского права. Как правило, истец, получивший телесные повреждения, должен подать иск к страховщику в течение трёх лет со дня происшествия. Однако в некоторых случаях срок исковой давности может быть увеличен (например, если в момент аварии истец был ребёнком).

Право на предъявление иска к страховщику в соответствии с законом АЕV предполагает кратчайшие сроки компенсации ущерба пострадавшему. Однако это не означает, что юридическая ответственность за несчастный случай полностью возложена на страховщиков. Согласно Закону о защите прав потребителей 1987 г. страховщик может предъявить производителю или поставщику иск либо в соответствии с Законом о защите прав потребителей 1987 г., либо в рамках деликта о халатности (или, в Шотландии, деликт).

В соответствии с Законом о защите прав потребителей 1987 г. за дефектное программное обеспечение, встроенное в физический носитель информации, например, в транспортное средство, может быть истребована компенсация. Однако существует некоторая неопределённость в регулировании компенсации в отношении вреда, причинённого по вине «чистого» программного обеспечения, разработанного отдельно от физического носителя, в частности транспортного средства. Таким образом, могут возникнуть проблемы по выплате компенсации в случае, когда программное обеспечение и транспортное средство производятся разными организациями.

Регулирование дорожного движения в значительной степени связано с публичным правом. При разработке первого консультативного документа было про-

анализировано 71 преступление (правонарушение)¹, которое может быть совершено водителем. При привлечении водителя к ответственности оценивается: состояние водителя; наличие страховки; пригодность транспортного средства к эксплуатации; сообщение о произошедшем дорожно-транспортном происшествии; и даже поведение пассажиров (например, пристёгнуты ли дети ремнями безопасности).

В ходе разработки консультативного документа не было обнаружено ни одной нормы, которая препятствовала автоматизированному вождению в целом. Тем не менее, некоторые нормативные предписания могут препятствовать определённым видам автоматизации и автономности.

В 107-й статье Правил дорожного движения (строительство и эксплуатация) 1986 г. Великобритании [8] запрещается выезжать на дорогу транспортному средству, которое обслуживается лицом, не имеющим лицензии на вождение.

Транспортное средство может «находиться в присутствии» лица, находящегося рядом с транспортным средством или в центре дистанционного управления. Однако положения статьи 107 не могут быть применены к некоторым видам высокоавтоматизированных транспортных средств в тех случаях, когда транспортное средство является пустым и не управляемым дистанционно, либо когда единственные пассажиры в транспортном средстве не имеют лицензии на управление им.

Многие правонарушения возникают непосредственно при управлении транспортным средством. Примерами могут служить опасная езда, вождение без должной осторожности, несоблюдение знаков дорожного движения или превышение скорости. По мнению независимой Юридической комиссии, ответственной за создание консультативного документа № 1, когда автотранспортное средство находится в полностью автономном режиме вождения, к ответственности за несоблюдение правил дорожного движения должен быть привлечён субъект, отвечающий за настройку автоматизированной системы вождения перед совершённой поездкой. Комиссия делает акцент на том, что пользователь не считается водителем, пока транспортное средство работает автономно. Правило применимо для ДТП, попадающего в сферу действия уголовного права. Вместо того, чтобы классифицировать транспортное средство в качестве водителя, предлагается, что на пользователя будут распространяться конкретные уголовно-правовые нормы, при применении которых будут учитываться требования по квалификации и пригодности к управлению. Таким образом, может возникнуть ситуация, когда будет причинена смерть или наступят другие тяжкие последствия в ходе эксплуатации транспортного средства в автономном режиме с нарушением правил дорожного движения, но к ответственности не будет привлечено ни одно лицо.

¹ В английском праве нет чёткого отграничения преступлений от административных правонарушений.

Если пользователи больше не несут ответственности за нарушения, совершённые во время автономного вождения, то какие правовые последствия могут наступить в случае, если автономное транспортное средство совершает маневр, который был бы квалифицирован как преступное деяние, если совершён человеком? Политика британского правительства заключается в том, чтобы автоматизированные системы вождения неукоснительно соблюдали установленные действующим законодательством предписания. Однако исключения всё же могут иметь место.

Национальная комиссия по транспорту (далее – НКТ) отмечает, что существующие меры наказания за нарушение правил дорожного движения прямо направлены на то, чтобы повлиять на поведение водителей-людей. Без адаптации действующие меры наказания вряд ли будут эффективными при привлечении к ответственности производителей.

НКТ рекомендует, чтобы каждая автоматизированная система вождения (далее – ADS) поддерживалась организацией автоматизированных систем вождения [9] (далее – ADSE) – орган, который будет выдавать разрешения на эксплуатацию). Производители или разработчики, желающие получить разрешение на тестирование и эксплуатацию ADS, должны будут внести систему в реестр. Каждая ADS, указанная в реестре как способная к автономному управлению, должна быть поддержана ADSE. В случае сбоев или нарушений в работе ADS могут налагаться следующие виды санкций: уведомления об усовершенствованиях, штрафы и отзыв разрешения на деятельность.

Несмотря на то, что ADS должна быть запрограммирована на то, чтобы не превышать ограничения скорости, нарушения скоростного режима всё же могут происходить по разным причинам. Примеры таких нарушений содержатся в главе 7 пункта 7.30 Консультативного документа № 1: власти могли не сообщить о временном ограничении скорости; лицо, ответственное за транспортное средство, возможно, не обновило программное обеспечение (или загрузило несанкционированное программное обеспечение); или система могла выйти из строя [6]¹. Если в момент превышения скорости автомобиль передвигался автономно, то зарегистрированный владелец обязан об этом сообщить и предоставить соответствующие данные в полицию. После этого полиция проведёт расследование причин нарушения скоростного режима.

Если проблема связана с программным обеспечением, обеспечивающим автономное движение, этот вопрос следует передать на рассмотрение в агентство по обеспечению безопасности. Агентство уполномочено проводить расследование о причинах некорректной и опасной работы. Оно будет иметь полномочия налагать на ADSE ряд поэтапных санкций, включая уведомления о необходимости усовер-

¹ Automated Vehicles // https://s3-eu-west-2.amazonaws.com/lawcom-prod-storage-11jxou24uy7q/uploads/2018/11/6.5066_LC_AV-Consultation-Paper-5-November_061118_WEB-1.pdf.

шенствования ADS, штрафы, приостановку деятельности и (в наиболее серьезных случаях) отзыв лицензии ADS. Таким образом, к разработчику программного обеспечения могут быть применены серьезные меры, если его некорректная работа вызвала нарушение правил дорожного движения.

Пользователь может самостоятельно управлять транспортным средством, только когда транспортное средство может безопасно передать управление человеку. В связи с этим пользователь, которому было делегировано управление автономным транспортным средством, должен иметь право на осуществление этой деятельности. Предполагается, что такой водитель может быть привлечён к уголовной ответственности в следующих случаях: (1) не имеет водительских прав на транспортное средство; (2) был лишён права управления транспортным средством; (3) иметь зрение, не соответствующее установленным требованиям для управления транспортным средством; (4) имеет определённую группу инвалидности, не дающую право управления транспортным средством; (5) не имеет права на вождение вследствие алкогольного или наркотического опьянения [6].

Рассматриваемый консультативный документ вводит понятие ответственного пользователя. Согласно пункту 3.45 ответственным пользователем является лицо, находящееся в автономном транспорте, которое имеет право на управление автономным транспортным средством в случае необходимости.

Буквально это означает, что лицо находится «на сиденье водителя». Однако в настоящее время данная категория расширяется и в неё могут войти и лица, не находящиеся в автомобиле. Сюда могут входить, например, операторы, контролирующие работу автономного транспортного средства удалённо.

В настоящее время рассматриваются новые обязанности, возлагаемые на пользователя, которые специфичны для автоматизации вождения и не имеют прямого аналога в действующем законодательстве. Например, необходимость обязать пользователя взять на себя управление транспортным средством на определённом участке дороги. Кроме того, нормативные предписания могут касаться составления предварительного маршрута передвижения. Например, несанкционированный съезд с разрешённого участка маршрута, разрешённого для эксплуатации в полностью автономном режиме, может быть административно или уголовно наказуемым.

В уголовном праве Великобритании существует восемь типов уголовных преступлений, связанных с причинением смерти или серьёзных травм в результате управления транспортным средством. В случае отсутствия человека за рулём другие лица привлекаться к ответственности не должны. При рассмотрении вопроса о привлечении к ответственности очевидны два возможных пробела в законодательстве.

Первый – когда смерть или серьёзные травмы вызваны вмешательством третьих лиц: например, какое-либо лицо закрасило дорожную разметку, испортило дорожные знаки или мешает работе датчиков. Второй – когда смерть или серьёзные

травмы вызваны нарушениями в работе программного обеспечения автомобиля. Такие виды деяний не охватываются существующими нормами ответственности за общественно опасные деяния.

В первом консультативном документе также исследуется вопрос: как будет применяться закон, если смерть или серьёзная травма была вызвана противоправными действиями организации, которая разрабатывает автоматизированную систему вождения? К возможным нарушениям относятся: 1) тесты, которые должны были быть проведены, но не проводились; 2) сокрытие отрицательных результатов тестирования; 3) установка программного обеспечения, которое способно улучшить результаты моделируемых на компьютере тестов в сравнении с тестами в реальном мире; 4) отключение критических элементов безопасности.

В случае смерти лица в результате дорожно-транспортного происшествия с участием автономного транспортного средства к уголовной ответственности за непредумышленное убийство может быть привлечена компания-разработчик. В соответствии с Законом о непредумышленном и корпоративном убийстве 2007 г. [10] организация виновна в непредумышленном убийстве, если способ управления или организация её деятельности являются причиной смерти человека или высшее руководство компании совершило ошибки, которые являются «существенным элементом» правонарушения.

Существуют две основные проблемы, связанные с привлечением к ответственности согласно вышеописанным нормам.

Во-первых, рассматриваются только случаи с летальным исходом, а это значит не регламентирована ответственность за причинение тяжких телесных повреждений. Во-вторых, могут возникнуть трудности применения норм об ответственности к крупным многонациональным компаниям. Как отмечает Селия Уэллс, большинство компаний, привлечённых к ответственности за непредумышленное корпоративное убийство, были небольшими или средними по размеру, в которых отдельные директора принимают непосредственное участие в принятии повседневных решений. Напротив, в крупных компаниях со сложной структурой управления руководители высшего звена могут быть дистанцированы от непосредственного принятия таких решений и избежать ответственности.

Таким образом, консультационный документ 1 описывает правонарушения, непосредственно связанные с управлением транспортным средством, такие как опасное вождение или превышение скорости. Также документ касается правонарушений, которые не вытекают непосредственно из задачи вождения, например, правонарушения, связанные со страхованием и пригодностью транспортного средства к эксплуатации на дороге.

Второй консультационный документ рассматривает высокоавтоматизированные пассажирские перевозки (далее – HARPS).

Если консультативный документ 1 имел целью рассмотреть общие вопросы регулирования отношений, связанных с функционированием автономных транспортных средств, например, вопросы наступления гражданской и уголовной ответственности, то второй документ фокусируется на использовании автономных транспортных средств для развития сферы услуг перевозки.

Руководствуясь названными документами, административно-территориальные единицы Великобритании должны формировать свои планы и стратегии по развитию автономного транспорта. То есть, хотя данные консультационные документы в настоящий момент не имеют нормативной силы, они влияют на принятие нормативных и организационных решений. Например, Большой Манчестер или Глазго сформировали свои планы и стратегии по развитию сферы беспилотного автотранспорта, основываясь на приведённых документах [11].

Германия

21 июня 2017 г. в Германии был принят закон о легализации автоматических транспортных средств (далее – AV Bill [12]). Закон AV Bill изменяет действующий Закон о дорожном движении в Германии и определяет требования для использования на дорогах общего пользования высоко автоматизированных и полностью автоматизированных транспортных средств. В законе определяются права и обязанности водителя при активации автоматического режима вождения. Согласно AV Bill водитель и «владелец» (*нем.* – Halter) продолжают нести ответственность, даже если транспортное средство находится в автоматическом режиме вождения. Водитель может избежать ответственности, если он использует автоматический режим вождения, следуя выработанным правилам и рекомендациям. Автомобили должны быть оснащены чёрным ящиком, чтобы определить, под чьим контролем находилось транспортное средство: водителя или автономной системы во время аварии, так как это поможет водителю / «владельцу» (на практике – страховой компании) доказать, что стало причиной аварии.

Среди основных положений AV Bill можно выделить следующие:

1. В § 1a определены понятия высоко и полностью автоматизированных транспортных средств. В соответствии с этим определением, в частности, система должна быть в состоянии соблюдать правила дорожного движения, распознавать, когда необходимо передать контроль водителю, а также позволять водителю в любое время вручную деактивировать автоматический режим вождения.

2. Согласно § 1b использование автоматизированных транспортных средств разрешается в тех пределах, которые определены производителями автомобилей, например, недопустимо покидать водительское сиденье, когда транспортное средство находится в автоматическом режиме. Система должна уведомить водителя о запрете совершения данного действия, в случае если он предпримет попытку сделать это.

3. Согласно пункту 1 § 1b водитель имеет право отвлечь внимание во время движения. Однако, чтобы восстановить контроль над транспортным средством без излишних задержек, водитель должен быть заблаговременно уведомлен системой, что автоматический режим вождения больше не может функционировать должным образом.

4. Согласно пункту 3 § 1c наблюдается 100-процентное увеличение пределов максимальной ответственности в соответствии с Законом о дорожном движении (например, максимальный размер выплат увеличен до 10 миллионов евро за смерть или травму; максимум до 2 миллионов евро за повреждение имущества).

5. Согласно § 63a транспортные средства с высоко или полностью автоматизированными функциями вождения должны быть оборудованы чёрным ящиком. В случае аварии чёрный ящик определяет, кто контролировал транспортное средство: водитель или система управления транспортным средством, и таким образом выясняет, лежит ли ответственность на водителе или на изготовителе. Такой подход коррелирует с Британским о хранении информации для установления степени виновности в ДТП.

Обзор практики регулирования тестирования автономного транспорта в Европе показывает, что в настоящее время только начинает формироваться нормативная база по регулированию тестирования автономных транспортных средств. При этом основной акцент делается на необходимости создания и увеличения количества автономного общественного транспорта и уменьшения количества личных автотранспортных средств с целью сокращения дорожных заторов и улучшения экологической обстановки в стране. Важным требованием является возможность восстановить картину событий при ДТП посредством хранения данных об эксплуатации автономного автомобиля. При этом, как правило, наблюдается «зарегулированность» в отношении предоставления разрешения на тестирование автономного транспорта, что выражено в необходимости детально описать любые условия тестирования транспортного средства, включая погоду и время суток. Нарушение какого-либо условия может повлечь за собой дальнейший отзыв разрешений на тестирование транспортных средств. Такая практика безусловно направлена на минимизацию рисков, связанных с тестированием автономных транспортных средств, однако это может повлечь за собой замедление развития данной сферы.

Список литературы

1. План мероприятий («дорожная карта») Национальной технологической инициативы «Автонет» (приложение № 2 к протоколу заседания президиума Совета при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России от 24.04.2018 № 1). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309650/ (дата обращения: 19.05.2020).

2. Europe autonomous car market: Top 10 countries leading the race in 2019. – URL: <https://siliconcanals.com/news/europe-autonomous-car-market-top-10-countries-leading-the-race-in-2019/> (дата обращения: 19.05.2020).
3. Experimenteerwet zelfrijdende auto's. – URL: https://www.eerstekamer.nl/wetsvoorstel/34838_experimenteerwet (дата обращения: 19.05.2020).
4. Law Commission. – URL: <https://www.lawcom.gov.uk/project/automated-vehicles/> (дата обращения: 19.05.2020).
5. Automated and Electric Vehicles Act 2018. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/18/contents/enacted> (дата обращения: 19.05.2020).
6. Automated Vehicles. A joint preliminary consultation paper. 08 November 2018. – URL: https://s3-eu-west-2.amazonaws.com/lawcom-prod-storage-11jsxou24uy7q/uploads/2018/11/6.5066_LC_AV-Consultation-Paper-5-November_061118_WEB-1.pdf (дата обращения: 19.05.2020).
7. European Commission, Access to In-Vehicle Data and Resources, Final Report (May 2017). – URL: <https://ec.europa.eu/transport/sites/transport/files/2017-05-access-to-in-vehicle-data-and-resources.pdf> (дата обращения: 19.05.2020).
8. The Road Vehicles (Construction and Use) Regulations 1986. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/1986/1078/contents/made> (дата обращения: 19.05.2020).
9. Changing driving laws to support automated vehicles – URL: <https://www.nctc.gov.au/sites/default/files/assets/files/NTC%20Policy%20Paper%20-%20Changing%20driving%20laws%20to%20support%20automated%20vehicles.pdf> (дата обращения: 19.05.2020).
10. Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act 2007. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/19/contents> (дата обращения: 19.05.2020).
11. Automated Vehicles: Consultation Paper 2 on Passenger Services and Public Transport. – URL: <https://s3-eu-west-2.amazonaws.com/lawcom-prod-storage-11jsxou24uy7q/uploads/2019/10/Automated-Vehicles-Consultation-Paper-final.pdf> (дата обращения: 19.05.2020).
12. Ahtes Gesetz zur Änderung des Straßenverkehrsgesetzes 20.06.2017. – URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl117s1648.pdf%27%5D__1586095397766 (дата обращения: 19.05.2020).

References

1. *Plan of measures («road map») of the National Technological Initiative «Avtonomet» (Annex N 2 to the minutes of the meeting of the Presidium of the Presidential Council on Economic Modernization and Innovative Development of Russia from 24.04.2018 № 1). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309650/ (accessed 19 May 2020). (In Russian).*

2. *Europe autonomous car market: Top 10 countries leading the race in 2019*. Available at: <https://siliconcanals.com/news/europe-autonomous-car-market-top-10-countries-leading-the-race-in-2019/> (accessed 19.05.2020).
3. *Experimenteerwet zelfrijdende auto's*. Available at: https://www.eerstekamer.nl/wetsvoorstel/34838_experimenteerwet (accessed 19 May 2020).
4. *Law Commission*. Available at: <https://www.lawcom.gov.uk/project/automated-vehicles/> (accessed 19 May 2020).
5. *Automated and Electric Vehicles Act 2018*. Available at: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/18/contents/enacted> (accessed 19 May 2020).
6. *Automated Vehicles. A joint preliminary consultation paper. 08 November 2018*. Available at: https://s3-eu-west-2.amazonaws.com/lawcom-prod-storage11jsxou24uy7q/uploads/2018/11/6.5066_LC_AV-Consultation-Paper-5-November_061118_WEB-1.pdf (accessed 19 May 2020).
7. *European Commission, Access to In-Vehicle Data and Resources, Final Report (May 2017)*. Available at: <https://ec.europa.eu/transport/sites/transport/files/2017-05-access-to-in-vehicle-data-and-resources.pdf> (accessed 19 May 2020).
8. *The Road Vehicles (Construction and Use) Regulations 1986*. Available at: <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/1986/1078/contents/made> (accessed 19 May 2020).
9. *Changing driving laws to support automated vehicles*. Available at: <https://www.ntc.gov.au/sites/default/files/assets/files/NTC%20Policy%20Paper%20-%20Changing%20driving%20laws%20to%20support%20automated%20vehicles.pdf> (accessed 19 May 2020).
10. *Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act 2007*. Available at: URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/19/contents> (accessed 19 May 2020).
11. *Automated Vehicles: Consultation Paper 2 on Passenger Services and Public Transport*. Available at: <https://s3-eu-west-2.amazonaws.com/lawcom-prod-storage-11jsxou24uy7q/uploads/2019/10/Automated-Vehicles-Consultation-Paper-final.pdf> (accessed 19 May 2020).
12. *Achtes Gesetz zur Änderung des Straßenverkehrsgesetzes 20.06.2017*. Available at: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl117s1648.pdf%27%5D__1586095397766 (accessed 19 May 2020).

УДК 351.862.67:004.56(510)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/118-130

Д. В. Лобач¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
г. Владивосток, Россия
E-mail: dimaved85@mail.ru

Е. А. Смирнова²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: smirnova.ea@dvfu.ru

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

Аннотация. В статье анализируется китайский опыт обеспечения кибербезопасности за последние 20 лет. Отмечается, что за два прошедших десятилетия Китайская Народная Республика предприняла ряд последовательных шагов политико-правового характера в направлении обеспечения кибербезопасности в условиях новых и нарождающихся угроз. Особое внимание в контексте изучения правового механизма обеспечения кибербезопасности уделено изучению специальных нормативных положений Закона КНР о борьбе с терроризмом от 1 января 2016 г. и Закона о кибербезопасности КНР от 7 ноября 2016 г. Закон КНР о борьбе с терроризмом регламентирует ряд специальных мер, направленных на ограничение прав и свобод, связанных с получением и распространением информации определённого содержания. В частности, это проявляется в установлении запрета на распространение

¹ Дмитрий Владимирович Лобач, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории российского и зарубежного права Института права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток, Россия.

² Евгения Александровна Смирнова, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры трудового и экологического права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Лобач Д. В., Смирнова Е. А. Политико-правовые меры обеспечения кибербезопасности в Китайской Народной Республике на современном этапе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 1. С. 118–130.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

взглядов и идей, которые противоречат официальной позиции властей во время чрезвычайной ситуации, и контроля над интернетом, радио и телекоммуникациями в условиях ликвидации последствий совершённого террористического акта. Закон о кибербезопасности КНР регламентирует общие обязательства для трёх категорий субъектов, к которым предъявляются особые требования по обеспечению информационной безопасности. К таковым субъектам относятся сетевые операторы (network operators), операторы критически важной информационной инфраструктуры (critical information infrastructure operators, CII Operators) и поставщики сетевых продуктов и услуг. В статье отмечается, что КНР проводит также политику в установлении и совершенствовании стандартов сетевой безопасности, которые представляют собой минимальные требования к качеству защищённости шифрования, персональных данных, важной информации, безопасных и контролируемых продуктов и услуг, многоуровневых схем безопасности, объектов критически важной информационной инфраструктуры и трансграничной передачи данных. Обосновывается вывод о том, что, хотя КНР и предприняла последовательные шаги в политико-правовом обеспечении кибербезопасности, однако в законе имеются положения, вызывающие нарекания с позиции несовершенства юридической техники и вероятного ущемления интересов третьих лиц.

Ключевые слова: терроризм, киберугроза, кибертерроризм, кибербезопасность, безопасность, Китайская Народная Республика, борьба с терроризмом, закон о кибербезопасности, Азиатско-Тихоокеанский регион, информационная безопасность, информационное общество.

D. V. Lobach¹

Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia
E-mail: dimaved85@mail.ru

E. A. Smirnova²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: smirnova.ea@dvfu.ru

LEGAL POLICY MEASURES FOR CYBER SECURITY IN PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AT THE PRESENT STAGE

Abstract. The article analyzed the Chinese experience in ensuring cybersecurity over the past 20 years. Over the past two decades, the People's Republic of China (PRC) has taken a number of successive political and legal steps towards ensuring cybersecurity in the face of new and emerging threats. Particular attention has been focused on the study of special regulations of the Suppression of Terrorism Law of the PRC of January 1, 2016 and the Cybersecurity Law of the PRC of November 7, 2016. The Suppression of Terrorism Law of the PRC regulates a number of special measures aimed at restriction of rights and freedoms associated with the receipt and dissemination of information of a certain content. In particular, this is manifested in the establishment of a ban on the dissemination of views and ideas that contradict the official position of the authorities during an emergency, and control over the Internet, radio and telecommunications in the context of eliminating the consequences of a terrorist act. The Cybersecurity Law of the PRC regulates general obligations for three categories of entities, which are required to meet special requirements for ensuring information security. These entities include network operators, critical information infrastructure operators (CII Operators), and network product and service providers. The article has noted that the PRC is also pursuing a policy of establishing and improving network security standards, which are the minimum requirements for the quality of encryption security, personal data, important information, safe and controlled products and services, multi-level security schemes, objects of critical information infrastructure and cross-border data transfer.

¹ Dmitry V. Lobach, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Institute of Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

² Evgenia A. Smirnova, Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer, Department of Labor and Environmental Law, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Lobach D. V., Smirnova E. A. Legal policy measures for cyber security in People's Republic of China at the present stage // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No 4. P. 118–130.

The conclusion is substantiated that, although the PRC has taken successive steps in providing political and legal support for cybersecurity, the law contains provisions that cause criticism from the point of view of imperfection of legal technology and the possible infringement of the interests of third parties.

Keywords: terrorism, cyberthreat, cyberterrorism, cybersecurity, security, Republic of China, the fight against terrorism, the law on cybersecurity, Asia-Pacific region, information security, information society.

Кибербезопасность представляет собой широкий термин, охватывающий меры, принимаемые государственными и частными организациями, которые направлены на обеспечение безопасности онлайн-коммуникаций и информационных ресурсов. В контексте больших данных кибербезопасность охватывает аппаратные средства, технологии шифрования, программное обеспечение и индивидуальные навыки, используемые с целью снижения рисков, возникающих в результате онлайн-передачи и хранения данных [1]. Кибербезопасность, будучи необходимым условием развития информационного общества, также принято определять как совокупность стратегий и действий, которые должны быть предприняты для защиты соединённых сетей (включая аппаратные и программные средства, массивы информации) от несанкционированного доступа, изменения, кражи, уничтожения, блокирования и других противоправных действий при гарантии адекватного качества безопасности несмотря на изменяющийся характер киберугроз [2, с. 49]. В свою очередь, кибербезопасность как состояние защищённости информационно-коммуникационных отношений, связанных с онлайн-передачей, хранением, преобразованием и использованием данных, целесообразно рассматривать через актуальные угрозы, которые в своём проявлении наносят вред частным и публичным интересам в информационно-коммуникационной среде. В современных условиях информационно-технологического прогресса актуальные угрозы, посягающие на объекты телекоммуникационной инфраструктуры, компьютеры, каналы передачи данных, приложения, приводящие к определённым негативным последствиям (например, порча веб-сайтов, кража личных данных, нанесение вреда компьютерам и компьютерным системам, несанкционированное списание денежных средств, вымогательство под угрозой уничтожения приватной информации, компрометация конфиденциальных операционных данных), представлены большим разнообразием вредоносных программ (компьютерные вирусы, черви, троянские программы, фишинг, клавиатурный шпион, вредоносный код и др.), которые эволюционируют сообразно с релевантным развитием информационных технологий, знаний и навыков, которые используются в целях обеспечения кибербезопасности. При этом необходимо понимать, что в субъектном плане современные угрозы для кибербезопасности носят дифференцированный характер, поскольку акторами (за-

казчиками и исполнителями) кибератак могут быть инсайдеры и белые воротнички в организациях, хакеры, действующие на самостоятельной основе или в форме преступной кооперации, преступные синдикаты, террористы, а также агенты отдельных государств. Последние являются самой сложной категорией злоумышленников, которые при финансовой поддержке государств, имея достаточные технические ресурсы, выполняют сложные, продолжающиеся в течение длительного времени кибератаки в целях проникновения или установления контроля над целевыми системами [3, p. 350].

Учитывая тот факт, что кибербезопасность в современном мире становится имманентным условием для развития информационного общества, а также неотъемлемой частью в системе национальной безопасности многих государств, следует признать коррелирующую связь между состоянием кибербезопасности на национальном уровне и характером, масштабами и темпами развития властно-публичного управления и экономических отношений в обществе. В этом плане обращает на себя внимание опыт Китайской Народной Республики (далее по тексту – КНР) в части адекватного обеспечения национальной кибербезопасности относительно современных киберугроз, что обусловлено интенсивным развитием экономических, политических и социально-культурных отношений в этом государстве в современных условиях, которые связаны с революционными научно-технологическими процессами и новациями, предопределяющими трансформацию социальных структур.

За последние 20 лет КНР предприняла ряд последовательных шагов политико-правового характера в направлении обеспечения кибербезопасности в условиях новых и нарождающихся угроз, исходящих как от отдельных государств, так и от негосударственных акторов. Не претендуя на всеохватывающий анализ конкретных решений, предпринятых руководством КНР, остановимся на основных этапах в области обеспечения интересов национальной безопасности в киберпространстве.

Так, ещё в 2000 г. Всекитайским собранием народных представителей было принято постановление по защите интернет-пространства, где были обозначены те области, в которых могут осуществляться нарушения, что ознаменовало первую попытку со стороны государства классифицировать возможные информационные угрозы и впоследствии разработать меры по обеспечению безопасности в этой сфере. В 2003 г. Канцелярия Центрального комитета Коммунистической партии Китая опубликовала Постановление государственной информатизированной руководящей группы по работе в области укрепления информационной безопасности. Документ закреплял за ответственными лицами обязанность по совершенствованию защиты важной и стратегической инфраструктуры, проведению мониторинга интернет-пространства на наличие возможных угроз для государства, а также предусматривал разработку мер для привлечения квалифицированных специалистов в области информационной безопасности [4, p. 158].

В 2006 г. была принята Государственная стратегия по развитию информатизации на период с 2006 по 2020 гг. В данном документе особое внимание обращено на значение информационных технологий для китайского общества [5]. Отмечается, что проблемы информационной безопасности остаются довольно заметными: на глобальном уровне компьютерные вирусы, онлайн-атаки, нежелательная почта, утечки в системе, кражи секретов в Интернете, ложная и вредная информация, онлайн-преступления и другие подобные проблемы становятся всё более заметными с каждым днём, если они не будут должным образом решены, они могут оказать пагубное влияние на экономическое и социальное развитие страны, а также на национальную безопасность. Кроме того, в документе определены стратегические направления развития информатизации в стране (в частности, информатизация национальной экономики, электронное правительство, создание развитой сетевой культуры, содействие социальной информатизации, создание комплексной информационной инфраструктуры, повышение конкурентоспособности информационной индустрии, создание национальной системы защиты информационной безопасности, повышение способности граждан использовать информационные технологии), стратегические планы развития информатизации в стране (в частности, планы электронной коммерции, планы обучения и подготовки граждан в области информационных связей, планы развития электронного правительства, планы эксплуатации и использования сетевых информационных ресурсов и планы по сокращению цифрового разрыва), обеспечительные меры (в частности, научные исследования в области информатизации и политических систем, меры финансового обеспечения, разработка специальных норм и технических стандартов, оптимизация управления интернетом, кадровое обеспечение, международное сотрудничество в области информатизации и др.).

Среди стратегических направлений информатизации в КНР особое внимание уделяется созданию национальной системы защиты информационной безопасности. В рамках обозначенного направления было заявлено о необходимости усиления национального потенциала защиты информации. Постановка данной цели предполагает решение ряда задач, связанных с отслеживанием, исследованием и освоением передовых теорий, новаторских технологий и тенденций развития в области международной информационной безопасности, а также с внимательным изучением практики обнаружения информационных угроз (обнаружение и исследование утечек и бэкдоров в технологиях и продуктах информационной безопасности) и основных технологий безопасности. Кроме того, возникает необходимость повышать потенциал основных средств и оборудования, стимулировать местное развитие технологий информационной безопасности. В целом и общем декларируется и продвигается идея создания информационной площадки для социализма с китайской спецификой, при которой будут обеспечены национальная кибербезопасность от внешних и внутренних угроз и суверенный интернет.

Противодействие киберугрозам также охватывается специальным законом КНР о борьбе с терроризмом, принятым 1 января 2016 г. Указанный закон регламентирует ряд специальных мер, направленных на ограничение прав и свобод, связанных с получением и распространением информации определённого содержания. В частности, это проявляется в установлении запрета на распространение взглядов и идей, которые противоречат официальной информации властей, во время чрезвычайной ситуации и контроля над интернетом, радио и телекоммуникациями в условиях ликвидации последствий совершённого террористического акта. Закон также ввёл государственную цензуру в сети Интернет посредством возложения на операторов связи и поставщиков услуг обязанностей по реализации системы мониторинга информационного контента с последующим сообщением специальным органам власти о такой информации в случае её обнаружения. Кроме того, закон также закрепляет за специальными органами власти полномочия по принятию технических мер по недопущению трансграничного распространения информации террористического или экстремистского характера в сети Интернет. При этом в отношении операторов связи и интернет-провайдеров законодательно установлены требования постоянного обеспечения китайских правоохранительных органов бэкдорами (специально созданный разработчиком дефект алгоритма, который позволяет получить несанкционированный доступ к данным или удалённому управлению операционной системой и компьютером в целом), а также получение одобрения на принятие новых криптографических решений [6].

Особое значение для национальной кибербезопасности страны играет Закон о кибербезопасности КНР (известный также как китайский Закон об интернет-безопасности), принятый Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 7 ноября 2016 г. и вступивший в силу 1 июня 2017 г. [7].

Рассматриваемый нормативно-правовой акт был принят для того, чтобы обеспечить сетевую безопасность, защитить суверенитет в киберпространстве, национальную безопасность и публичные интересы, права и интересы граждан, юридических лиц, а также содействовать здоровому развитию экономической и социальной информатизации. Предметная сфера закона охватывает создание, эксплуатацию, обслуживание и использование компьютерных сетей, а также надзор и управление безопасностью сетей на материковой территории КНР.

Правовой анализ рассматриваемого закона позволяет отметить основные новации, направленные на противодействие угрозам, которые могут подрывать национальный суверенитет в киберпространстве КНР.

Прежде всего в законе установлены общие обязательства для трёх категорий субъектов, к которым предъявляются особые требования по обеспечению информационной безопасности. К таковым субъектам относятся сетевые операторы (*network operators*), операторы критически важной информационной инфраструкту-

ры (critical information infrastructure operators, CII Operators) и поставщики сетевых продуктов и услуг. Сетевые операторы определяются как субъекты, которые владеют и управляют сетями или которые предоставляют сетевые услуги связи. Операторы критически важной информационной инфраструктуры (далее по тексту – операторы КИИ) являются разновидностью сетевых операторов, которые управляют объектами критически важной информационной инфраструктуры. К таковым операторам относят предприятия, которые осуществляют свою деятельность в сфере общественных коммуникаций, энергетики, транспорта, водоснабжения, финансов, государственной службы и электронного правительства. Другие компании также могут считаться операторами КИИ, если они имеют информационную инфраструктуру, составляющую основу национальной безопасности и экономики и обеспечивающую общественные интересы.

Общие обязанности в отношении вышеперечисленных субъектов закреплены в ст. ст. 21, 24, 25, 26, 28, 42 и 47 Закона о кибербезопасности КНР и охватывают требования по разработке внутренних правил управления безопасностью и операционных процедур; определению лиц, ответственных за кибербезопасность; внедрению технических мер для предотвращения кибератак; классификации собранных данных; резервному копированию и шифрованию всех важных данных; составлению специальных планов аварийного реагирования для инцидентов; принятию мер по сообщению об инцидентах в соответствующие отделы; своевременному устранению системных ошибок, компьютерных вирусов, сетевых атак, сетевых вторжений и других угроз безопасности; обеспечению технической поддержки и помощи органам общественной и национальной безопасности в целях обеспечения государственной безопасности и расследования преступлений; соблюдению соответствующих законов и правил при проведении аутентификации, тестировании и оценке рисков кибербезопасности; истребованию от пользователей предоставления достоверной идентификационной информации; уведомлению общественности об актуальных угрозах в сфере кибербезопасности (системные ошибки, компьютерные вирусы, сетевые атаки, сетевое вторжение); прекращению распространения информации, запрещённой законом или применяемыми правилами, а также принятию необходимых мер для обработки или удаления незаконной информации; принятию любых других мер, требуемых законом о кибербезопасности для защиты информации пользователей, и выполнению других обязанностей в соответствии с законом и административными регламентами.

Кроме того предъявляются и специальные требования как к операторам критически важной информационной инфраструктуры (операторы КИИ), так и к поставщикам сетевых продуктов и услуг.

В отношении операторов КИИ предъявлены дополнительные обязанности (ст. ст. 34–38 Закона кибербезопасности КНР), касающиеся: а) создания специаль-

ных органов управления безопасностью и проведения проверок в отношении лиц, занимающих ключевые должности, а равно отвечающих за управление безопасностью; б) обучения в области кибербезопасности, обеспечения технической поддержки и проведения на периодической основе оценки навыков сотрудников в обозначенной области; в) создания резервных копий для аварийного восстановления важных систем и базы данных; г) составления планов аварийного реагирования на инциденты и проведения учений на периодической основе; д) заключения соглашений о безопасности и конфиденциальности с сетевыми провайдерами для того, чтобы определить обязанности и ответственность при покупке сетевых продуктов или услуг; е) проведения постоянного мониторинга в целях определения рисков ухудшения состояния кибербезопасности с последующим представлением отчетов и предложений по улучшению работы отделов, отвечающих за охрану безопасности объектов критической информационной инфраструктуры.

В свою очередь, поставщики сетевых продуктов и услуг должны соблюдать обязательные нормативные требования. В частности, закон устанавливает запрет на установление вредоносных программ и возлагает на данных субъектов обязанности в принятии мер, направленных на информирование пользователей и уполномоченных структур об обнаружении в их продуктах и услугах недостатков и уязвимостей в сфере безопасности. Закон о кибербезопасности предусматривает обязательную сертификацию критического сетевого оборудования (маршрутизаторы, коммутаторы, PLC оборудование, телекоммуникационные стойки) и 11 специализированных продуктов кибербезопасности.

Нельзя не отметить и политику государства в установлении и совершенствовании стандартов сетевой безопасности. Так, в ст. 15 Закона о кибербезопасности КНР регламентирует, что административный департамент Государственного совета КНР по стандартизации и другие ведомства Государственного совета КНР исходя из своих предметных обязанностей принимают участие в организации разработки и своевременном пересмотре соответствующих национальных и отраслевых стандартов для управления сетевой безопасностью, а также для безопасности сетевых продуктов, услуг и операций. В самом общем виде стандарты охватывают минимальные требования к качеству защищенности шифрования, персональных данных, важной информации, безопасных и контролируемых продуктов и услуг, многоуровневых схем безопасности, объектов критически важной информационной инфраструктуры и трансграничной передаче данных [8].

Отдельно следует отметить меры административного реагирования в отношении специальных субъектов, ответственных за соблюдение требований Закона о кибербезопасности. Анализ ст. ст. 59–75 данного закона позволяет констатировать, что в зависимости от характера правонарушения предусмотрены дифференцированные меры административного реагирования: наложение обязанности на право-

нарушителя по принятию корректирующих мер, предупреждение, конфискация незаконных доходов, штрафы, приостановление операций, закрытие сайта, отзыв лицензии, арест. Кроме того, в соответствии со ст. 58 Закона о кибербезопасности за Государственным советом КНР и соответствующими органами власти провинций, автономных районов и муниципалитетов с одобрения Государственного совета закреплены полномочия по принятию временных мер в отношении сетевых коммуникаций в отдельных регионах. В сущности, закон закрепляет широкие полномочия за соответствующими надзирающими органами власти без должной их конкретизации. В специальной литературе отмечается, что в практическом аспекте такие полномочия могут быть связаны, например, с временным ограничением коммуникаций в сети Интернет, или же предполагается установление контроля над работой в сети определенных лиц [9].

Между тем следует отметить, что принятие Закона о кибербезопасности в целом является важной вехой в обеспечении состояния защищенности онлайн-коммуникаций и информационных ресурсов от современных и нарождающихся киберугроз, что является необходимым условием развития информационного общества и эффективного управления. Однако нельзя не признать и ряд аспектов, вызывающих нарекания с позиции вероятностей ущемления интересов третьих лиц. Прежде всего отдельные нормативные положения, регламентирующие возможность обращения с запросом о предоставлении исходного кода, алгоритма шифрования или другой важной информации для рассмотрения властями, создают риски потери этой информации, использования самими властями или передачи её конкурентам. Другое положение (ст. 28) требует, чтобы операторы сетей оказывали техническую поддержку органам государственной безопасности во время осуществления правомерных действий по обеспечению национальной безопасности и проведения уголовных расследований. Представляется, что такое требование предопределяет обеспокоенность в связи с тем, что иностранным технологическим компаниям, возможно, придется раскрыть интеллектуальную собственность или предоставить правительству доступ к бэкдору, чтобы продолжать вести бизнес в стране.

С критической стороны оценивается данный закон и в том плане, что для обеспечения локализации данных иностранные фирмы должны будут либо инвестировать средства в новые серверы данных в Китае, которые будут подвергаться государственным выборочным проверкам, либо нести новые расходы, чтобы нанять местного поставщика серверов (например, Huawei, Tencent или Alibaba), которые в последние годы затратили миллиарды на создание внутренних центров обработки данных. Значительные инвестиции этих китайских технологических компаний в последние годы являются одной из причин, по которой критики нового закона считают, что он частично призван укрепить внутреннюю китайскую индустрию управления данными и телекоммуникаций против глобальных конкурентов [10].

Многие нормы с позиции юридической техники носят абстрактный характер, что объясняется контекстной неопределённостью юридических предписаний и используемых терминов. Например, ст. 9 Закона о кибербезопасности регламентирует, что операторы сетей помимо соблюдения законов и административных правил должны следовать социальным нормам и соблюдать коммерческую этику, а также быть честными и заслуживающими доверие, выполнять обязательства по защите сетевой безопасности, принимать надзор со стороны правительства и общественности и нести социальную ответственность. Исходя из буквального прочтения данной нормы, становится совершенно не понятно, в чём собственно проявляется отличие законодательных и административных норм от социальных. В законе также отсутствует и какое-либо внятное определение социальной ответственности, при этом в главе 4 предусмотрены конкретные основания для привлечения субъектов к юридической ответственности. Сходным образом сформулирована правовая норма статьи 12 указанного закона, в которой, помимо прочего, закреплено, что любое лицо и организация, использующие сети, должны соблюдать законодательство, общественный порядок и уважать социальную мораль, а также они не должны ставить под угрозу безопасность сети и использовать сеть для осуществления деятельности, угрожающей национальной безопасности, национальной чести и интересам общества.

В заключение следует признать тот факт, что опыт Китая в обеспечении кибербезопасности охватывает последовательные шаги в направлении защиты национально-го суверенитета в киберпространстве, высшим проявлением чего стало принятие специального Закона о кибербезопасности в КНР. Среди положительных черт данного нормативного правового акта следует признать широкий характер регулятивного действия и наличие дифференцированного правового инструментария, используемого в целях обеспечения кибербезопасности. В то же время в законе также присутствуют нормы, вызывающие нарекания как в плане наличия дефектов юридической техники изложения нормативного материала, так и с позиции вероятного ущемления интересов третьих лиц. Подобные нормы в совокупности с расширенным пониманием общественного интереса и национальной безопасности предопределяют возможные риски вмешательства органов власти в информационно-коммуникационную инфраструктуру частных лиц и организаций, а равно проведение в их отношении расследования исходя из политических конъюнктурных соображений.

Список литературы

1. Encyclopedia of Big Data / ed. by L. A. Schintler, C. L. McNeely. – Springer International Publishing AG, 2018. – URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-32001-4_53-1.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
2. Фалеев, М. И. Кибербезопасность – неотъемлемый элемент современной государственной политики в области национальной безопасности / М. И. Фалеев,

С. Ю. Сардановский // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2016. – Т. 6, № 1 (10). – С. 48–54.

3. Borky, J. M. *Effective Model-Based Systems Engineering* / J. M. Borky, T. H. Bradley. – New York City : Springer International Publishing AG; part of Springer Nature, 2019. – 531 p.

4. Разумов, Е. А. Политика КНР по обеспечению кибербезопасности // Россия и АТР. – 2017. – № 4 (98). – С. 156–170.

5. 2006–2020 National informatization Development Strategy // China Copyright and Media. – URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2006/03/19/2006-2020-national-informatization-development-strategy/> (дата обращения: 20.02.2020).

6. China's new counter-terrorism law: implications and dangers for Tibetans and Uyghurs: a join report by the international campaign for Tibet and find. November 2016. – URL: <https://www.refworld.org/docid/582b119b4.html> (дата обращения: 20.02.2020).

7. Cybersecurity Law of the People's Republic of China (Draft) (Second Draft) // The American Chamber of Commerce in the People's Republic of China (AmCham China). – URL: <https://www.amchamchina.org/uploads/media/default/0001/05/b78e2db2b147c09b8430b6bd55f81bc8299ea50f.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).

8. How Chinese cybersecurity standards impact doing business in China // The Center for Strategic and International Studies (CSIS). – URL: <https://www.csis.org/analysis/how-chinese-cybersecurity-standards-impact-doing-business-china> (дата обращения: 20.02.2020).

9. Implementing China's Cybersecurity Law. August 2017. – URL: <https://www.jonesday.com/files/upload/Implementing%20Chinas%20Cybersecurity%20Law.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).

10. Wagner, J. China's Cybersecurity Law: what you need to know. The law, which comes into effect June 1, raises data protection concerns for foreign firms. // The Diplomat. – URL: <https://thediplomat.com/2017/06/chinas-cybersecurity-law-what-you-need-to-know/> (дата обращения: 20.02.2020).

References

1. Schintler L. A., McNeely C. L., eds. *Encyclopedia of Big Data*. Springer International Publishing AG. 2018. Available at: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-32001-4_53-1.pdf (accessed 20 February 2020).

2. Faleev M. I., Sardanovsky S. U. Kiberbezopasnost' – neot'emlemyi element sovremennoi gosudarstvennoi politiki v oblasti natsional'noi bezopasnosti [Cybersecurity – an integral element of modern state policy in the field of national security]. *Strategiya grazhdanskoi zashchity: problemy i issledovaniya*, 2016, vol. 6, no. 1 (10), pp. 48–54.

3. Borky J. M., Bradley T. H. *Effective Model-Based Systems Engineering*. New York City: Springer International Publishing AG, part of Springer Nature, 2019. 531 p.
4. Razumov E. A. Politika KNR po obespecheniyu kiberbezopasnosti [China's cyber security policy]. *Rossiya i ATR*, 2017, no. 4 (98), pp. 156–170.
5. *2006–2020 National Informatization Development Strategy*. China Copyright and Media. Available at: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2006/03/19/2006-2020-national-informatization-development-strategy/> (accessed 20 February 2020).
6. *China's new counter-terrorism law: implications and dangers for Tibetans and Uyghurs: a join report by the international campaign for Tibet and find. November 2016*. Available at: <https://www.refworld.org/docid/582b119b4.html> (accessed 20 February 2020).
7. *Cybersecurity Law of the People's Republic of China (Draft) (Second Draft)*. The American Chamber of Commerce in the People's Republic of China (AmCham China). Available at: <https://www.amchamchina.org/uploads/media/default/0001/05/b78e2db2b147c09b8430b6bd55f81bc8299ea50f.pdf> (accessed 20 February 2020).
8. *How Chinese Cybersecurity Standards Impact Doing Business In China*. The Center for Strategic and International Studies (CSIS). Available at: <https://www.csis.org/analysis/how-chinese-cybersecurity-standards-impact-doing-business-china> (accessed 20 February 2020).
9. *Implementing China's Cybersecurity Law*. August 2017. Available at: <https://www.jonesday.com/files/upload/Implementing%20Chinas%20Cybersecurity%20Law.pdf> (accessed 20 February 2020).
10. Wagner J. *China's Cybersecurity Law: What You Need to Know. The law, which comes into effect June 1, raises data protection concerns for foreign firms*. The Diplomat. Available at: <https://thediplomat.com/2017/06/chinas-cybersecurity-law-what-you-need-to-know/> (accessed 20 February 2020).

УДК 322:34(597)(09)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/131-141

Нгуен Шон Нам¹

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

E-mail: sonnamnguyen0212@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВЬЕТНАМЕ С 1945 Г. ПО 1975 Г.

Аннотация. В статье представлены важные данные в целях уточнения регулирования во Вьетнаме государственно-конфессиональных отношений в контексте создания новых государственных типов учреждений в истории Вьетнама. Чтобы прояснить эту правовую корректировку, автор поставил перед собой следующие три основные задачи: определить предпосылки для принятия законодательства о религии в течение указанного периода; проанализировать содержание законодательства о религии на протяжении всего этого исторического периода; выяснить значения этих правовых положений. Автор изучил все важные юридические документы, изданные государством по вопросам веры, вероисповедания и религии. Материалы исследования также основаны на работах западных и восточных авторов, пишущих о Вьетнаме в этот исторический период. Логические методы (анализ, синтез, абстракция) и исторический метод в юриспруденции являются основными методами, применяемыми автором в данном исследовании. Результаты исследования показали, что: (1) законодательство об отношениях между государством и религиозными организациями в период 1945–1975 гг. регулировалось во Вьетнаме ролью президента Хо Ши Мина в идее солидарности религии в блоке единства нации, практическим положением религии во Вьетнаме и правовой основой того времени; (2) содержание правового регулирования было упомянуто во Вьетнамских конституциях и Указе Президента № 234 от 14 июня 1955 г. о религиозных вопросах и соответствующих правовых документах с прогрессивными положениями о свободе вероисповедания и религии, правах и обязанностях государства и религиозных организаций в определённых областях об-

¹ Нгуен Шон Нам, аспирант, Юридический институт, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия.

Для цитирования: Нгуен Шон Нам. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений во Вьетнаме с 1945 г. по 1975 г. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 1. С. 131–141.

щественной жизни; (3) значение законодательства в данный период проявляется в создании механизмов для защиты права на свободу убеждений и религии, в создании модели светского государства, в пропаганде цивилизованного поведения в отношении религиозных вопросов и во вьетнамском законодательстве, направленном на модернизацию. Изучение государственно-конфессиональных отношений важно в процессе выработки политики в отношении религии в современный период, а также способствует прояснению процесса правового регулирования этих отношений в истории вьетнамского законодательства.

Ключевые слова: религия, вероисповедание, государство, отношение, государственно-конфессиональный, религиозная организация, регулирование, право, Вьетнам, история, культура, ценность, свобода, обеспечение, светское государство, религиозные вопросы, указ, конституция, поведение, период.

Nguyen Son Nam¹

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

E-mail: sonnamnguyen0212@gmail.com

LEGAL REGULATION OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN VIETNAM FROM 1945 TO 1975

Abstract. The paper presents important data to clarify the regulation of state-confessional relations in the context of the new state-type establishment in Vietnamese history. In order to elucidate this legal adjustment, the author has set out the following three basic tasks: identifying prerequisites for the enactment of the legislation on religion during this period; analyzing the content of the legislation on religion throughout this historical period; drawing out the values of these legal provisions. The author has studied all the significant legal documents issued by the state on the matters of belief, worship, and religion. Research materials are also based on the works of Western and Eastern authors writing about Vietnam in this historical period. Logical methods (analysis, synthesis, abstraction) and historical method in jurisprudence are the main methods used by the author in this study. The research results have illustrated that: (1) the legislation on relations between the state and religious organizations in the period of 1945–1975 was governed by the role of President Ho Chi Minh in the idea of solidarity religions in the unity bloc of the nation, the practical situation of religion in Vietnam and the legal basis at that time; (2) the content of the legal adjustment was mentioned in the Vietnamese constitutions and the Presidential Decree No. 234 on 14 June 1955 on religious issues and relevant legal documents with progressive provisions on the freedom

¹ Nguyen Son Nam, PhD Student, Law institute, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.
For citing: Nguyen Son Nam. Legal regulation of state-confessional relations in Vietnam from 1945 to 1975 // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No 1. P. 131–141.

of belief and religion, the rights and responsibilities of the state and religious organizations on specific areas of social life; (3) the value of the law in this period is evident in the establishment of mechanisms to protect the right to freedom of belief and religion, to build a secular state model, to promote civilized behaviors in respect of religious matters and to bring Vietnamese law in the direction of modernization. The study of state-confessional relations is important in the process of developing a policy regarding religion in the modern period, and also helps to clarify the process of legal regulation of these relations in the history of Vietnamese legislation.

Keywords: religion, belief, state, relation, state-confessional, religious organization, regulation, law, Vietnam, history, culture, value, freedom, provision, secular state, religious issues, decree, constitution, behavior, period.

Введение

Взаимоотношения государства и религиозных организаций в так называемых государственно-конфессиональных отношениях привлекают внимание исследователей в контексте происходящей в настоящее время тенденции к секуляризации. В случае с Вьетнамом исторический период с 1945 г. по 1975 г. предоставил важные и убедительные данные для изучения правовых норм государственно-конфессиональных отношений. Государственно-конфессиональные отношения являются важными типами отношений в обществе из-за их чувствительности к политическим связям. Фактически, вьетнамская история была свидетелем взлётов и падений в государственно-конфессиональных отношениях. Период 1945–1975 гг. был чрезвычайно трудным для вьетнамской нации. В свете Октябрьской революции 1917 г. президент Хо Ши Мин объявил Демократическую Республику Вьетнам 2 сентября 1945 г. С тех пор вьетнамскому народу пришлось сражаться с французскими колонизаторами и американскими империалистами, с помощью заговора вторгшимися во Вьетнам. Однако в сложной ситуации, вызванной войной, закон о вере и религии молодого государства – Демократической Республики Вьетнам – всё ещё создавал прочную основу. Ценности, предусмотренные в законах о вере и религии этого периода, имели большое значение. В задачи данного исследования входит рассмотрение ключевых моментов вьетнамского закона о регулировании вьетнамским государством государственно-конфессиональных отношений с 1945 г. по 1975 г. и оценка их важности на современном этапе развития государства.

Предпосылки для принятия законодательства о религии в период 1945–1975 гг.

- Субъективные факторы

1945 год открыл новую эру для вьетнамской нации. Победа в августовской революции 19 августа 1945 г. привела к рождению нового типа государства, перво-

го народного демократического государства в Юго-Восточной Азии – Демократической Республики Вьетнам. Как правовое государство Народный парламент и правительство Демократической Республики Вьетнам выступили с инициативой по разработке и принятию законов для управления обществом. В частности, роль президента Хо Ши Мина была чётко выражена и соответствовала тому, что было сформулировано, процитировано и разработано на основе ценностей прогрессивных идеологий в сфере прав человека в результате демократических революций в Декларации независимости 1945 г. Таким образом, на законодательство о вере и праве на религию во Вьетнаме прежде всего повлияли такие субъективные факторы, как деятельность вьетнамского государства и роль президента Хо Ши Мина.

Правительственным комитетом по делам религий Социалистической Республики Вьетнам после Национального дня были проведены многие мероприятия, связанные с решением религиозных вопросов. 3 сентября 1945 г., на следующий день после провозглашения независимости Демократической Республики Вьетнам, президент Хо Ши Мин председательствовал на первом заседании правительственного совета. В ходе этой встречи президент Хо Ши Мин поднял шесть неотложных вопросов, требующих решения. Третий вопрос: «Все 18-летние граждане имеют право баллотироваться на выборах и голосовать независимо от их богатства, убеждений и происхождения» [8, с. 9]. Шестой из них был такой: «Обеспечить свободу следовать или не следовать религии и содействовать единству религиозных и нерелигиозных людей» [8, с. 9]. Среди многих важных заседаний правительства в сентябре 1945 г. было 4 сессии по религиозным вопросам [10].

Президент Хо Ши Мин заявил: «Феодальные колонисты проводили политику разделения народа, исповадавшего католицизм, и соотечественников, чтобы облегчить господство; я предлагаю нашему правительству провозгласить свободу вероисповедания и религиозную солидарность» [8, с. 9]. Основное содержание мыслей Хо Ши Мина о вере и религии включает в себе религиозное единство и национальное согласие, взаимное уважение и гарантию свободы следовать или не следовать вере и религии. Хо Ши Мин сказал: «Силы всей нашей нации – наша самая большая сила. Никто не может победить их» [8, с. 20].

- Объективные факторы

С 1945 г. религиозная ситуация во Вьетнаме изменилась. Наряду с развитием экзотических религий (католицизм, буддизм, ислам, протестантизм) во Вьетнаме начали активно действовать такие эндогенные религии, как Каодай (1927) и Хоахао буддизм (1939). Религиозное разнообразие стало очевидным во Вьетнаме, когда сосуществовали и развивались как восточные, так и западные религии. Это религиозное разнообразие требовало от государства наличия соответствующих правовых норм. Цель состояла в том, чтобы предотвратить конфликты и потенциальные угрозы социуму, как в предыдущий исторический период, а именно на этапе с XVI века до 1945 г. [2].

Культурные связи Вьетнама с Советским Союзом и влияние Октябрьской революции, произошедшей в России, принесли вьетнамскому обществу новые изменения. Это способствовало продвижению идей равенства и свободы для всех вьетнамских трудящихся, включая свободу совести и вероисповедания. Путь к социализму упоминался как истина для угнетённых и эксплуатируемых народов в их стремлении к независимости, свободе и счастью [5]. Таким образом, новая правовая система государства (во главе с трудящимися Вьетнама) столкнулась с требованиями защищать свободу и демократию большинства, которая не применялась при прежних колониальных и феодальных режимах.

В то время правовая основа Вьетнама была в основном под влиянием французского законодательства. Юридическая наука Вьетнама, важный фактор в правовой культуре Вьетнама, повлияла на французскую юридическую науку. После августовской революции 1945 г., в отсутствие новых законов, правительство Вьетнама разрешило применение правил французского режима, за исключением тех, которые противоречили свободе и независимости Демократической Республики Вьетнам. Вьетнамские юристы, прошедшие подготовку во французских юридических школах, сыграли важную роль в разработке Конституции 1946 г. и других важных правовых документов для вьетнамского государства. Вьетнамская конституция 1946 г. кристаллизовала сущность буржуазной конституции, особенно первых конституций Французской Республики [4].

Содержание законодательства о религии на протяжении исторического периода - Конституции

Период с 1945 г. по 1975 г. стал свидетелем рождения первых двух конституций Вьетнама: Конституции 1946 г. и Конституции 1959 г. В обеих конституциях признавалось, что основным содержанием государственно-конфессиональных отношений была свобода вероисповедания. Поведение государства по отношению к религиозным вопросам в целом и религиозным организациям, в частности, должно основываться на принципе обеспечения «свободы убеждений» [6]¹ или «свободы убеждений и свободы следовать или не следовать религии» [7]².

¹ В 1946 г. первая Конституция Демократической Республики Вьетнам утвердила право на свободу вероисповедания в качестве одного из пяти основных гражданских прав. Эти права закреплены в Статье 10, главе II (Основные права и обязанности граждан), и определены как «право на свободу обсуждать, публиковать, организовывать и собирать, свободу убеждений и свободу передвижения внутри страны и за пределами страны».

² 31 декабря 1959 г. Национальное собрание Демократической Республики Вьетнам на основе содержания Конституции 1946 г. утвердило Конституцию 1959 г. с таким чётким заявлением в статье 26 главы III (Основные права и обязанности граждан): «Граждане Демократической Республики Вьетнам имеют право на свободу убеждений и свободу следовать или не следовать религии».

- Указ Президента № 234 от 14 июня 1955 г. о религиозных вопросах и соответствующих правовых документах

После обретения независимости законодательный орган Вьетнама был сосредоточен на четырёх группах вопросов [4]: (1) создание и укрепление государственного аппарата; (2) организация и функционирование судебной системы; (3) организация и функционирование национальных сил обороны и безопасности; (4) организация гражданской жизни, экономической жизни, культурной жизни, общественной жизни и образования. В рамках четвёртой группы правительство и президент выпустили множество документов, регулирующих религиозные вопросы: Указ № 35 от 20 сентября 1945 г. об уважении к пагодам и религиозным гробницам и их неприступности; Указ № 65 от 23 ноября 1945 г. о сохранении древних реликвий; Указ № 22 от 18 декабря 1945 г. о назначении новогодних и исторических и религиозных праздников; Указ № 16 от 1949 г. о земельных и сельскохозяйственных налогах для религий; Указ премьер-министра № 315 от 4 октября 1953 г. о политике в области религии; Указ Президента № 234 от 14 июня 1955 г. по вопросам религии; Циркуляр № 593 от 10 марта 1957 г. о руководящих принципах для школ и религиозных классов; Циркуляр № 51 от 31 мая 1958 г. о руководящих принципах осуществления законов и указов об ассоциациях и собраниях по вопросам религии; Указ № 03 от 18 июня 1957 г. о праве на свободу публикаций, который предусматривает публикацию религиозных текстов и книг; Указ Президента № 102 от 20 мая 1957 г. о праве на объединение, который предусматривает создание религиозных объединений.

В частности, наиболее важным юридическим текстом этого периода является президентский указ № 234 от 14 июня 1955 г. по религиозным вопросам. Этот документ родился в чрезвычайно сложном контексте вьетнамского общества: «На Севере религиозные организации, которые участвовали во Фронте Отечества во Вьетнаме под контролем государства, внесли большой позитивный вклад в построение социализма и борьбу за освобождение Юга, чтобы объединить страну. Кроме того, некоторые реакционные элементы, которые воспользовались религией, осуществили много антигосударственных действий: вынуждали католиков эмигрировать на юг, вызывая небезопасность в религиозных районах, подстрекать последователей против руководящих принципов создания кооперативов в сельском хозяйстве, искажая и руководящие принципы, и политику партии и государства. На юге ряд религий были использованы для поддержки войны» [9].

В дополнение к утверждению своих основополагающих принципов религии в Конституции 1946 г. государство Вьетнам закрепило право на свободу веры и религии в правовых документах и процедурах, регулирующих религиозные вопросы. 14 июня 1955 г. президент Хо Ши Мин подписал и обнародовал Указ № 234 по религиозным вопросам. В Указе № 234 по вопросам религии первая глава называется «Гарантия права на свободу веры и религии»:

1) «Правительство гарантирует право на свободу вероисповедания своих граждан. Никому не разрешается нарушать это право. Любой вьетнамский гражданин имеет право верить или не исповедовать никакую религию. Члены религиозных орденов могут свободно проповедовать в религиозных учреждениях (таких как церкви, пагоды, монастыри, религиозные школы и т.д.). При проповеди и распространении религии лидеры религиозных общин обязаны обучать своих последователей патриотизму, разъяснять обязанности граждан и подчёркивать важность уважения демократической и правовой власти Демократической Республики Вьетнам.

2) Члены религиозных орденов и их последователи имеют равные права на каждое право гражданина и должны выполнять все обязанности гражданина.

3) Иностранцы, которые являются членами религиозных орденов и которые получают разрешение от правительства Демократической Республики Вьетнам, могут проповедовать так же, как вьетнамские члены религиозных орденов; они должны соблюдать законы Демократической Республики Вьетнам, как и другие иностранцы.

4) Религиозные организации могут публиковать и распространять документы и книги религиозного содержания, но они должны соблюдать законы об издании правительства Демократической Республики Вьетнам.

5) Религиозные организации могут открывать школы для обучения своих религиозных специалистов.

6) Церкви, храмы предков, пагоды, храмы, предметы культа, используемые в богослужениях, школы религиозного обучения – все защищены законом.

7) Закон накажет любого, кто пользуется религией, чтобы подорвать мир, единство, независимость и демократию, защищает войну или разрушение национального единства, не позволяет верующим выполнять свои обязанности как гражданам, посягает на свободу веры и свободу мысли о других людях или осуществление незаконных действий».

Указ № 234 содержит подробные положения, касающиеся экономической, культурной и социальной деятельности религий. Он регулировал земельные вопросы религиозных организаций, а также отношения между местными органами власти и религиозными организациями. Впервые было упомянуто о государственных отношениях с религиозными организациями. Его содержание подчёркивает следующее:

а) Правительство не вмешивается в религию. Что касается католических вопросов, религиозные отношения между вьетнамской католической церковью и римским Святым Престолом являются внутренним вопросом религии. Правительство не вмешивалось.

б) Свобода веры и свобода вероисповедания – это право народа. Правительство Демократической Республики Вьетнам всегда уважает это право.

Значение законодательства в историческом периоде

Первая ценность законодательства в этот период очевидна в создании механизмов для защиты права на свободу вероисповедания и религии. Основным моментом состоит в том, что вьетнамское государство достигло двух важных положений: признание свободы религиозных убеждений и первоначальное рассмотрение защиты этого права по закону. Правовые корректировки в этот период свидетельствовали о том, что в государстве – верховенство права. Это было «первым кирпичиком» на пути к религиозному праву граждан, что является основой будущего развития.

Второй ценностью данного правового периода является установление основных положений светского образца государственного строительства во Вьетнаме. Относительно этого вопроса профессор До Куанг Хунг писал: «Можно сказать, что Указом № 234 от 14.06.1955 г., изданным президентом Хо Ши Мином, подписанным в Ханое от имени правительства Демократической Республики Вьетнам, фактически была заложена основа для построения модели светского государства во Вьетнаме» [1]. Теоретически, во Вьетнаме были установлены два основных принципа секуляризма. Принцип «разделения» и принцип «равенства» с этого момента существовали повсеместно и постоянно совершенствовались во вьетнамской правовой системе религии в сочетании с правовыми положениями.

Третья ценность заключалась в поощрении цивилизованного поведения в государственно-конфессиональных вопросах. Процесс составления юридических документов, как правило, ориентировался на Указ № 234 от 14 июня 1955 г., имел прогрессивную и демократическую законодательную ценность из-за сбора мнений масс о его основных принципах. Содержание правовых документов в этот период отражает цивилизованное поведение государства по отношению к государственно-конфессиональным отношениям: обеспечение права на свободу вероисповедания; проведение солидарности между религиозными и нерелигиозными людьми; уважение и защита религиозных объектов; содействие религиозной деятельности. Таким образом, произошло гуманное, демократическое признание прав и обязанностей обеих сторон в отношениях между государством и религиозными организациями. Вышеупомянутые правовые положения вызывали патриотизм и осознание ответственности всего общества и всех граждан, и граждане подтверждали, что «свобода вероисповедания является правом человека». Легко заметить, что особенность вьетнамского права – это связь между патриотизмом и ответственностью каждой организации в обществе, включая религиозные организации.

Четвёртая важная ценность этого правового периода – модернизация вьетнамского законодательства. Социологический фактор, показанный в законодательстве этого периода, был специфичен благодаря тому, что законодательство о государственно-конфессиональных отношениях решило насущные требования обще-

ства объединить в великой войне всю нацию вьетнамского народа. В то же время законодательство в этот период также способствовало открытию новой эры в поведении правового государства с религиозными вопросами – прозрачности и конкретизации положений государства с религиозными организациями на светских принципах. В дополнение к Конституции в государстве было издано множество указов и циркуляров, регулирующих религиозную деятельность религиозных организаций и отдельных лиц. В законодательстве этого периода было принято много новых положений, таких как положение об образовательной, издательской, культурной и социальной деятельности; о правах и обязанностях верующих и религиозных деятелей в религиозной деятельности; об отношениях между народной администрацией и религиозными организациями; о религиозной деятельности иностранных элементов. Многие нормативные акты всё ещё соответствуют реальности религиозной жизни и продолжают передаваться по наследству.

Заключение

Период 1945–1975 гг. ознаменовался рождением и созреванием нового государства во Вьетнаме. Демократическая Республика Вьетнам разработала прогрессивные правовые положения о правовом регулировании государственно-конфессиональных отношений. Эти правовые положения обеспечивают первоначальные ценности и становятся основой для вьетнамского законодательства в сфере правового регулирования государственно-конфессиональных отношений.

Список литературы

1. Do Quang Hung. Recognition of religious organizations – a comparative approach: the case of Vietnam. – URL: <http://www.vjol.info/index.php/RSREV/article/viewArticle/1305> (дата обращения: 02.02.2020).
2. Nguyen Son Nam. The state-religious relationship in Vietnam: A socio-legal analysis. – URL: <http://dpi-proceedings.com/index.php/dtssehs/search/authors/view?firstName=SON%20NAM&middleName=&lastName=NGUYEN&affiliation=&country=> (дата обращения: 02.03.2020).
3. Pham Huu Nghi. Looking back on the development of the law in Vietnam from 1945 to the present. – URL: http://www.hids.hochiminhcity.gov.vn/c/document_library/get_file?uuid=d78928d8-4a81-414f-914c-57a1fa900e24&groupId=13025 (дата обращения: 02.02.2020)
4. Thai Vinh Thang. French legal culture and its influence in Vietnam. – URL: <https://thongtinphapluatdansu.edu.vn/2009/07/25/3404/> (дата обращения: 02.02.2020).
5. Declaration of Independence of the Democratic Republic of Vietnam. – URL: <http://historymatters.gmu.edu/d/5139/> (дата обращения: 02.02.2020).

6. Конституция Вьетнама 1946 г. – URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-1946-Viet-Nam-Dan-Chu-Cong-Hoa-36134.aspx> (дата обращения: 02.02.2020). – Вьет.

7. Конституция Вьетнама 1959 г. – URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-1959-Viet-Nam-Dan-Chu-Cong-Hoa-36855.aspx> (дата обращения: 02.02.2020). – Вьет.

8. Хо Ши Мин: Собрание сочинений / Хо Ши Мин. – Ханой : Национальный политический издательский дом, 1995. – Т. 4. – 1158 с. – Вьет.

9. Обзор процесса формирования и развития закона о религии во Вьетнаме с 1954–1975 гг. – URL: http://btgcp.gov.vn/Plus.aspx/vi/News/38/0/240/0/1707/Khai_quat_qua_trinh_hinh_thanh_va_phat_trien_cua_phap_luat_ve_ton_giao_o_Viet_Nam_giai_doan_tu_nam (дата обращения: 02.02.2020). – Вьет.

10. Религия и политика в отношении религии во Вьетнаме / Правительственный комитет по делам религий Социалистической Республики Вьетнам. – Ханой : Правда, 2006. – 95 с.

References

1. Do Quang Hung. *Recognition of Religious Organizations – A Comparative Approach: the Case of Vietnam*. Available at: <http://www.vjol.info/index.php/RSREV/article/viewArticle/1305> (accessed 02 February 2020).

2. Nguyen Son Nam. *The State-Religious Relationship in Vietnam: A Socio-Legal Analysis*. Available at: <http://dpi-proceedings.com/index.php/dtssehs/search/authors/view?firstName=SON%20NAM&middleName=&lastName=NGUYEN&affiliation=&country=> (accessed 02 February 2020).

3. Pham Huu Nghi. *Looking back on the development of the law in Vietnam from 1945 to the present*. Available at: http://www.hids.hochiminhcity.gov.vn/c/document_library/get_file?uuid=d78928d8-4a81-414f-914c-57a1fa900e24&groupId=13025 (accessed 02 February 2020).

4. Thai Vinh Thang. *French legal culture and its influence in Vietnam*. Available at: <https://thongtinphapluatdansu.edu.vn/2009/07/25/3404/> (accessed 02 February 2020).

5. *Declaration of Independence of the Democratic Republic of Vietnam*. Available at: <http://historymatters.gmu.edu/d/5139/> (accessed 02 February 2020).

6. *Constitution of Vietnam 1946*. Available at: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-1946-Viet-Nam-Dan-Chu-Cong-Hoa-36134.aspx> (accessed 02 February 2020). (In Vietnamese).

7. *Constitution of Vietnam 1959*. Available at: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-1959-Viet-Nam-Dan-Chu-Cong-Hoa-36855.aspx> (accessed 02 February 2020). (In Vietnamese).

8. Ho Chi Minh: *Collected Works*. Hanoi: National Political Publishing House, 1995. Vol. 4. 1158 p. (In Vietnamese).

9. *Overview of the process of formation and development of the law on religion in Vietnam from 1954–1975*. Available at: http://btgcp.gov.vn/Plus.aspx/vi/News/38/0/240/0/1707/Khai_quat_qua_trinh_hinh_thanh_va_phat_trien_cua_phap_luat_ve_ton_giao_o_Viet_Nam_giai_doan_tu_nam (accessed 02 February 2020). (In Vietnamese)

10. *Religion and politics regarding religion in Vietnam*. Government Committee on Religious Affairs of the Socialist Republic of Vietnam. Hanoi: Truth Publishing House, 2006. 95 p.

УДК 343.34(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/142-153

Ю. В. Надточий¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: nadtochiy.yuv@dvfu.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПЕНАЛИЗАЦИИ И ДЕПЕНАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В представленной научной работе анализируются все изменения санкций норм главы 26 УК РФ «Экологические преступления», внесённые законодателем с момента принятия действующего уголовного кодекса Российской Федерации по настоящее время, а также изменения медианы санкций по наиболее строгому виду наказания – лишению свободы на определённый срок – в каждой части каждой статьи составов рассматриваемых преступлений. Проведённое по данной методике исследование позволило наглядно продемонстрировать изменения оценки законодателем степени общественной опасности конкретных экологических преступлений на протяжении всего периода действия УК РФ, выявить расхождения в её оценке между смежными составами, а также в соотношении основного и квалифицированного составов. Кроме того, сделан вывод о том, что, несмотря на общую тенденцию к гуманизации и ослаблению уголовной репрессии, на сегодняшний день в рассматриваемой сфере наблюдается перевес пенализационных процессов над депенализационными, за счёт повышенного законодательного интереса к так называемым составам браконьерства.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, пенализация, депенализация, экологическая безопасность, экологические преступления, наказуемость, санкция, уголовный кодекс, общественная опасность, составы преступлений, глава 26 УК РФ.

¹ Юлия Викторовна Надточий, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Надточий Ю. В. Основные тенденции уголовно-правовой политики России в сфере экологической безопасности: проблемы пенализации и депенализации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 1. С. 142–153.

Julia V. Nadtochiy¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: nadtochiy.yuv@dvfu.ru

**MAIN TRENDS IN THE CRIMINAL LAW POLICY
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ENVIRONMENTAL SAFETY:
THE PROBLEMS OF PENALIZATION AND DEPENALIZATION**

Abstract. The present research work reviews all changes in the sanctions of the norms of Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation “Environmental Crimes”, introduced by the legislator from the moment of adoption of the current criminal code of the Russian Federation until the present time, as well as the changes in the median of sanctions for the most severe form of punishment – imprisonment for a fixed term in each part of each article that constitutes the crimes under consideration. The study that was carried out by using this methodology made it possible to clearly demonstrate the changes in the legislator’s assessment of the degree of public danger of specific environmental crimes throughout the entire period of the Criminal Code of the Russian Federation, to reveal the discrepancies in its assessment between adjacent structures, as well as in the ratio of basic and qualified personnel. In addition, it was concluded that, despite the general trend towards humanization and the weakening of criminal repression, today in the area under consideration there is a preponderance of penalization processes over the depenalization ones, due to the increased legislative interest in the so-called poaching compositions.

Keywords: criminal law policy, penalization, depenalization, environmental safety, environmental crimes, punishability, sanction, criminal code, public danger, corpus delicti, chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Говоря об уголовно-правовой политике России в целом, отметим, что, по справедливому мнению большинства отечественных правоведов, она на глазах регрессирует и находится в стадии кризиса, её состояние на сегодняшний день характеризуется наличием отдельных идей, неких векторов в развитии стратегии и тактики борьбы с преступностью, спонтанно возникающих директив, которые исходят от властных структур и весьма противоречиво и непоследовательно реализуются в

¹ Julia V. Nadtochiy, PhD, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Nadtochiy J. V. Main trends in the criminal law policy of the Russian Federation in environmental safety: problems of penalization and depenalization // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No 1. P. 142–153.

действительности; десистематизацией уголовного закона, которые стали результатом бесконечной череды изменений и дополнений, внесённых законодателем в Уголовный кодекс (УК) РФ [1, с. 247; 2, с. 234]. Не является исключением и политика в сфере экологической безопасности.

Особенно наглядны изъяны уголовно-правовой политики именно в сфере законотворчества. С тем, чтобы убедиться, что это действительно так, мы проследили и проанализировали пенализационные и депенализационные процессы, благодаря которым репрессия должна постоянно приводиться в соответствие с реалиями социальной действительности, адекватно отражать в себе характер и степень общественной опасности совершаемых преступлений.

Не замахиваясь на уголовно-правовую политику в целом, мы коснулись лишь сферы экологической безопасности и, соответственно, нашему пристальному вниманию подверглись санкции статей гл. 26 «Экологические преступления» Особенной части действующего УК РФ в каждой его редакции (начиная с первоначальной до настоящего времени). Мы также рассчитали медиану санкций по такому виду наказания, как лишение свободы на определённый срок, по каждой части каждой статьи рассматриваемых преступлений по всем редакциям УК РФ, которая рассчитывалась как среднее арифметическое между нижним и верхним пределами санкции статьи.

Отметим, что целью исследования было выявление соразмерности изменения меры наказания в преступлениях различной степени общественной опасности, наглядная демонстрация изменения оценки законодателем степени общественной опасности конкретных экологических преступлений, а также соотношения медианы санкций основного и квалифицированного составов.

Для целей исследования мы разделили все экологические преступления, находящиеся в главе 26 УК РФ, на группы согласно общепризнанной классификации деления их по признаку объекта посягательства – на общие, т.е. посягающие на окружающую среду в целом, и специальные, т.е. посягающие на отдельные компоненты природной среды. Примечательно то, что тенденции в этих группах оказались различными, а точнее – прямо противоположными, в чём мы далее убедимся.

Итак, среди общих экологических преступлений, куда традиционно относятся ст.ст. 246–249 УК РФ, прослеживается тенденция ослабления уголовной репрессии, наблюдается преобладание депенализационных процессов над пенализационными, которые начались с 2003 г. (34 случая депенализации на 6 случаев пенализации за весь период действия УК РФ 1996 г.).

Основные, так сказать, показательные, «пиковые» годы, где наблюдалась большая интенсивность депенализационных процессов, это 2003 г. [3; 4], когда, как известно, штрафы были переведены из МРОТ в абсолютные цифры, что привело к изменениям всех санкций статей Особенной части УК РФ, в том числе и гл. 26 (14 фактов депенализации на 1 – пенализации), и 2011 г., когда проводилась ре-

форма системы наказаний, направленная на либерализацию уголовного законодательства, в результате которой практически повсеместно были убраны нижние пределы наказаний в виде лишения свободы в санкциях основных составов преступлений Особенной части УК РФ [4], который, далее, ознаменовался включением в систему наказаний (ст. 44 УК РФ) нового вида наказания – принудительные работы и, как следствие, добавлением его в санкции отдельных статей Особенной части УК РФ в качестве одного из альтернативных видов наказаний [5], что не обошлось вниманием и санкции статей экологических преступлений и привело к смягчению их наказуемости (14 фактов депенализации на 5 – пенализации). Отметим, что обозначенные процессы коснулись и иных составов экологических преступлений, однако в ряде случаев это нивелировалось за счёт одновременных изменений санкций в сторону усиления наказаний, т.е. пенализации, о чём будет сказано далее.

Данная тенденция подтверждается и показателями медианы санкций рассматриваемых норм. Так, по ст.ст. 248, 249 УК РФ в 2003 г. произошло уменьшение этих показателей в обеих частях, т.е. как по основным, так и по квалифицированным составам. При этом в ст. 248 УК РФ сокращение по ч. 2 (квалифицированный состав) оказалось более значительным – на 1 г. и 6 мес., чем по ч. 1 (основному составу) – всего на 6 мес., в результате чего разрыв в законодательной оценке степени общественной опасности между основным и квалифицированным составами существенно сократился. Что же касается ст. 249 УК РФ, то тенденция гуманизации привела к тому, что в том же 2003 г. из ч. 2 вообще исключен такой вид наказания, как лишение свободы, что совершенно не поддается никакой логике, ведь в ч. 1 речь идёт о нарушении ветеринарных правил, а в ч. 2 – о нарушении правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (т.е. в первом случае страдает животный мир, а во втором – растительный), при этом и в том, и в другом случае для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо наличие тяжких последствий, понятие которых в УК РФ не раскрывается, а соответственно является оценочным. Как разъясняется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», это могут быть, в частности, такое ухудшение качества окружающей среды и её компонентов, устранение которого требует длительного времени и больших финансовых затрат, массовые заболевания или уничтожение объектов животного и растительного мира, повлекшее существенное сокращение численности (биомассы) указанных объектов и т. п. [6]. Соответственно данные законодательные коррективы нам представляются необоснованными.

В санкции ст. 247 УК РФ снижение медианы произошло чуть позже, в 2011 г., и лишь по ч. 3 (особо квалифицированный состав), предусматривающей причинение по неосторожности смерти человеку или массовое заболевание людей,

и тем самым также сокращён разрыв в степени общественной опасности квалифицированного и особо квалифицированного составов, а вот санкция ст. 246 УК РФ в части лишения свободы осталась неизменной.

К этой группе мы отнесли и ст. 262 УК РФ «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов», относительно которой в теории уголовного права нет однозначной позиции. Ряд учёных предлагают считать этот состав общим [см., например: 7, с. 47–48; 8, с. 8–9], другие – специальным [см., например: 9, с. 534]. Мы посчитали целесообразным рассмотреть его в группе общих экологических преступлений, так как нарушение режима, о котором идёт речь в диспозиции нормы, может затронуть любой компонент природной среды и, соответственно, причинить ему ущерб, тем более что законодатель данному составу уделяет не слишком большое внимание, ведь за всю историю существования и действия УК РФ санкция статьи менялась лишь 4 раза в рамках общей реформы системы наказаний (к слову сказать, диспозиция не менялась вообще), при этом нами зафиксировано два акта пенализации (2003 и 2011 гг.) и два – депенализации (2010 и 2011 гг.), медиана же всё это время оставалась стабильной.

Далее перейдём к специальным экологическим преступлениям – ст. ст. 250–261 УК РФ. Это довольно большая группа, внутри которой обычно выделяют подгруппы в зависимости от непосредственного объекта и вида предмета посягательства. Большинство специалистов (хотя здесь нет единства мнений) предлагают выделять преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны земли и недр; преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны животного мира; преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны растительного мира; преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны вод и атмосферы.

С учётом специфики нашего исследования мы укрупнили группы, сформировав два блока, в зависимости от непосредственного объекта, предмета и способа посягательства, а именно:

- преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны земли, недр, вод и атмосферы, связанные с загрязнением этих природных объектов (ст. ст. 250–252, 254, 255 УК РФ);

- преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны животного и растительного мира, связанные с изъятием или уничтожением живых ресурсов (ст. 253, ст. ст. 256–261 УК РФ).

Относительно ст. 253 УК РФ «Нарушение законодательства РФ о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне РФ» следует сделать оговорку. Несмотря на то, что в ч. 1 обозначенной статьи речь идёт о различных видах незаконной хозяйственной деятельности на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне РФ, а не о вреде животным и растениям, мы считаем нецелесооб-

разным разбивать данный состав на части и рассматривать в разных группах, как это предлагается учёными. Мы его отнесли ко второму блоку, так как, по нашему мнению, всю статью следует рассматривать как единое целое, тем более, что ч. 3 (квалифицированный состав), введённая в УК РФ в 2018 г., распространяет своё действие на обе части, а практически вся практика, имеющаяся по данной статье, как раз касается разработки и добычи природных ресурсов континентального шельфа и исключительной экономической зоны РФ (ч. 2). Относительно же ч. 1 ведутся бурные дискуссии, касательно её «экологичности» и места нахождения в рассматриваемой главе, но это уже выходит за рамки нашего исследования.

Итак, что касается преступлений, посягающих на общественные отношения в области охраны земли, недр, вод и атмосферы, связанных с загрязнением этих природных объектов (ст. ст. 250–252, 254, 255 УК РФ), то здесь наблюдаются тенденции, схожие с первой группой (общими экологическими преступлениями), а именно преобладание депенализационных процессов над пенализационными, основная масса которых пришлась как раз на обозначенный выше 2011 г. (33 против 16) и снижение медианы санкций во всех составах. При этом такое снижение произошло лишь единожды в 2003 г. по всем квалифицированным и особо квалифицированным составам всех статей и в равных пропорциях – на 6 мес. в частях вторых и на 11 мес. в частях третьих, что безусловно является позитивным моментом, ведь все обозначенные составы имеют схожие квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, в частности вред здоровью человека и природным ресурсам, причинение по неосторожности смерти потерпевшему, а соответственно и степень их общественной опасности равна. Что же касается основных составов, то в них всё осталось без изменений, так как такой вид наказания, как лишение свободы, в них не фигурирует и не фигурировал вовсе. Исключение в данной группе составляет ст. 255 УК РФ «Нарушение правил охраны и использования недр», которая не имеет квалифицированных составов и где отмечено равенство рассматриваемых процессов (по два акта пенализации и депенализации) и стабильность медианы в связи с отсутствием в санкции лишения свободы как вида наказания.

Далее мы переходим к наиболее интересным и самым применяемым на практике преступлениям, посягающим на общественные отношения в области охраны животного и растительного мира, связанным с изъятием или уничтожением живых ресурсов (ст. 253, ст. ст. 256–261 УК РФ). И здесь уже картина кардинально меняется на прямо противоположную.

Мы видим общую тенденцию на усиление уголовной репрессии, т.е. в данной группе значительно преобладают процессы пенализации над депенализацией (104 против 46). При этом лидером в рассматриваемых процессах является ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений», где зафиксировано 34 случая пенализации и 11 – депенализации. Что интересно, всего в санкцию статьи вносились из-

менения 17 раз, шестью законами, так же, как и в санкцию ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча водных биологических ресурсов», однако самих актов пенализации в ней практически в два раза больше.

Стоит обозначить, что основная интенсивность пенализационных процессов здесь пришлась на 2003 (15), 2014 (16) и 2018 (17) годы. При этом законодатель начал вносить свои коррективы, направленные на усиление наказания, с составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за посягательства на лесные ресурсы. Все 16 актов пенализации, произошедшие в 2014 г., коснулись лишь двух составов, посвящённых охране леса, – ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» и ст. 261 УК РФ «Уничтожение или повреждение лесов».

Исключение в данной группе составляет ст. 259 УК РФ «Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесённых в Красную книгу РФ». Из трёх внесённых за весь период действия УК РФ изменений в санкцию (диспозиция не менялась), мы видим 4 акта депенализации и 1 – пенализации. При этом данное преступление отнесено законодателем к категории преступлений небольшой тяжести, так как максимальное наказание, предусмотренное законом, – это лишение свободы до трёх лет. И это при том, что в статье речь идёт не просто о гибели животных, занесённых в Красную книгу, а об уничтожении мест их обитания и гибели сразу нескольких популяций этих организмов. Данный состав, на наш взгляд, вообще ущербный с точки зрения юридической техники, не поддающийся никакой логике построения и смысловой доступности и, как следствие, не применяемый на практике. Мы об этом уже неоднократно писали в своих работах [10, с. 119]. Соответственно мы и рекомендовали, и рекомендуем исключить его из УК РФ.

Что касается медианы санкций данной группы преступлений, то мы также наблюдаем общую тенденцию на увеличение её показателей, однако здесь не всё однозначно. Рассмотрим отдельные составы преступлений.

Так, в ст. 253 УК РФ медиана увеличилась только в 2018 г., за счёт введения в санкции обеих частей (основные составы) такого вида наказания, как лишение свободы. До этого момента самым строгим наказанием, фигурировавшим в санкциях, были исправительные работы. Примерно то же можно сказать относительно санкции ст. 258 УК РФ «Незаконная охота», в ч. 1 которой в этом же году введено лишение свободы на срок до двух лет, а вот по ч. 2 (квалифицированный состав), предусматривающей совершение указанного преступления лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо с причинением особо крупного ущерба, произошёл значительный скачок, а именно – увеличение средних показателей практически в четыре раза. Здесь также стоит упомянуть, что ч. 3, содержащая те же признаки, за исключением особо крупного ущерба, появилась в 2018 г. и в ст. 253 УК РФ, о которой мы говорили выше. При этом степень общественной опасности ква-

лиффицированных составов этих двух преступлений законодатель признал равной, что, по нашему мнению, совершенно справедливо. Соответственно мы видим, что законодатель не просто подчеркнул, но и значительно усилил общественную опасность рассматриваемых преступлений.

В ст. 256 УК РФ, о которой мы уже упоминали, увеличение началось чуть ранее, в 2016 г., когда в основные составы (ч. ч. 1, 2) также ввели лишение свободы на срок до двух лет. В том же году произошло увеличение медианы и по квалифицированному составу (ч. 3), содержащему такие же признаки, как и в ч. 2 ст. 258 УК РФ, но менее значительное, лишь в 2 раза, т.е. по неизвестной нам причине законодатель оценивает данный квалифицированный состав незаконной добычи водных биологических ресурсов как менее опасный в сравнении с незаконной охотой при тех же обстоятельствах, что никак не согласуется с правилами построения санкций, которые должны быть криминологически обоснованы, в частности соответствовать характеру и степени общественной опасности деяний.

Статья 258.1 УК РФ «Незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ» является относительно новой (введена в УК РФ в 2013 г.), и с этого периода показатели медианы не менялись. Видимо законодатель изначально зафиксировал, по его мнению, должный уровень общественной опасности соответствующих преступлений. Однако, в связи с ростом показателей по иным составам, связанным с незаконной добычей живых ресурсов, и, соответственно, сокращением разрыва, в ряде случаев значительным, в степени общественной опасности между ними, думается, что на сегодняшний день законодатель всё же недооценивает общественную опасность рассматриваемых преступлений. На наш взгляд, санкция ст. 258.1 УК нуждается в доработке и усилении, так как мы имеем дело не просто с гибелью животных, а с гибелью особо ценных животных, и это должно быть отражено в санкции.

Самой интересной и неоднозначной в рассматриваемом ключе видится ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений». Увеличение средних показателей интенсивности наказания здесь началось ранее всего, с 2001 г., когда ч. 2 (квалифицированный состав) была дополнена наказанием в виде лишения свободы. Далее, в 2008 г., эта тенденция продолжилась, и показатели увеличились по всем частям, в том числе и по основному составу, куда, наконец, внесли лишение свободы в качестве вида наказания. Однако уже в 2011 г. произошло уменьшение рассматриваемых показателей в санкциях квалифицированного и особо квалифицированного составов, и лишь спустя три года, в 2014 г., показатели вновь увеличились по всем частям. При этом отметим, что в итоге в ч.ч. 2 и 3 они стали слегка больше, чем в 2011 г. после уменьшения. Наглядно эти, так сказать, скачки законоотворчества можно увидеть на представленном ниже графике (рис. 1).

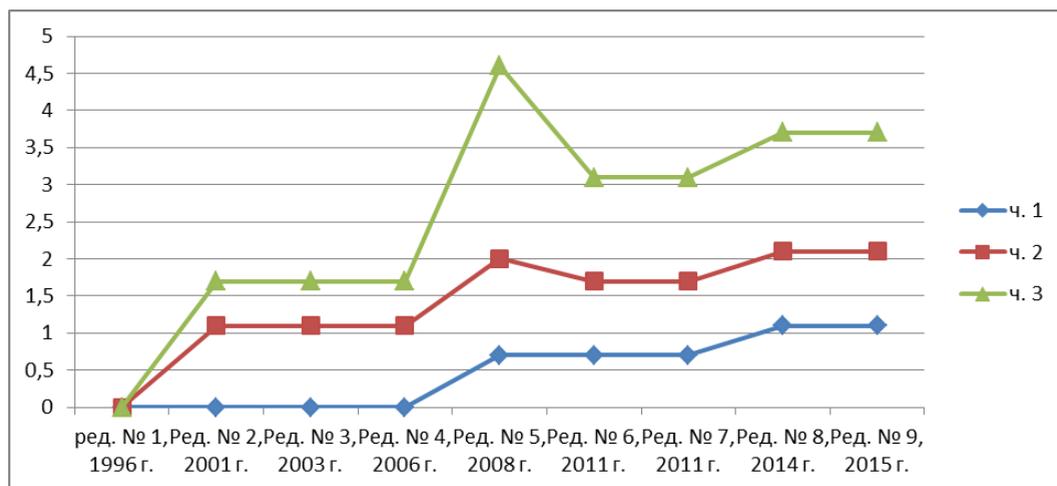

Рис. 1. Изменения медианы санкции по ст. 260 УК РФ

И заключительная ст. 261 УК, также посвящённая охране леса, в целом продолжает тенденцию усиления средней шкалы наказуемости. Однако первое, о чём стоит сказать, это резкое уменьшение в 2003 г. медианы в ч. 2, где речь идёт об уничтожении или повреждении лесных насаждений путем поджога, с 5 лет и 6 мес. до 3 лет и 7 мес. Далее, в 2010 г. вместе с дифференциацией (появились квалифицированные составы в обеих частях) мы уже наблюдаем повсеместное увеличение средних показателей, но не до пределов, содержащихся в первоначальной редакции. На сегодняшний день даже в случае умышленного уничтожения или повреждения лесных насаждений с причинением при этом крупного ущерба (ч. 4) средний показатель составляет 5 лет и 1 мес., а при отсутствии такого ущерба (ч. 3) – 4 г. и 1 мес.

Что же касается оставшихся ст. ст. 257, 259 УК РФ, то по ним медиана на протяжении всего периода не менялась.

Здесь стоит обозначить, что данная группа преступлений в последнее время находится в зоне пристального внимания законодателя, в связи с принятием Экологической доктрины РФ (одобрена распоряжением Правительства РФ от 31.08.2002 г.), Основ государственной политики в области экологического развития РФ на период 2030 г. (утв. Президентом РФ 30.04.2012), где к основным направлениям государственной политики в области экологии относится сохранение и восстановление природной среды, а также Стратегии экологической безопасности РФ на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19.04.2017 г.), где совершенствование законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования закреплено как приоритетное направление [11]. Подчеркнём, что обозначенные документы регламентируют необходимость усиленной охраны, сохранения и восстановле-

ния природной среды в целом, а интенсивные законодательные изменения, как мы успели убедиться, коснулись лишь составов, связанных с истреблением природных ресурсов.

Как видно, несмотря на пристальное внимание законодателя к рассматриваемым составам, изменения в санкции обозначенных норм вносились хаотично и бессистемно, законодатель как бы догонял сам себя, устраняя пробелы и недоработки каждого своих изменений.

В целом, говоря о главе 26 УК РФ, нами выявлены две основные тенденции: уменьшение уголовной репрессии в отношении общих экологических преступлений и преступлений, связанных с загрязнением окружающей среды, и её усиление в отношении составов браконьерства, связанных с охраной животного и растительного мира, которые, к слову сказать, являются самыми применяемыми внутри рассматриваемой главы и составляют основные статистические показатели по главе. Видимо именно поэтому законодатель обращает особое внимание именно на эти нормы, не задумываясь о степени общественной опасности иных экологических преступлений, которая, безусловно, выше, так как там страдает преимущественно не один, а как правило сразу несколько компонентов природной среды, в том числе и сам человек как существо биологическое и находящиеся в связи с природными объектами.

Интересно, что даже несмотря на то, что так называемых «браконьерских» составов насчитывается всего 7 из 18, предусмотренных гл. 26 УК РФ, за счёт повышенной пенализационной активности законодателя в отношении таковых, мы можем констатировать преобладание среди экологических преступлений в целом процессов пенализации над депенализацией, что можно наглядно увидеть из диаграммы (рис. 2).

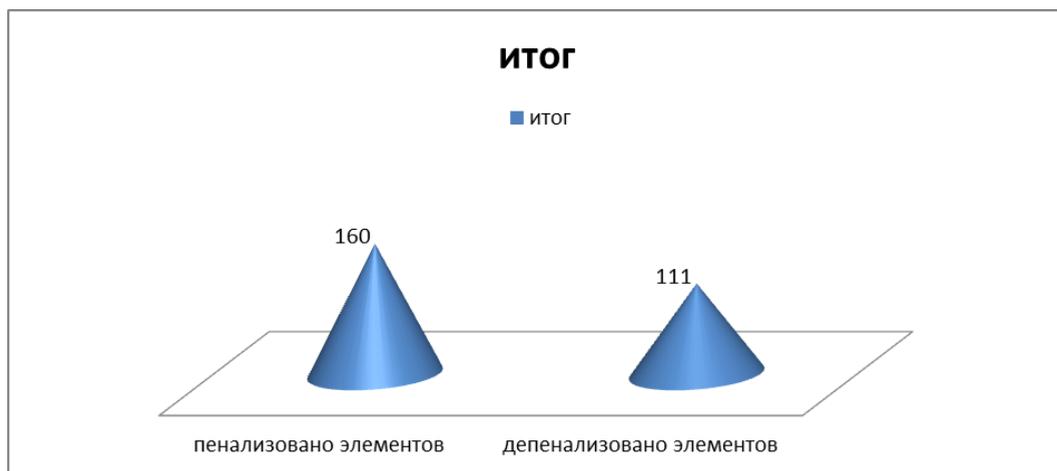

Рис. 2. Итоговые показатели пенализации и депенализации экологических преступлений

В итоге нашего исследования подчеркнём, что все изменения, вносимые в рассматриваемую главу УК РФ, являются точечными, разрозненными, не согласованными между собой, характеризуются отсутствием системности в законотворческой деятельности, что сказывается на качестве как отдельных уголовно-правовых норм, так и на уголовно-правовой охране природной среды в целом. В целях эффективной охраны окружающей среды необходимо формировать и в дальнейшем последовательно реализовывать единую уголовно-правовую политику в сфере экологической безопасности.

Список литературы

1. Коробеев, А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 247–250.
2. Коробеев, А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография / А. И. Коробеев. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 352 с.
3. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).
4. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 07 марта 2011 г. № 26-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).
5. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).
6. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).
7. Жевлаков, Э. М. Экологические правонарушения и ответственность / Э. М. Жевлаков. – Москва, 1997. – 80 с.
8. Баландюк, В. Н. Экологические преступления: (понятие, виды, классификация) / В. Н. Баландюк. – Омск, 1998. – 71 с.
9. Уголовное право России. Часть Особенная : учебник / под ред. А. И. Рарога. – Москва, 2003. – 704 с.
10. Надточий, Ю. В. Преступления, посягающие на морскую природную среду : монография / Ю. В. Надточий ; под науч. ред. А. И. Коробеева. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – 204 с.

11. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).

References

1. Korobeev A.I. *Ugolovnaya politika sovremennoi Rossii: sostoyanie i perspektivy* [The criminal policy of modern Russia: state and prospects]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2016, no. 3 (35), pp. 247–250.

2. Korobeev A.I. *Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa* [The criminal law policy of Russia: from genesis to crisis: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2019. 352 p.

3. *On introducing amendments and addenda to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 08 December, 2003 No. 162-FZ*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

4. *On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 03 March, 2011 No. 26-FZ*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

5. *On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 07 December, 2011 No. 420-FZ*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

6. *On the application by the courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature use: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 18, 2012*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

7. Zhevlakov E.M. *Ekologicheskie pravonarusheniya i otvetstvennost'* [Environmental offenses and liability]. Moscow, 1997. 80 p.

8. Balandyuk V.N. *Ekologicheskie prestupleniya: (ponyatie, vidy, klassifikatsiya)* [Ecological crimes: (concept, types, classification)]. Omsk, 1998. 71 p.

9. Rarog A.I., ed. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' Osobennaya: uchebnik* [The criminal law of Russia. Part Special: textbook]. Moscow 2003. 704 p.

10. Nadtochy Yu.V. *Prestupleniya, posyagayushchie na morskuyu prirodnyuyu sredu: monografiya* [Crimes encroaching on the marine environment: monograph]. Vladivostok: Publ. House Far Eastern Univ., 2009. 204 p.

11. *On the Environmental Security Strategy of the Russian Federation for the period until 2025: Decree of the President of the Russian Federation of April 19, 2017 No. 176*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

УДК 343.34(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/154-170

С. И. Голубев¹

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

E-mail: tasikitten1@rambler.ru

ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

Аннотация. Статья посвящена теоретическим и законодательным проблемам последствий экологических преступлений, которые в уголовном праве РФ выступают в одной из трёх ролей: во-первых, криминообразующего признака; во-вторых, квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака и, в-третьих, обстоятельства, отягчающего наказание. Кроме того, они являются основанием межотраслевой дифференциации ответственности. В связи с этим рассмотрены общие проблемы понятия последствий, их терминологического обозначения, соотношения имеющих по этому поводу понятий между собой, места последствий в структуре состава преступления; проанализированы технико-юридические приёмы, положенные в основу отражения в уголовно-правовых нормах рассматриваемого признака: 1) внешнее его проявление; 2) тип изменений общественных отношений (объекта преступления); 3) содержание общественных отношений, претерпевших изменения в результате экологического преступления. Высказано мнение относительно правомерности создания составов реальной опасности.

Особое внимание уделено такому преступному последствию, как ухудшение качества окружающей среды, которое терминологически в законе обозначено по-разному: существенное изменение радиационного фона; загрязнение, отравление, заражение, деградация компонентов окружающей среды либо природы в целом; кроме того, один и тот же термин «загрязнение» используется как для характеристики деяния (ст. 250, 252, 254, ч. 2 ст. 261), так и последствий (ч. 2 ст. 247, ч. 1 ст. 251).

Рассмотрены проблемы отражения в уголовно-правовых нормах гл. 26 УК РФ физического вреда, в том числе эпидемии, преступного последствия в виде утраты компонента природной среды или природного объекта (гибели животных,

¹Станислав Игоревич Голубев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия.

Для цитирования: Голубев С. И. Последствия экологических преступлений и их отражение в российском уголовном законе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 1. С. 154–170.

рыбы или других водных биологических ресурсов, популяций организмов; причинения существенного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству, водным биологическим ресурсам, окружающей среде; распространения эпизоотий; уничтожения или повреждения в значительных размерах кормовых запасов, лесных насаждений).

Ключевые слова: экологические преступления, последствия, двойственная природа, виды последствий, основные и дополнительные последствия, угроза как вид последствий, место последствий в составе, отражение последствий в законе; технико-юридические приёмы, уголовно-правовое значение.

Stanislav I. Golubev¹

Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia

E-mail: tasikitten1@rambler.ru

CONSEQUENCES OF ENVIRONMENTAL CRIMES AND THEIR REFLECTION IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

Abstract. The article is devoted to theoretical and legislative problems of the consequences of environmental crimes which in criminal law act in one of the three roles: first, the criminological characteristic; second, the qualifying (especially qualifying) characteristic and, third, the circumstance that aggravates the punishment. In addition, they are the basis for intersectoral differentiation of responsibility. In this regard, the general problems of the concept of consequences, their terminological designation, the ratio of existing concepts in this regard to each other, the place of consequences in the structure of the crime have been considered; the technical and legal techniques that form the basis for the reflection of the considered feature in criminal law norms have been analyzed: 1) its external manifestation: 2) the type of changes in social relations (the object of the crime): 3) the content of public relations that have undergone changes as a result of environmental crime. An opinion was expressed regarding the legality of creating real hazard compounds.

Special attention has been paid to such a criminal consequence as environmental degradation which is defined in different terms in the law: significant change in the radiation background; pollution, poisoning, infection, degradation of components of the environment or nature as a whole; in addition, the same term "contamination" is used both to

¹ Stanislav I. Golubev, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

For citing: Golubev S. I. Consequences of environmental crimes and their reflection in the Russian Criminal law // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No 1. P. 154–170.

characterize the act (articles 250, 252, 254, part 2 of article 261) and the consequences (part 2 of article 247, part 1 of article 251).

The problems of reflection of physical harm, including epidemic, criminal consequences in the form of loss of a component of the natural environment or a natural object (death of animals, fish or other aquatic biological resources, populations of organisms; causing significant harm to animals or plants, fish stocks, forestry or agriculture, aquatic biological resources, the environment; the spread of epizootics; destruction or damage in significant amounts of bark stocks, forest stands) have been considered.

Keywords: environmental crimes, consequences, dual nature, types of consequences, main and additional consequences, threat as a type of consequences, place of consequences in the composition, reflection of consequences in the law; technical and legal techniques, criminal legal significance.

Проблема последствий преступления вообще и экологических преступлений в частности, несмотря на имеющиеся достаточно серьезные уголовно-правовые исследования, остаётся дискуссионной, причем споры идут как по поводу применяемой терминологии для обозначения, так и сущности, видах и их места в структуре состава преступления. Например, в литературе говорится о последствиях, преступном результате, вреде, об ущербе и т.д. [12, с. 9–10], что вносит путаницу в определение объёма понятий, их соотношение, в частности преступного последствия и преступного результата. Так, А. С. Михлин последние два понятия считал равнозначными [20, с. 16]; другие соотносили их как содержание и форму [29, с. 153]. Н. Ф. Кузнецова с термином «результат» связывала лишь отражение в законе непосредственного экономического ущерба, оцениваемого исходя из денежной стоимости чаще всего предмета преступления [13, с. 228]. По мнению же Д. А. Крашенинникова, указанный термин вообще «не несёт в себе юридического содержания, а используется законодателем лишь как лингвистический приём для конструирования той или иной правовой нормы и употребляется им в значении «вследствие» («в результате совершения преступления», «в результате неосторожного обращения с огнём» и т.д.)» [12, с. 11].

А. И. Чучаев словосочетания «преступные последствия» и «общественно опасные последствия» употребляет как синонимичные [28, с. 86].

Н. Ф. Кузнецова предлагала выделять последствия вообще и последствия как элемент состава преступления. При этом под последним она понимала общественно вредные изменения, произведенные преступными действиями в объекте посягательства. Все остальные, по её мнению, не влияют на квалификацию преступления, а должны учитываться при определении вида и размера наказания [12, с. 11].

В литературе все последствия преступления иногда классифицируются на два вида: основные и дополнительные. Первые входят в состав преступления, вторые

предполагают вред такого вида, который по характеру и степени опасности не достигает уровня последствий, указанных в законе [28, с. 86–87].

Рассматриваемый признак С. В. Землюков именуется в зависимости от формы вины: применительно к умышленным преступлениям говорит о результатах посягательства, а к неосторожным – о преступных последствиях [5, с. 24]. Позиция С. В. Землюкова была положительно оценена Ю. А. Красиковым и А. И. Рарогом, посчитавшими, что выделение указанных последствий уточняет понятийный аппарат уголовного права [10, с. 155–156]. Однако следует заметить, что предложение в литературе не нашло сторонников, возможно, из-за противоречивости автора, его непоследовательности. Так, относя преступные последствия к деяниям, совершённым по неосторожности, этим же термином он называет последствия в виде унижения чести и достоинства человека, ограничение его свободы, хотя эти преступления являются умышленными.

Имеющиеся проблемы законодательного закрепления в УК РФ последствий экологических преступлений обусловлены в том числе отсутствием в теории уголовного права бесспорного определения их места в системе признаков состава преступления. Как известно, многие учёные небезосновательно относят последствия к объективной стороне преступления. Ю. И. Ляпунов считал, что «последствие находится в пределах объективной стороны лишь в потенции, существуя в форме реальной возможности, но не действительности... Превращение возможности наступления последствий в действительность – это тот этап в развитии причинно-следственных связей, на котором последствия навсегда покидают пределы объективной стороны и вредоносно врываются в сферу объекта уголовно-правовой охраны» [18, с. 81].

Таким образом, автор, на наш взгляд, подчеркивал двойственную природу преступных последствий: характеризуя указанный элемент состава преступления, они отражаются в объекте преступления, указывают на изменение состояния природной среды, обеспечивающей жизненно важные интересы человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных природных и техногенных ситуаций. Данное обстоятельство в первую очередь свидетельствует о взаимосвязи элементов состава преступления вообще и его объективных признаков в частности. Однако это же обстоятельство и породило дискуссию как о природе преступных последствий, так и их месте в структуре состава преступления.

Некоторые учёные утверждают, что последствия, получившие реальное отражение в объекте преступления, и последствия, относимые к объективной его стороне, соотносятся между собой как общее и частное, не могут ни отождествляться, ни противопоставляться друг другу, поскольку они характеризуют особенности единого в своей динамике преступного воздействия на позитивное правоотношение. Так, С. П. Новосельцев считает, что «самостоятельного» и «автономного» по-

следствия как признака объективной стороны вообще не существует [21, с. 80–81]. В другом случае он утверждает, что в формальных составах преступления последствия отражаются только в объекте преступления [21, с. 77].

Другие учёные не признают указанного двойственного характера преступных последствий, полагая, что они являются исключительно признаком объекта преступления. Например, В. К. Глистин писал: «...никаких значимых последствий за пределами объекта не существует, любые преступные последствия должны ограничиваться рамками охраняемого уголовно-правовой нормой общественного отношения» [1, с. 94–95]. Правда, автор не говорит, как подразделяются значимые и не значимые последствия, какие из последних могут находиться за рамками объекта. Скорее всего, это фигура речи – и не более того.

С. И. Улезько также признает преступные последствия признаком объекта преступления [30, с. 33], его позиция поддержана С. В. Краснопеевым [11, с. 54].

Определение понятия преступных последствий экологических преступлений в уголовном праве ещё не сформировалось. Д. А. Крашенинников под ними понимает негативные изменения общественных отношений по охране природной среды и обеспечению экологической безопасности [12, с. 145]. Нетрудно заметить, что автор подменяет объект преступления, во-первых, по его охране и обеспечению, это в свою очередь не могло не сказаться на точности предлагаемой дефиниции; во-вторых, в качестве уголовно-правовой охраны указывает природную среду, что нарушает соотношение видового и родового объектов экологических преступлений.

В уголовном праве последствия экологических преступлений выступают в одной из трёх ролей: во-первых, криминообразующего признака; во-вторых, квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака и, в-третьих, обстоятельство, отягчающего наказание. Кроме того, надо иметь в виду, что они являются основанием межотраслевой дифференциации ответственности [4].

При отражении преступного последствия в уголовном законе законодатель в разном сочетании использовал ряд технико-юридических приемов, взяв за основу:

1) внешнее его проявление:

- фактическое наступление вреда (ст. 246, ч. 2 и 3 ст. 247, ст. 248 УК РФ и др.);
- угроза причинения вреда (ч. 1 ст. 247 УК РФ).

2) тип изменений общественных отношений (объекта преступления):

- ухудшение качества природной среды (ст. 246, ч. 1 ст. 251 УК РФ и др.);
- полная или частичная утрата компонента природной среды или природного объекта (ч. 2 ст. 252, ст. 259, 260, 261 УК РФ и др.);
- физический вред (ч. 3 ст. 247, ч. 2 ст. 248 УК РФ и др.);
- неопределенный (неконкретизированный) тип (ч. 2 ст. 252, ст. 255 УК РФ и др.);

3) по содержанию общественных отношений, претерпевших изменения в результате экологического преступления:

- экологический вред (ст. 251, 252, ч. 1 ст. 254 УК РФ и др.);
- причинение смерти или вреда здоровью человека (ст. 246, ч. 3 ст. 247, ч. 1 ст. 248 УК РФ и др.);
- опосредованный экономический вред, входящий в содержание ряда преступных последствий, отражённых оценочными понятиями (существенный вред, значительный и крупный ущерб и т. д.), (ч. 2 ст. 252, ст. 255 и 262 УК РФ и др.).

В числе указанных последствий особое место занимает ухудшение качества окружающей среды, поскольку именно оно имманентно присуще экологическому преступлению, определяет суть последнего. В УК РФ указанное ухудшение терминологически обозначено по-разному: в ст. 246 говорится о существенном изменении радиационного фона; в ч. 2 ст. 247, ч. 1 ст. 251, ч. 1 ст. 254 – о загрязнении, отравлении, заражении, деградации компонентов окружающей среды либо природы в целом.

Подобные формулировки последствий, на наш взгляд, обусловили дискуссию в теории, привели к разной правовой оценке деяний в судебной и следственной практике. В какой-то степени на это оказала влияние непоследовательность законодателя в использовании терминов для обозначения признаков состава преступления. Например, в гл. 26 УК РФ один и тот же термин «загрязнение» используется как для характеристики деяния (ст. 250, 252, 254, ч. 2 ст. 261), так и последствий (ч. 2 ст. 247, ч. 1 ст. 251).

Понятие загрязнения имеет нормативное определение. В ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» говорится: «Загрязнение окружающей среды – поступление в окружающую среду вещества и (или) энергии, свойства, местоположение или количество которых оказывают негативное воздействие на окружающую среду». Таким образом, рассматриваемый термин законодатель определяет через отглагольное существительное «поступление». Между тем последнее может характеризовать как процесс, так и его результат; признание одного из его значений непосредственно влияет на определение вида состава преступления по конструкции.

Исходя из этого, доктрина пытается выработать собственную дефиницию загрязнения. Например, Д. Б. Миннигулова [19, с. 158] и Н. В. Гулак [2, с. 10] воспринимают его как последствие преступления, которое означает негативное радиоактивное, биологическое, физико-химическое или иное изменение качества природной среды (атмосферного воздуха, вод, почвы и пр.) в результате хозяйственной и иной деятельности человека, превышающее установленные нормативы вредного воздействия на окружающую среду.

Указанные нормативы предусмотрены ст. 20 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и охватывают:

нормативы, установленные для химических показателей состояния окружающей среды, в том числе нормативы предельно допустимых концентраций;

нормативы, установленные для физических показателей состояния окружающей среды, в том числе показателей уровней радиоактивности;

нормативы для биологических показателей состояния окружающей среды, в том числе видов и групп растений, животных и других используемых как индикаторы качества окружающей среды организмов;

иные нормативы качества окружающей среды.

Нормативы качества окружающей среды устанавливаются на основании результатов лабораторных испытаний, а также для территорий и акваторий на основании данных наблюдений за состоянием окружающей среды [23].

Кроме определения сущности загрязнения в уголовном праве возникла проблема его отграничения от отравления и заражения, которыми характеризуется, например, последствие преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 247 УК РФ. Так, последние два О. Л. Дубовик [3, с. 166–167] признавала частным случаем загрязнения, а И. М. Тяжкова [14] вообще их считала синонимичными, что само по себе исключает какие-либо различия между ними. Н. А. Лопашенко исходит из того, что отравление является более глубокой степенью загрязнения окружающей среды, а заражение характеризует как привнесение в живую окружающую среду веществ и микроэлементов, вызывающих заболевания и мутации растений и животных, которые могут быть опасны и для человека [15, с. 74–75].

Э. Н. Жевлаков каждому из рассматриваемых последствий даёт самостоятельную характеристику. Под отравлением он понимает насыщение компонентов (ресурсов) природной среды ядовитыми веществами и отходами, способными вызвать гибель или расстройство здоровья людей и животных, уничтожение или угнетение роста растительности, мутации. Заражение же, на его взгляд, означает внесение в среду обитания возбудителей болезней животных, растений и человека, а также вредителей растительности, способных к быстрому размножению (как растительного, так и животного происхождения) [9, с. 515]. Таким образом, при разграничении этих последствий автор исходит из сущности применяемого экологически опасного вещества, что в какой-то степени согласуется с значением используемых для их обозначения понятий.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 18 октября 2012 г. № 21 (в ред. от 30 ноября 2017 г.) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [34], по сути, не дал толкования рассматриваемым признакам, ограничившись лишь общей рекомендацией, согласно которой «при решении вопроса о наличии в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного статьёй 247 УК РФ, судам следует исходить из положений как Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», так и иных федеральных законов (например, Федеральных законов от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ

«Об использовании атомной энергии», от 11 июля 2011 г. № 190-ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»»).

Не меньшее количество проблем связано с отражением в уголовно-правовых нормах гл. 26 УК РФ физического вреда. Достаточно сказать, что для его обозначения законодатель использует пять терминов: вред здоровью человека, существенный вред здоровью человека, распространение эпидемий, массовое заболевание людей и смерть человека. Уже одно это приводит к ошибкам в судебной и следственной практике, к дискуссии в теории уголовного права.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» по этому поводу сказано (п. 2): «Под причинением вреда здоровью человека при совершении преступлений, предусмотренных статьёй 246, частью 2 статьи 247, частью 1 статьи 248, частью 2 статьи 250, частью 2 статьи 251, частями 1 и 2 статьи 254 УК РФ, следует понимать причинение вреда здоровью любой степени тяжести одному или нескольким лицам». Однако это разъяснение вызывает обоснованные вопросы. Из него вытекает, что вред здоровью охватывает в том числе лёгкий вред и вред средней тяжести, следовательно, их наступление, при наличии всех остальных обстоятельств, означает, что в действиях лица имеется состав преступления и оно может быть привлечено к уголовной ответственности. При этом данные преступления, согласно этому же постановлению, могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности (в теории уголовного права обоснованность такой трактовки субъективной стороны этих преступлений вызывает сомнения [7]). Но это противоречит УК РФ, согласно которому причинение по неосторожности лёгкого вреда и вреда средней тяжести здоровью не образует какого-либо состава преступления (кроме наступления такого вреда при не оказании помощи больному – ст. 124).

На практике возникают сложности при определении эпидемии. Согласно ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [24] эпидемия – это инфекционные заболевания человека, характеризующиеся тяжёлым течением, высоким уровнем смертности и инвалидности, быстрым распространением среди населения. Очевидно, что эта трактовка не позволяет конкретизировать содержание эпидемии как преступного последствия.

Кроме того, эпидемия граничит с таким последствием, как массовое заболевание людей. Под последним понимаются «заболевания человека, возникновение которых обусловлено воздействием физических, и (или) химических, и (или) социальных факторов среды обитания» (ст. 1 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»). При этом надо иметь в виду, что в

указанном Федеральном законе заболевания и отравления используются как синонимичные понятия.

Таким образом, нормативные определения эпидемии и массового заболевания людей из-за их общего характера малопригодны для использования в судебной и следственной практике.

Кроме того, в ч. 1 ст. 248 УК РФ для характеристики последствия использовано множественное число – распространение эпидемий. Буквальное толкование приводит к выводу, что распространение одной эпидемии не образует состава преступления, предусмотренного указанной статьёй¹. На наш взгляд, имеет место типичная ошибка, которая в литературоведении именуется синекдохой – использование множественного числа вместо единственного [26, с. 351].

Еще более обширная терминология использована законодателем для отражения в уголовно-правовой норме преступного последствия в виде утраты компонента природной среды или природного объекта. В законе говорится:

1) о гибели животных, рыбы или других водных биологических ресурсов, популяций организмов (ст. 246, 247, 250, 257, 259 УК РФ);

2) о причинении существенного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству, водным биологическим ресурсам, окружающей среде (ст. 250, 252 УК РФ);

3) о распространении эпизоотий (ст. 248, 249 УК РФ);

4) об уничтожении или повреждении в значительных размерах кормовых запасов, лесных насаждений (ст. 257, 261 УК РФ).

Кроме того, обращает на себя внимание, на наш взгляд, чрезмерное увлечение законодателем оценочными понятиями: значительный, существенный, крупный, особо крупный. Хотя значение некоторых из них раскрыто в самом Уголовном кодексе (например, в примечании к ст. 260), толкование других традиционно вызывает сложности как в теории уголовного права, так и в судебной и следственной практике.

Особую группу образуют преступные последствия экологических преступлений с неопределённым типом изменений общественных отношений, признаваемых непосредственным объектом посягательства. На практике их установление вызывает особую сложность. На наш взгляд, можно выделить три вида таких последствий:

¹ Применительно, например, к составу преступления, предусмотренного ст. 259 УК РФ, в теории уголовного права синекдоха обусловила две диаметрально противоположные позиции. Одни авторы считают, что «для признания преступления окончено необходимо, чтобы уничтожение места обитания повлекло гибель двух и более популяций организмов, занесённых в Красную книгу РФ» (Ветров Н. И. Уголовное право. Особенная часть. М., 2002. С. 344). Другие же, наоборот, исходят из того, что для наличия данного состава преступления достаточно уничтожения хотя бы одной популяции (см.: Лопашенко Н. А. Экологические преступления. Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. С. 217).

- тяжкие последствия, иные тяжкие последствия (ст. 246, 248, 249, 257 УК РФ);
- существенный вред зонам отдыха, другим охраняемым законом интересам (ст. 252 УК РФ);
- значительный ущерб (ст. 255, 262 УК РФ).

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» указал (п. 5): «Под иными тяжкими последствиями применительно к статье 246 УК РФ следует понимать, в частности, такое ухудшение качества окружающей среды и её компонентов, устранение которого требует длительного времени и больших финансовых затрат (например, массовые заболевания или гибель объектов животного мира, в том числе рыбы и других водных биологических ресурсов; уничтожение условий для их обитания и воспроизводства (потеря мест нагула, нереста и зимовальных ям, нарушение путей миграции, уничтожение кормовой базы); уничтожение объектов растительного мира, повлекшее существенное сокращение численности (биомассы) указанных объектов; деградация земель)».

Представляется неоправданным использование законодателем в качестве последствия экологического преступления создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде (ч. 1 ст. 247 УК РФ). Как известно, в теории уголовного права до сих пор не определена юридическая природа этого вида последствия. Дискуссия обозначила два основных подхода к характеристике состава подобного преступления по конструкции: одни считают его формальным, другие – материальным, признавая угрозу самостоятельным видом последствия [12, с. 9–22].

В литературе высказываются опасения, что такая формулировка последствия таит опасность отождествления оконченного преступления с предварительной преступной деятельностью [17, с. 67]. Кроме того, на практике очень сложно или практически невозможно установить чёткие критерии оценки реальности угрозы [27, с. 27]. Вероятно, в том числе и поэтому ст. 247 УК РФ очень редко встречается в правоприменительной деятельности органов предварительного расследования и суда [8, с. 1117].

В литературе имеется и иное мнение по поводу экологических преступлений, имеющих состав реальной опасности. Например, А. П. Чугаев, наоборот, предлагает расширить их круг. Основанием для этого выступает судебная пенализация рассматриваемых преступлений, которая, по мнению автора, является недостаточно жёсткой. А преступления с составом реальной опасности позволят наказывать за их совершение на более раннем этапе [32, с. 8].

В целом это предложение было поддержано Н. А. Лопашенко [16, с. 113].

Законодателем не всегда соблюдается требование о полноте отражения и недвусмысленности описания последствий экологических преступлений как крими-

нообразующих признаков. Например, в ст. 255 УК РФ не указано такое последствие, как загрязнение подземного источника питьевого водоснабжения; в ст. 246, ч. 2 ст. 247, ст. 257 УК РФ – причинение существенного вреда природной среде и т.д. [33, с. 290]. Эти и другие дефекты технико-юридического отражения общественно опасного вреда могут привести по крайней мере к двум нежелательным явлениям: во-первых, искусственному уменьшению сферы действия уголовно-правовой нормы, когда тождественные последствия получают различную правовую оценку; во-вторых, неточной характеристике последствия, что может породить ошибки в толковании данного признака, а, следовательно, и неправильную квалификацию содеянного.

Последствия экологических преступлений выступают в качестве как внутриотраслевой, так и межотраслевой дифференциации. В качестве первого обстоятельства они выполняют функцию квалифицирующих признаков. В уголовно-правовых нормах об экологических преступлениях, к сожалению, они представлены мозаично, какого-либо единого подхода к их закреплению в законе не усматривается, что безусловно нарушает принцип дифференциации ответственности в зависимости от вида и тяжести наступивших последствий [22, с. 290]. Более того, они перегружены оценочными понятиями, что вкупе с бланкетным характером уголовно-правовых норм создает дополнительные риски в оценке наступившего преступного последствия и его квалификации.

Недостатки технико-юридического отражения последствий экологических преступлений сказываются на межотраслевой дифференциации ответственности, в частности уголовной и административно-правовой. Справедливости ради следует отметить, что этот упрек следует адресовать не только уголовному, но и административному законодательству. Так, Н. В. Клишина отмечает, что указанный недостаток присущ, например, ст. 249 УК РФ, предусматривающей ответственность в том числе за нарушение ветеринарных правил. «Если УК устанавливает ответственность только за такое нарушение правил, которое повлекло по неосторожности распространение эпизоотий или иные тяжкие последствия..., то в случае, когда такие последствия не наступили, логично было бы установить административную ответственность. На данном уровне дифференциации ответственности в законодательстве наблюдается значительный пробел, поскольку «параллельных» норм в КоАП РФ сейчас нет» [6, с. 222].

Немало примеров и обратного характера, когда КоАП РФ содержит соответствующий административно-правовой деликт, конкретное проявление которого способно причинять вред, свойственный экологическим преступлениям, обладает всеми другими признаками, присущими общественно опасному деянию, но в УК РФ он не представлен. В этом отношении характерен административно-правовой деликт, закреплённый в ст. 8.4 КоАП РФ. Административно-правовая ответствен-

ность наступает за невыполнение требований законодательства об обязательности проведения государственной экологической экспертизы, финансирования или реализации проектов, программ и иной документации, подлежащих государственной экологической экспертизе и не получивших положительного заключения государственной экологической экспертизы. Федеральный закон от 25 ноября 1995 г. № 174-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) «Об экологической экспертизе» [25] содержит перечень указанных в административно-правовой норме нарушений. В сущности, по последствиям, которые могут наступить в результате нарушения перечисленных правил, деяние вполне может быть криминализовано, однако этого не произошло. При этом надо заметить, что применительно к другим обстоятельствам, например, к экспертизе промышленной безопасности, законодатель посчитал необходимым признать ложное заключение преступным (ст. 217² УК РФ). Между тем последствия нарушения указанных видов экспертиз, на наш взгляд, вполне сопоставимы.

Проблемы межотраслевой дифференциации возникают из-за придания одному и тому же термину, используемому в уголовном и административном законодательстве, различного значения. Это обстоятельство наглядно видно при сравнении содержания, например, ст. 254 УК РФ и ст. 8.6 КоАП РФ, предусматривающих ответственность за порчу земли. Но в первом случае речь идёт об отравлении, загрязнении или иной порче земли вредными продуктами хозяйственной или иной деятельности; во втором – самовольном снятии или перемещении плодородного слоя. Очевидно, что в этом случае не может идти и речи о парности указанных норм.

Краткий анализ отражения в уголовном законе последствий экологических преступлений показал, что законодателем допущены существенные дефекты, снижающие эффективность уголовно-правовых норм.

Список литературы

1. Глистин, В. К. Проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений) / В. К. Глистин. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1979. – 127 с.
2. Гулак, Н. В. Правовая охрана окружающей природной среды от загрязнения : дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Гулак. – Оренбург, 1998. – 140 с.
3. Дубовик, О. Л. Экологические преступления. Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации / О. Л. Дубовик. – Москва : Спарк, 1998. – 252 с.
4. Зверева, А. И. Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов: характеристика и разграничение со смежными деликтами / А. И. Зверева ; под ред. Ю. В. Грачевой. – Москва, 2019. – 200 с.

5. Землюков, С. В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда / С. В. Землюков. – Новосибирск : Изд-во Новосибирск. ун-та, 1991. – 241 с.
6. Клишина, Н. В. Проблемы дифференциации ответственности за экологические преступления // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. – 2004. – Вып. 8. – С. 219–227.
7. Князев, А. Г. Экологические преступления / А. Г. Князев, Д. Б. Чураков, А. И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2009. – 462 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. – Москва : Проспект, 2018. – 1349 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. – Москва, 2013. – 1359 с.
10. Красиков, Ю. А. [Рецензия] / Ю. А. Красиков, А. И. Рарог // Государство и право. – 1993. – № 10. – С. 155–157. – Рец. на: Землюков, С. В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. – Новосибирск : Изд-во Новосибирск. ун-та, 1991. – 242 с.
11. Краснопеев, С. В. Последствия преступления в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Краснопеев. – Кисловодск, 2003. – 197 с.
12. Крашенинников, Д. А. Последствия экологических преступлений / Д. А. Крашенинников ; под ред. А. И. Чучаева. – Ульяновск, 2007. – 161 с.
13. Курс уголовного права : в 5-ти т. Т. 1 : Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – Москва : Зерцало, 2002. – 624 с.
14. Курс уголовного права : в 5-ти т. Т. 4 / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. – Москва : Зерцало, 2002. – 672 с.
15. Лопашенко, Н. А. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации / Н. А. Лопашенко. – Санкт-Петербург, 2002. – 800 с.
16. Лопашенко, Н. А. Экологические преступления : уголовно-правовой анализ / Н. А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 526 с.
17. Лукьянов, В. В. Угроза причинения вреда как последствие противоправного деяния // Российская юстиция. – 2001. – № 1. – С. 67.
18. Ляпунов, Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права / Ю. И. Ляпунов. – Москва : Высшая юридическая заочная школа, 1989. – 117 с.
19. Миннигулова, Д. Б. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с загрязнением окружающей природной среды : дис. ... канд. юрид. наук / Д. Б. Миннигулова. – Москва, 2002. – 179 с.
20. Михлин, А. С. Последствия преступления / А. С. Михлин. – Москва : Юрид. лит., 1969. – 104 с.
21. Новосельцев, С. П. Преступления с формальным составом в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук / С. П. Новосельцев. – Красноярск, 1998. – 190 с.

22. Огородникова, Н. В. Признаки, дифференцирующие уголовную ответственность за экологические преступления (в контексте возможных перспектив их оптимизации) // Экология и уголовное право: поиск гармонии : материалы науч.-практ. конф., Геленджик, 2011. – Краснодар, 2011. – С. 294–304.
23. О разработке, установлении и пересмотре нормативов качества окружающей среды для химических и физических показателей состояния окружающей среды, а также об утверждении нормативных документов в области охраны окружающей среды, устанавливающих технологические показатели наилучших доступных технологий : постановление Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 149. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/552424017> (дата обращения 20.02.2020).
24. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13636> (дата обращения 20.02.2020).
25. Об экологической экспертизе : Федеральный закон от 25 ноября 1995 г. № 174-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.). – URL: <https://rulaws.ru/laws/Federalnyy-zakon-ot-23.11.1995-N-174-FZ/> (дата обращения 20.02.2020).
26. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – Москва : Просвещение, 1974. – 509 с.
27. Тер-Акопов, А. А. Научно-технический прогресс и некоторые вопросы причинной связи в уголовном праве // Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права : сб. материалов науч.-практ. конф. – Москва, 1975. – С. 129–137.
28. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части / под ред. А. И. Чучаева. – Москва : Контракт : ИНФРА-М, 2013. – 213 с.
29. Уголовное право. Общая часть. – Москва : КноРус, 1997. – 683 с.
30. Улезько, С. И. Теоретические основы исследования уголовно-правовой охраны налоговой системы России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. И. Улезько. – Москва, 1998. – 52 с.
31. Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права : сб. материалов науч.-практ. конф. – Москва, 1975. – 246 с.
32. Чугаев, А. П. Экологические преступления, связанные с причинением смерти или вреда здоровью человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003. – 26 с.
33. Чучаев, А. И. Общественно опасные последствия экологических преступлений и дифференциация ответственности // Экология и уголовное право: поиск гармонии : материалы науч.-практ. конф., Геленджик, 2011. – Краснодар, 2011. – С. 290–293.
34. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление от 18 октября 2012 г. № 21 (в ред. от 30 ноября 2017 г.). – URL:

<https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-18102012/> (дата обращения 20.02.2020).

References

1. Glistin V. K. *Problemy ugolovno-pravovoi okhrany obshchestvennykh otnoshenii (ob"ekt i kvalifikatsiya prestuplenii)* [Problems of criminal legal protection of public relations (object and qualification of crimes)]. Leningrad, 1979. 127 p.
2. Gulak N. V. *Pravovaya okhrana okruzhayushchei prirodnoi sredy ot zagryazneniya* [Legal protection of the environment from pollution]. Cand. diss. (Legal Sci.). Orenburg, 1998. 140 p.
3. Dubovik O. L. *Ekologicheskie prestupleniya. Kommentarii k glave 26 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Environmental crime. Commentary on Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Spark Publ., 1998. 252 p.
4. Zvereva A. I. *Ekologicheskie prestupleniya, posyagayushchie na bezopasnost' vodnykh ob"ektov: kharakteristika i razgranichenie so smezhnymi deliktami* [Ecological crimes encroaching on the safety of water bodies: characterization and delimitation with related torts]. Moscow, 2019. 200 p.
5. Zemlyukov S. V. *Ugolovno-pravovye problemy prestupnogo vreda* [Criminal legal problems of criminal harm]. Novosibirsk, 1991. 241 p.
6. Klishina N. V. Problemy differentsiatsii otvetstvennosti za ekologicheskie prestupleniya [Problems of differentiation of responsibility for environmental crimes]. *Yuridicheskie zapiski Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova*, 2004, iss. 8, pp. 219–227.
7. Knyazev A. G., Churakov D. B., Chuchaev A. I. *Ekologicheskie prestupleniya* [Environmental crime]. Moscow: Prospekt Publ., 2009. – 462 p.
8. Chuchaev A. I., ed. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (nauchno-prakticheskii)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical)]. Moscow: Prospekt Publ., 2018. 1349 p.
9. Lebedev V. M., ed. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, 2003. – 1359 p.
10. Krasikov Yu.A., Rarog A. I. Retsenziya na: Zemlyukov, S. V. *Ugolovno-pravovye problemy prestupnogo vreda* [Review of the book: Zemlyukov S.V. Criminal law problems of criminal harm]. *Gosudarstvo i pravo*, 1993, vol. 10, pp. 155–157.
11. Krasnopeev S. V. *Posledstviya prestupleniya v ugolovnom prave Rossii* [The consequences of a crime in the criminal law of Russia]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Kislovodsk, 2003. 197 p.
12. Krashennnikov D. A. *Posledstviya ekologicheskikh prestuplenii* [The consequences of environmental crime]. Ulyanovsk, 2007. 161 p.

13. Kuznetsova N. F., Tyazhkova I. M., eds. *Kurs ugovnogo prava: v 5-ti t. T. 1: Uchenie o prestuplenii* [The course of criminal law. In 5 vol. Vol. 1: The doctrine of the crime]. Moscow: Zertsalo Publ., 1999. 624 p.
14. Borzenkov G. N., Komissarov V. S. *Kurs ugovnogo prava: v 5-ti t. T. 4* [The course of criminal law. In 5 vol. Vol. 4]. Moscow: Zertsalo Publ., 2002. 672 p.
15. Lopashenko N. A. *Ekologicheskie prestupleniya: Kommentarii k glave 26 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Environmental crimes: Commentary on chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation]. St.-Petersburg, 2002. 800 p.
16. Lopashenko N. A. *Ekologicheskie prestupleniya: ugovno-pravovoi analiz* [Environmental crimes: criminal law analysis]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2017. 526 p.
17. Lukyanov V. V. Ugroza prichineniya vreda kak posledstvie pro-tivopravnogo deyaniya [The threat of harm as a consequence of an unlawful act]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2001, no. 1, pp. 67.
18. Lyapunov Yu. I. *Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak univer-sal'naya kategoriya sovetskogo ugovnogo prava* [The social danger of action as a universal category of Soviet criminal law]. Moscow: Publ. House of the Higher Correspondence Law School, 1989. 117 p.
19. Minnigulova D. B. *Ugovno-pravovye i kriminologicheskie problemy bor'by s zagryazneniem okruzhayushchei prirodnoi sredy* [Criminal law and criminological problems of combating environmental pollution]. Cand. Diss. (Legal. Sci.). Moscow, 2002. 179 p.
20. Mikhlin A. S. *Posledstviya prestupleniya* [The consequences of the crime]. Moscow, 1969. 104 p.
21. Novoseltsev S. P. *Prestupleniya s formal'nyim sostavom v ugovnom prave* [Criminal offenses in criminal law]. Cand. Diss. (Legal. Sci.). Krasnoyarsk, 1998. 190 p.
22. Ogorodnikova N. V. Priznaki, differentsiruyushchie ugovnuyu otvetstvennost' za ekologicheskie prestupleniya (v kontekste vozmozhnykh perspektiv ikh optimizatsii) [Signs that differentiate the criminal liability for environmental crimes (in the context of possible prospects for their optimization)]. In: *Ekologiya i ugovnoe pravo: poisk garmonii: materialy nauch.-prakt. konf., Gelendzhik, 2011* [Ecology and criminal law: the search for harmony: materials of scientific-practical. conf., Gelendzhik, 2011]. Krasnodar, 2011, pp. 294–304.
23. *On the development, establishment and revision of environmental quality standards for chemical and physical indicators of the state of the environment, as well as on the approval of regulatory documents in the field of environmental protection, establishing technological indicators of the best available technologies: Decree of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019 No. 149*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/552424017> (accessed 20 February 2020). (In Russian).
24. *On the sanitary and epidemiological well-being of the population: Federal Law dated March 30, 1999 No. 52-FZ (as amended on July 26, 2019)*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13636> (accessed 02 February 2020). (In Russian).

25. *On environmental impact assessment: Federal Law of November 25, 1995 No. 174-FZ (as amended on December 27, 2019)*. Available at: <https://rulings.ru/laws/Federalnyy-zakon-ot-23.11.1995-N-174-FZ/> (accessed 02 February 2020). (In Russian).

26. Timofeev L. I., Turaev S. V., eds. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of literary terms] / ed. L. I. Timofeev, S. V. Turaev. Moscow, 1974. 509 p.

27. Ter-Akopov A. A. Nauchno-tekhnicheskii progress i nekotorye voprosy prichinnoi svyazi v ugolovnom prave [Scientific and technological progress and some issues of causation in criminal law]. In: *Nauchno-tekhnicheskii progress i problemy ugolovnogo prava : sbornik materialov nauch.-prakt. konf.* [Scientific and technological progress and problems of criminal law: collection of materials scientific and practical. conf.]. Moscow, 1975, pp. 129–137.

28. Chuchaev A. I., ed. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya i Osobennaya chasty* [The criminal law of the Russian Federation. General and Special Parts]. Moscow: Kontrakt: INFRA-M Publ., 2013. 213 p.

29. *Criminal law. A common part*. Moscow: KnoRus Publ., 1997. 683 p.

30. Ulezko S.I. *Teoreticheskie osnovy issledovaniya ugolovno-pravovoi okhrany nalogovoi sistemy Rossii* [Theoretical foundations of the study of the criminal legal protection of the tax system of Russia]. Doct. Diss. (Legal. Sci.). Synopsis. Moscow, 1998. 52 p.

31. *Nauchno-tekhnicheskii progress i problemy ugolovnogo prava: sbornik materialov nauch.-prakt. konf.* [Scientific and technical progress and problems of criminal law: collection of materials scientific and practical. conf.]. Moscow, 1975. – 246 p.

32. Chugaev A. P. *Ekologicheskie prestupleniya, svyazannye s prichineniem smerti ili vreda zdorov'yu cheloveka* [Environmental crimes related to causing death or harm to human health]. Cand. Diss. (Legal. Sci.). Krasnodar, 2003. 26 p.

33. Chuchaev A. I. Obshchestvenno opasnye posledstviya ekologicheskikh prestuplenii i differentsiatsiya otvetstvennosti [Socially dangerous consequences of environmental crimes and differentiation of responsibility]. In: *Ekologiya i ugolovnoe pravo: poisk garmonii : materialy nauch.-prakt. konf. Gelendzhik, 2011* [Ecology and criminal law: the search for harmony: materials of scientific and practical. conf., Gelendzhik, 2011]. Krasnodar, 2011, pp. 290–293.

34. *On the application by the courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management: Decree of October 18, 2012 No. 21 (as amended of November 30, 2017)*. Available at: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-18102012/> (accessed 02 February 2020).

Научное издание

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН
Экономика, политика, право

Научный журнал

2020

№ 1

Председатель редакционного совета

С. Д. Князев

Главный редактор

А. И. Коробеев

Заместители главного редактора

В. В. Гаврилов, Н. В. Кузнецова, А. Ю. Мамычев

Ответственный секретарь

В. В. Короченцев

Редакционный совет

П. Я. Бакланов, В. Г. Белкин, Д. Вандерхзвааг, А. Я. Капустин,
А. С. Кошель, В. И. Курилов, Пак Ноенг, И. И. Рогов,
О. Н. Третьяк, Фу Куенчен, Хуан Даосю, И. В. Панова

Редакционная коллегия

К. В. Арановский, Л. Ю. Вотинцева, Е. П. Жариков,
Н. Н. Коротких, В. А. Номоконов, С. Д. Песцов

Редактор *Т. Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*

Редактор References *Т. В. Поликарпова*

Компьютерная верстка *С. А. Прудкогляд*

Дата подписания в печать 29.03.2020.

Формат 70x100 1/16.

Усл. печ. л. 13,87. Уч.-изд. л. 11,71.

Тираж 500 экз. Заказ 138.

Цена свободная.

Издатель:

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии Издательства
Дальневосточного федерального университета
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10